

Гийом

МЮССО

Guillaume Musso

потому что я тебя люблю

Ничего не надо бояться, ведь все можно понять

Annotation

Марк и Николь были счастливы, пока в их жизнь не пришло страшное несчастье — их дочь Лейла исчезла, и никто не мог найти ее. Марк, не справившись с горем, бросил все и ушел бродяжничать. И вот спустя пять лет Лейлу нашли в том самом месте, где она пропала. Радости Марка не было предела. Он немедленно вылетел за дочерью, чтобы вместе вернуться домой. Но почему Лейла все время молчит? Где она была все это время? И чем объяснить странное поведение Николь, которая отказалась лететь за дочерью вместе с мужем?

- [Гийом Мюссо](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [Эпилог № 1](#)
- [Эпилог № 2](#)
- [Только вам](#)

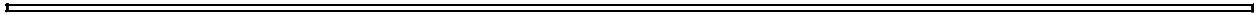
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)

- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)

Гийом Мюссо

ПОТОМУ ЧТО Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ...

Ничто лучше, чем роман, не дает представления о том, что реальность устроена плохо, что ее недостаточно для удовлетворения желаний, стремлений и мечтаний человека.

Марио Варгас Льоса

Читателям от автора

Не рассказывайте вашим друзьям, чем заканчивается эта история, иначе сюрприза не будет!

1

Ночь, когда все началось

*Мы должны научиться распознавать их сами —
самые важные перекрестки на нашем жизненном пути,
ведь путевых указателей нет.*

Эрнест Хемингуэй

Декабрь 2006 года

Рождественский вечер в самом центре Манхэттена.

С утра беспрестанно падает снег. Скованный холодом «никогда не засыпающий город», кажется, начинает затихать, несмотря на непрерывающуюся вакханалию уличного освещения.

В рождественский вечер машины катятся по улицам на удивление плавно, слой пушистого снега и плотные сугробы затрудняют малейшее передвижение.

На углу Мэдисон-авеню и 36-й улицы один за другим плывут лимузины, стараясь придерживаться заданного ритма. Они доставляют своих пассажиров к центральному подъезду красивого дома в стиле Ренессанс, туда, где располагается библиотека Моргана. Это один из самых престижных культурных фондов Нью-Йорка, отмечающий сегодня свое столетие.

На парадной лестнице — круговорот смокингов, роскошных нарядов, мехов и драгоценностей. Толпа стекается к павильону из стекла и стали. Он, являясь продолжением здания, гармонично вписывает его в XXI век. Длинный коридор последнего этажа ведет в просторную комнату, где за стеклами витрин выставлены некоторые из сокровищ фонда: библия Гутенберга, украшенные миниатюрами средневековые манускрипты, рисунки Рембрандта, Леонардо да Винчи и Ван Гога, письма Вольтера и Эйнштейна и еще — краешек бумажной скатерти, на котором Боб Дилан^[1] написал слова «Blow in the wind» («Унесенные ветром»).

Постепенно наступает тишина, опоздавшие занимают места. На сегодняшний вечер часть читального зала специально переоборудована для того, чтобы некоторые привилегированные гости смогли услышать сонеты

Моцарта и Брамса в исполнении скрипачки Николь Хэтэуэй.

Под аплодисменты исполнительница выходит на сцену. Это молодая женщина тридцати лет, умная, роскошная в ореоле выпавших на ее долю страданий. Прическа в стиле Грейс Келли придает ей облик хичкоковской героини. Николь Хэтэуэй восторженно принимали на многих сценах мира, она играла с самыми знаменитыми оркестрами и, записав в шестнадцать лет свой первый диск, уже тогда получила бесчисленное количество наград.

Пять лет назад ее жизнь была разрушена. Пресса и телевидение широко освещали эту драму, и с того времени ее известность перестала быть достоянием лишь узкого круга меломанов.

Николь поприветствовала публику и приготовилась играть. Ее классическая красота великолепно сочеталась с элегантною патрицианского здания, и казалось, что античные гравюры и манускрипты эпохи Возрождения — ее естественная среда. Решительным и наполненным смыслом прикосновением к инструменту ее смычок сразу же заговорил со струнами. И этот диалог продолжился до самого конца исполнения...

За стенами здания — холодная ночь, и снег все падает и падает.

А внутри — комфорт, блеск и утонченность.

Менее чем в пятистах метрах отсюда, недалеко от станции метро «Грэнд-сентрал», медленно приподнимается крышка канализационного колодца. Оттуда высовывается всклокоченная голова человека — взгляд потухший, лицо со следами побоев.

Отпустив черного лабрадора, которого он держал на руках, человек с трудом выбирается на заснеженный тротуар, переходит улицу, зигзагами передвигается по мостовой, не давая автомобилям, закатившим клаксоновый концерт, раздавить себя.

Худой и обессиленный, бомж одет в грязное поношенное пальто. Когда он сталкивается с прохожими, те ускоряют шаг и инстинктивно отходят в сторону.

Это естественно. Он знает, что вызывает страх, что дурно пахнет — мочой и потом.

Ему только 35, а выглядит он на пятьдесят. Раньше у него была работа, жена, ребенок и дом. Но это было давно. Сейчас он — бродячая тень, призрак, обернутый в тряпки, бормочущий бессвязные слова.

Он с трудом держится на ногах, скорее тащится, нежели идет, качается.

Какое сегодня число? Который час? Какой месяц?

Он уже не знает. Все смешалось в голове. Он видит огни города, но

они будто расплываются. Снежные льдинки, гонимые ветром, царапают ему лицо, словно крошечные лезвия. Ноги застыли, желудок болит, в костях ломота.

Прошло уже два года с тех пор, как он покинул общество людей, чтобы закопаться в утробе города. Как и тысячи других бомжей, он нашел убежище в подземельях метро, трубах канализации и на железнодорожных путях. Добропорядочные граждане и туристы, спите спокойно: политика нулевой толерантности, проводимая муниципалитетом, принесла свои плоды. Поверхность Манхэттена тщательно зачищена. Но под сверкающими небоскребами теплится параллельная жизнь человеческих отбросов Нью-Йорка, обживающих пространства туннелей, ниш и впадин. Тысячи «людей-кратов», сброшенные на дно, скрываются от полицейского преследования, втиснутые в грязные подземелья среди крыс и экскрементов.

Это правда.

Человек роется в кармане, чтобы достать бутылку скверного алкоголя. Конечно, он пьет. А как иначе?

Глоток, затем другой.

Чтобы забыть холод, страх, мерзость.

Чтобы забыть свою прежнюю жизнь.

* * *

Последнее движение смычка Николь Хэтэуэй. В течение двух тактов в зале стоит полная тишина. Та самая знаменитая тишина после Моцарта, когда, кажется, что он, Моцарт, все еще звучит, и вдруг... мощные аплодисменты, сметающие музыку.

Исполнительница склоняет голову, получает букет, пересекает зал, принимая поздравления со всех сторон. Пусть приглашенные изливают восторги, источают похвалы, — Николь знает, что ее исполнение не было потрясающим. Она сыграла эти сонаты безукоризненно, технично, кристально чисто и очень выразительно.

Но без души.

С отсутствующим видом она механически пожимает кому-то руки, слегка прикасается губами к шампанскому, и ей уже хочется ускользнуть.

— Ты хочешь вернуться, дорогая?

Она медленно оборачивается на этот успокаивающий голос. Это Эрик, ее компаньон, стоит перед ней с бокалом мартини. Ее поверенный и вот

уже несколько месяцев, в какой-то мере, спутник жизни. Всегда рядом — он был с ней всегда, когда она в этом нуждалась.

— Да. У меня кружится голова. Отвези меня домой.

Не дожидаясь ответа, он устремляется в вестибюль и уже протягивает ей серое фланелевое мантио. Она укутывается в него, запахнув воротник.

Быстро попрощавшись, они спускаются по величественной мраморной лестнице. А в это время наверху праздник только начинается.

— Я тебе вызову такси, — предлагает Эрик уже в вестибюле. — Схожу в контору и догоню тебя.

— Я с тобой, это всего лишь пять минут.

— Зачем? Такая скверная погода.

— Мне хочется пройтись и подышать свежим воздухом.

— Но это может быть опасно!

— С каких это пор стало опасным пройти пешком 300 метров? И потом, ты ведь рядом.

— Как хочешь.

Они в молчании вступают на тротуар и сквозь пронизывающий холод быстро доходят до 5-й авеню. На улицах все еще мало машин. Снег продолжает заваливать город тяжелыми бесшумными хлопьями.

Машина вот уже в каких-нибудь ста метрах, сразу за Брайант-парком. Когда стоит хорошая погода, это место — приятный зеленый уголок, идеальный для вылазки на солнце, пикника или партии в шахматы вблизи фонтана. Но этим вечером оно, погруженное в темноту, выглядит зловещим и пустынным...

— Давай ДЕНЬГИ!

Николь слабо вскрикивает.

Перед ее глазами молнией сверкает нож.

— Деньги, говорю тебе! — приказывает обладатель ножа.

Это человек неопределенного возраста, очень крупный и мощный. Его бритый череп высовывается из-под темной ветровки, спускающейся до колен. Все лицо, даже дырки малюсеньких глаз, горящих демоническим огнем, пересекает грубый шрам.

— БЫСТРЕЕ.

— О'кей, о'кей! — сдается Эрик, доставая бумажник, протягивая еще и «брайтлинг»,^[2] и мобильный телефон.

Человек хватает все это и подходит к Николь — у нее сумка и футляр со скрипкой.

Она старается скрыть волнение. Не в силах выдержать взгляд грабителя, Николь просто закрывает глаза. Преступник срывает жемчужное

колье, а она повторяет про себя алфавит в обратном порядке. Быстро, быстро, как в детстве, чтобы победить страх.

«Зед, уай, экс, дабл ю, ви, ю...»

Это все, что она смогла придумать, чтобы отвлечься, ожидая момента, когда все это станет лишь дурным воспоминанием.

«Ти, эс, а, кью, пи, оу...»

Он сейчас уйдет, ведь он взял все, что хотел: деньги, телефон, драгоценности...

«Эи, эм, эль, кей, джей, ай, эйч...»

Он сейчас уйдет, ему ни к чему нас убивать.

«Джи, эф, и, ди, си, ви, эй...»

Но когда она открывает глаза, человек все еще перед нею. Он берет нож, чтобы нанести ей удар.

Эрик увидел взмах ножа, но, парализованный страхом, даже не шелохнулся, чтобы защитить ее.

Почему его поведение не удивило ее?

А впрочем, у нее нет больше времени что-либо сделать. Беспомощная, Николь покорно наблюдает, как лезвие ножа вот-вот перережет ей горло.

А все-таки, что же было ее жизнью?

Многообещающий дебют, блестящее общество, а потом падение в ад. И вот — бесславный, внезапно наступивший конец. Горькое ощущение: я — героиня с незавершенной историей.

Странно. Говорят, что в момент смерти перед человеком быстро, один за другим, пролетают важнейшие моменты его жизни. А Николь видит только одну сцену: бескрайний пляж, никого, только два человека, они радостно машут ей руками. Она четко видит их лица. Одно из них принадлежит единственному мужчине, которого она любила, но не смогла удержать. А второе — ее дочери, которую она не смогла защитить.

* * *

Я умерла.

Нет. Еще нет. Почему?

Кто-то откуда-то появился.

Бомж.

Николь сначала подумала о новом нападении, прежде чем поняла, что вновь пришедший старается ее спасти. На самом деле он в последний момент принял на себя удар ножа в плечо. Несмотря на рану, он быстро

поднимается, с ожесточением бросается на грабителя и разоружает его. Бандит выпускает из рук свою добычу. Затем они ожесточенно молотят друг друга голыми кулаками. Менее плотное телосложение бомжа не мешает ему одержать верх. С помощью собаки, лабрадора с темной шерстью, ему в конце концов удастся обратить в бегство своего противника.

Но победа далась нелегко. Он без сил рухнул на снег, лицом вниз на обледеневший тротуар.

А Николь уже устремляется к нему, теряя на ходу затейливые украшения своих лакированных туфель.

Она тут, в снегу на коленях, у лица этого человека, который только что спас ей жизнь. Она видит следы крови на снегу. Почему этот бомж рисковал ради нее?

— Его надо отблагодарить, дадим ему 20 долларов, — некстати предлагает Эрик, доставая из снега свой бумажник и телефон.

Теперь, когда опасность миновала, он вновь приобрел свой прежний апломб.

Николь смотрит на него с презрением:

— Ты разве не видишь, что он ранен?

— Тогда я звоню в полицию.

— Нужна не полиция, а «Скорая»!

С трудом ей удастся перевернуть незнакомца на спину. Она кладет руку на его плечо. Оно сильно кровоточит. Затем она вглядывается в его лицо, скрытое густой бородой.

Сначала она не узнает его. Но только до тех пор, пока не видит его лихорадочно блестящих глаз, пристально смотрящих на нее.

Тогда что-то в ней обрывается. Теплая волна заливают все ее существо. Она еще не понимает — боль это или облегчение. Обжигающий обман или надежда, забрезжившая в ночи.

Она склоняется к нему, приближает свое лицо к его лицу, как бы стараясь защитить от снежных вихрей, налетающих на них.

— Что ты делаешь? — беспокоится Эрик.

— Не звони и иди за машиной, — приказывает она, поднимаясь.

— Почему?

— Этот человек... Я его знаю.

— Как ты можешь его знать?

— Помоги мне отвезти его домой, — просит она, не отвечая на вопрос.

Эрик качает головой, а затем выпаливает: «Черт возьми, да что же это за тип?»

Рассеянно глядя в пустоту, Николь долго молчит, затем шепчет: «Это Марк, мой муж».

2

Пропавшая

Наименее защищенными от страданий являются влюбленные.

Фрейд

Бруклин с другой стороны реки. Атмосфера изысканного комфорта маленького викторианского дома с башенками и водостоками.

Яркий огонь пылает в камине.

Все еще без сознания Марк Хэтзуэй лежит на диване в гостиной. Его ноги завернуты в плотное покрывало. Доктор Сьюзен Кингстон заканчивает накладывать швы, склонившись над его плечом.

— Рана поверхностная, — объясняет она Николь, снимая перчатки. — Меня более всего беспокоит общее состояние его здоровья. У него запущенный бронхит, тело покрыто гематомами и обморожениями.

Немногим ранее этим вечером Сьюзен в кругу семьи наслаждалась традиционным рождественским пудингом. Внезапно ей позвонила соседка, Николь Хэтзуэй, умоляя осмотреть ее раненого мужа.

Сьюзен была крайне изумлена, но немедленно выехала. Она и ее супруг хорошо знали Марка и Николь. Пять лет назад, до того, как случилось несчастье, обе пары симпатизировали друг другу, часто проводили вместе вечера: открывая для себя итальянские рестораны Парк-Слоупа,^[3] торгуясь с антикварами Бруклин-Хайтса,^[4] бегая по огромным лужайкам Проспект-парка^[5] в выходные дни.

Сейчас то время казалось далеким, почти нереальным.

Глядя на Марка, Сьюзен не могла заставить себя отделаться от омерзительного ощущения гадливости.

— Ты знала, что он жил на улице?

Николь покачала головой, не в состоянии говорить.

Однажды утром, два года назад, ее муж сказал, что уезжает и что больше не будет жить «вот так», у него нет больше сил. Она все сделала, чтобы удержать Марка, но иногда все — не значит достаточно. С тех пор Николь не знала о нем ничего.

— Я дала ему успокоительное и антибиотики, — пояснила Сьюзен,

собирая вещи.

Николь проводила ее до двери.

— Зайду завтра утром, — пообещала Сьюзен, — но...

Она остановилась на середине фразы, ужаснувшись тому, что сейчас собиралась сказать: «...не отпускай его в таком состоянии, иначе... он умрет».

* * *

— Ну и как?

— Что как?

— Что будем делать? — спросил Эрик. — С твоим мужем?

Со стаканом виски в руке адвокат мерил шагами кухню.

Николь смотрела на него со смешанным чувством усталости и отвращения.

Что она целый год делала с этим типом? Как она позволила ему войти в ее жизнь? Почему привязалась к нему?

— Уходи, пожалуйста, — прошептала она.

Эрик покачал головой:

— И речи не может быть, я не могу оставить тебя в такой момент.

— А когда у моего горла был нож, совесть не помешала тебе оставить меня!

Он застыл, сраженный ее словами. Понадобились секунды для того, чтобы он смог придумать себе оправдание.

— У меня не было времени... — начал было он, но ему не удалось закончить фразу.

— Уходи, — просто повторила Николь.

— Ну, если ты действительно этого хочешь... Но я тебе позвоню завтра, — добавил он, исчезая.

Николь почувствовала облегчение, освободившись от Эрика. Она вернулась в гостиную, выключила все лампы и тихо придвинула кресло к дивану, чтобы быть как можно ближе к Марку.

Комната была освещена только оранжевым пламенем пылающих в камине дров, теперь здесь царило полное спокойствие.

Изнуренная, растерянная Николь положила свою руку на руку мужа и закрыла глаза. Они были так счастливы в этом доме! Они были без ума от радости, когда однажды отыскали его. Это был типичный городской особняк, построенный в конце XIX века, с фасадом, облицованным

коричневым песчаником, и красивым садом. Они приобрели его десять лет назад, как раз перед рождением ребенка, которого хотели воспитывать вдали от суеты Манхэттена.

На книжных полках несколько фотографий в рамках напоминали о счастливых днях. На одной из них — мужчина и женщина, рука об руку: понимающие взгляды, нежные жесты. Романтические каникулы на Гавайях и полная приключений поездка на мотоцикле по Гран-каньону. Затем — снимок ультразвукового исследования, а несколькими месяцами позже — круглая мордашка младенца, празднующего свое первое Рождество. На последних фото ребенок — уже маленькая девочка, потерявшая свои первые зубки. Она гордо позирует перед жирафами в зоопарке Бронкса,^[6] поправляет шапочку под снегами Монтаны^[7] и подносит к объективу своих двух рыбок-клоунов Эрнесто и Капучино.

Аромат счастливых дней исчез безвозвратно...

Марк закашлялся во сне. Николь вздрогнула. Тот, кто спал на диване, не имел ничего общего с человеком, за которого она выходила замуж. Сейчас только многочисленные дипломы и награды, покрывающие стены словно трофеи, свидетельствовали о том, что Марк был когда-то известным молодым психологом. В качестве специалиста по психологической реабилитации в стрессовых ситуациях ФАА^[8] и ФБР вызывали его в случае авиакатастроф и захвата заложников. После 11 сентября он работал на месте катастрофы в кабинетах психологической реабилитации, оказывая помощь семьям жертв, а также служащим Всемирного торгового центра, выжившим после трагедии. Ведь трагедия ни для кого не проходит бесследно. Часть нашего существа навсегда остается заложником криков, пламени и крови. Вы не умираете, но чувствуете себя запятнанным, снедаемым чувством вины, пожираемым глухой тревогой. Вас пронзает вопрос, на который никогда не будет ответа: «Почему выжили вы, именно вы, а не они? Вы, а не ваш ребенок, ваша жена, ваши родители...»

Параллельно с работой психолога Марк делился своим опытом с научно-популярными журналами, выходящими большими тиражами. В своих статьях он старался знакомить читателей с новыми методами лечения: ролевыми играми, гипнозом... Он вместе со своим помощником и другом детства Коннором Мак-Коем был одним из пионеров в области такого рода исследований.

С годами Марк стал модным психоаналитиком и начал часто появляться на телеэкранах. Эта неожиданная популярность вынесла их, его и Николь, на передний край массмедийной сцены. Престижный «Вэнити

фэр»^[9] в номере, посвященном самым известным супружеским парам Нью-Йорка, напечатал о них 4-страничную статью, снабдив ее вдобавок гламурными снимками. Нечто вроде посвящения в высшее общество.

Но волшебная сказка на глянцевой бумаге вскоре разлетелась в мелкие клочки. В марте, после полудня, Лейла, их пятилетняя дочь исчезла в торговом центре округа Ориндж,^[10] на юге Лос-Анджелеса. В последний раз девочку видели разглядывающей игрушки в витрине Дисней-магазина. Ее няня, студентка из Австралии, оставила ребенка всего на несколько минут и отправилась примерить джинсы в соседний бутик Diesel, где проходила распродажа.

Сколько времени прошло с тех пор, как она заметила исчезновение Лейлы? «Не более пяти минут», — заверяла няня следователей.

Одним словом — вечность.

За пять минут может случиться многое.

Известно, что первые часы с момента пропажи ребенка являются решающими. Именно тогда существует наибольшая вероятность найти его живым. После сорока восьми часов шансы катастрофически снижаются.

Шел проливной дождь в тот день, 23 марта. Хотя исчезновение произошло среди белого дня, в людном месте, следователям так и не удалось собрать достоверные свидетельские показания. Просмотр записей видеонаблюдения, допрос няни, виноватой в безответственности, но не в похищении ребенка, ничего не дали.

А затем потекли дни...

В течение нескольких недель более ста полицейских с розыскными собаками и вертолетами прочесывали весь район. Но даже усилия, приложенные ФБР, не смогли навести на какой-либо конкретный след малышки.

...потом месяцы...

Отсутствие информации сбивало с толку полицию. Не поступило никакого требования о выкупе, не было никаких достоверных данных. Ничего.

...и годы...

В течение пяти лет фотография Лейлы висела на вокзалах, в аэропортах и почтовых отделениях рядом со снимками других пропавших детей.

Но Лейлу так и не нашли.

Она исчезла.

* * *

Жизнь Марка остановилась в тот день, 23 марта 2002 года. Исчезновение дочери повергло его в полное отчаяние. Опустошенный внутренней борьбой, родившейся из боли и чувства вины, он отрекся от работы, жены, друга.

Он нанял лучших частных детективов, которые в первые несколько месяцев провели тщательное расследование.

Безрезультатно.

Тогда он сам бросился на поиски, но тщетно.

Эти обреченные на провал поиски длились три года. А затем исчез и сам Марк. Ни жена, ни Коннор не имели от него никаких вестей.

С Николь было иначе.

Вначале ее отчаяние усугубляла личная вина: это ведь она настояла, чтобы Лейла сопровождала ее в Лос-Анджелес, где Николь давала серию сольных концертов. Это она взяла няню, которая стала завязкой этой драмы. Николь решила, что наилучший способ противостоять худшему — с головой погрузиться в работу: концерты и записи... записи и концерты... Она даже решилась рассказать о своей трагедии газетам и телевидению, став покорной жертвой нездорового любопытства.

Бывали дни, когда боль все же становилась невыносимой. Когда ей не удавалось справиться со своими мрачными мыслями, она снимала в гостинице номер, забивалась под одеяла и лежала, словно в глубокой спячке.

Каждый выживает как может...

* * *

Внезапно в камине треснуло полено. Марк дернулся и открыл глаза. Он резко вскочил и некоторое время не мог понять, где же он и что с ним произошло.

Увидев лицо Николь, он постепенно пришел в себя.

— Ты ранена? — спросил он жену.

— Нет, благодаря тебе.

На мгновение показалось, что он опять погрузился в небытие, но вдруг он порывисто встал.

— Лежи, пожалуйста, я тебя умоляю, ты должен отдыхать.

Словно не слыша ее, он сделал несколько шагов к оконному проему. За стеклянной перегородкой сверкала улица, белая и безмолвная.

— Где моя одежда?

— Я ее выбросила, Марк, она была грязная.

— А моя собака?

— Я привела ее сюда, но... она убежала.

— Я ухожу, — закричал он и, пошатываясь, направился к двери.

Она встала на его пути.

— Послушай, сейчас ночь, ты ранен, истощен. Мы не виделись два года. Нам нужно поговорить.

Николь протянула к нему руку, но он оттолкнул ее. Она повисла на нем. Марк стал бороться с ней, натыкаясь на полки с фотографиями. Одна из них упала на пол, зазвенело разбитое стекло.

Он поднял ее и поставил на место. На него смотрела его дочь. Зеленые смеющиеся глаза, улыбка на губах, она излучала счастье и радость бытия...

Вдруг что-то в нем оборвалось, и он, рыдая, рухнул спиной к стене. Николь прижалась к его груди, и они долгое время отрешенно лежали в объятиях друг друга, погруженные в свою горе: ее нежная кожа касалась его — огрубевшей, утонченный аромат духов «Герлен»^[11] смешивался со смрадом улицы.

* * *

Взяв мужа за руку, Николь повела его в ванную и, прежде чем ускользнуть, пустила струю душа. Опьяненный дурманящим запахом шампуня, Марк около получаса стоял под струями домашнего дождя, обжигающего и возрождающего. Мокрый, завернутый в большое полотенце, он пошел по коридору, оставляя на ухоженном паркете лужицы воды. Марк оказался в комнате, которая ранее служила ему гардеробной, и заметил, что все его вещи по-прежнему там. Он даже не взглянул на свои бывшие костюмы — Армани, Босс, Зегна...

Марк спустился к Николь на кухню.

Сочетание дерева, стекла и металла — все это должно было создавать эффект прозрачности. Широкая столешница благородных очертаний скользила вдоль всей стены, а прекрасно оборудованный островок в центре приглашал занять место у плиты. Несколько лет назад эта комната излучала радостную атмосферу утренних завтраков в кругу семьи, полдников с блинчиками и ужинов влюбленных. Но уже очень давно никто больше

здесь по-настоящему не готовил.

— Я сделала тебе омлет и тосты, — сказала Николь, наполняя кружку дымящимся кофе.

Марк сел перед своей тарелкой, но тут же встал. Его руки задрожали.

Прежде чем дотронуться до пищи, ему надо выпить. Алкоголь.

Под ошеломленным взглядом Николь он лихорадочно открыл первую попавшуюся под руку бутылку вина и опустошил до половины двумя долгими глотками. Успокоившись, он принялся за еду, не говоря ни слова, пока Николь не осмелилась спросить его:

— Марк, где ты был?

— В ванной, — ответил он, не глядя на нее.

— Нет, где же ты был эти два года?

— Внизу.

— Внизу?

— В туннелях метро, в сточных канавах, в канализационных трубах, с бомжами.

Со слезами на глазах его жена покачала головой в знак непонимания:

— Но почему?

— Ты прекрасно знаешь — почему, — сказал он, повышая голос.

Николь подошла к нему, взяла его за руку:

— Марк, у тебя есть жена, работа, друзья...

Он выдернул руку и встал из-за стола:

— Отстань!

— Объясни мне одну вещь, — закричала она, чтобы его удержать, — что тебе дает эта жизнь бродяги?

Он пристально на нее посмотрел:

— Я живу так, потому что по-другому жить не могу. Ты вот можешь, а я нет.

— Не нужно винить меня, Марк.

— Я тебя ни в чем не упрекаю. Строй свою жизнь, если этого хочешь. Ну а для меня это такая боль, с которой я справиться не могу.

— Ты же психоаналитик, Марк. Ты помогал людям преодолеть всякого рода катастрофы...

— С этой болью я справиться не могу, потому что это единственное, что не дает мне умереть. Это все, что у меня осталось от... нее, ты понимаешь? Не проходит ни минуты, чтобы я не думал о ней, чтобы я не спрашивал себя, что похититель мог сделать с ней и где она может быть в данный момент!..

— Она мертва, Марк, — обронила Николь отчужденно.

Этого он уже вынести не мог — поднял руку и схватил ее за горло, словно собираясь задушить:

— Как ты можешь говорить такие вещи?!

— Прошло пять лет! — выкрикнула она, освобождаясь. — Пять лет — и ни малейших признаков жизни, пять лет — и никто не потребовал выкупа!

— И все же всегда есть шанс...

— Нет, это конец, реальной надежды больше нет. Она не появится со дня на день. Этого не бывает никогда, ты понимаешь? НИКОГДА.

— Замолчи!

— Если когда-нибудь что-нибудь найдут, так только ее труп...

— НЕТ!

— Да! И не думай, что только ты один страдаешь. А как же я, потерявшая не только дочь, но и мужа?

Не отвечая, Марк поспешно вышел из кухни. Николь бросилась за ним, решительно настроенная убедить его в своей правоте.

— Ты никогда не думал, что мы можем иметь других детей? Ты когда-нибудь говорил себе, что со временем жизнь могла бы возродиться в этом доме?

— Прежде чем заводить других детей, я хочу найти свою дочь.

— Позволь мне позвать Коннора. Вот уже два года, как он повсюду ищет тебя. Он поможет тебе справиться с этим.

— Я не хочу! Моя дочь страдает, и я хочу страдать вместе с ней.

— Если ты будешь продолжать жить на улице, ты умрешь! Ты этого хочешь? Тогда иди! Пусти себе пулю в лоб!

— Я не хочу умирать, так как хочу быть там и в тот день, где и когда ее найдут.

Николь схватила телефон и набрала номер Коннора.

Ответь, Коннор, ответь...

Где-то в ночи, в пустоте, раздалось несколько телефонных звонков. Николь поняла, что Коннор не ответит и что она проиграла битву. Одной ей не удастся удержать мужа.

В гостиной Марк опять лег на диван и проспал еще несколько часов.

Он поднялся на рассвете, взял в гардеробной свою спортивную сумку, сунул туда одеяло, ветровку, пакеты с сухарями и несколько бутылок алкоголя.

Николь добавила ко всему этому телефон, запасной аккумулятор и зарядное устройство.

— Если ты вдруг решишь позвонить Коннору или я захочу связаться с

тобой...

Когда Марк открыл дверь дома, снег уже прекратился, и первые проблески дня окрашивали город голубоватым отсветом.

Как только он шагнул на снежное покрывало, из-за урны, как по мановению волшебной палочки, возник черный лабрадор, издав радостный лай. Марк почесал его за ухом в знак признательности. Он подул на замерзшие руки, повесил на плечо сумку и пошел в сторону Бруклинского моста.

На пороге своего дома Николь смотрела вслед мужчине своей жизни, который уходил от нее в раннее утро. Тогда она вышла на середину улицы и закричала:

— Ты мне нужен!

Как оглушенный, он обернулся в десяти метрах от нее, слабо пошевелился и развел в стороны руки, будто хотел сказать: «Мне жаль».

И исчез за углом.

3

Некто, похожий на меня

Жизнь — это ожерелье страхов.

Бьорк^[12]

«Девушка, которая мечтала о канистре бензина и спичке»

Название романа Стига Ларссона^[13]

Кабинет доктора Коннора Мак-Коя располагался в одной из стеклянных башен престижного Тайм-Уорнер-центра на западной окраине Централ-парка.

Коннор очень гордился этим: все было задумано так, чтобы пациенты чувствовали себя комфортно и получали прекрасное обслуживание.

Благодаря рекомендациям бывших пациентов клиентура Коннора не переставала увеличиваться, хотя его не совсем традиционные методы лечения были не по душе всем его коллегам.

Этой рождественской ночью он все еще был в своем кабинете, изучал историю болезни одного пациента. Мак-Кой подавил зевок и бросил взгляд на часы.

Половина второго ночи.

Все равно его никто не ждал. Коннор жил только работой, у него не было ни подруги, ни семьи. Он организовал свой первый кабинет с Марком Хэтэуэем, другом детства. Оба страстно любили психологию, оба выросли в неблагополучном квартале Чикаго. Оба уже не понаслышке знали, что такое страдание, и решили направить всю свою энергию и знания на создание новых методов терапевтического лечения. Их успех был сногсшибательным. Но с Марком произошло несчастье. Коннор, как только мог, изо всех сил поддерживал его. Даже когда полиция опустила руки, он вместе с другом проводил расследование по поводу исчезновения его дочери. Но это не помогло — и Марк исчез, раздавленный горем. Бегство соратника повергло Коннора в полную растерянность. Он не только потерял лучшего друга — его постигла тем самым и самая крупная профессиональная неудача.

Чтобы отогнать тяжелые воспоминания, Коннор встал с кресла и налил себе остатки неразбавленного виски.

«Счастливого Рождества!» — сказал он своему отражению в зеркале, поднимая стакан.

Волшебный свет наполнял отделанную прозрачными панелями комнату, выходящую в парк. Вид из окна был потрясающим. А здесь, внутри, все строго, без излишеств. На металлической полке — две скульптуры в стиле Джакометти^[14] словно устремлялись в пространство, на стене — монохромная картина Роберта Римана,^[15] вызывающая недоумение у тех, кто видел в ней только белый квадрат. А Коннора полотно завораживало своими почти неуловимыми колебаниями света.

Догадаться о невидимом, видеть за гранью вероятного...

Это и есть суть его профессии.

Со стаканом в руке доктор просмотрел несколько снимков на экране своего ноутбука. Это была подборка церебральных рентгенограмм, представляющая участок мозга одного из его пациентов. Каждый раз, наблюдая подобные изображения, Коннор изумлялся.

Страдание, любовь, ощущение счастья или несчастья — все происходило там, в тайнах нашего мозга, среди миллиардов нейронов. Желание, память, страх, агрессивность, мысль, сон зависели не в последнюю очередь от выделения организмом различных химических веществ, нейротрансмиттеров, призванных переносить послания от одного нейрона к другому. Увлеченный последними достижениями науки о мозге, Коннор был одним из первооткрывателей анализа биологических причин депрессии. Исследование, которым он занимался, показывало, например, что если у пациента укороченная форма передающегося по наследству гена, то он предрасположен к депрессии или самоубийству. Люди с рождения предстают неравными перед лицом жизненных испытаний.

Но Коннор не мог решиться следовать только этому генетическому детерминизму. Убежденный в том, что психика и биология тесно связаны, молодой врач постоянно стремился расширять свои познания в двух областях: психологии и неврологии. Конечно, генотип диктует нам, но на протяжении всей жизни мозг может перепрограммироваться под влиянием эмоциональных и любовных отношений.

Во всяком случае, его кредо было таковым: ничто и никогда не является предопределенным.

Врач одним махом проглотил порцию виски, надел пальто и вышел из кабинета.

В здании располагался пятизвездочный отель, несколько ресторанов и джаз-клуб. Со всех этажей раздавались радостные возгласы, они еще более подчеркивали одиночество психолога. В лифте Коннор открыл висящую на плече сумку, чтобы проверить, не забыл ли он истории болезни, которые хотел изучить дома на следующий день. Через два дня у него сеанс коллективной психологии. Для эффективного проведения такого рода терапии требовалась тщательная подготовка.

Мак-Кой вошел в подземный паркинг, доступ в который был возможен только через процедуру распознавания сетчатки глаза. Он пригнулся, чтобы отсканироваться, затем добрался до машины, сверкающего купе «Астон-Мартин» серебристого цвета.

Одно нажатие на ключ — и болид открыт, и вновь можно вдохнуть запах кожи. Он положил сумку на пассажирское место и выехал из гаража, который выходил на Коламбус-секл.^[16] Снег продолжал падать крупными хлопьями, и дорога становилась скользкой. Коннор доехал до авеню Америк^[17] в направлении ТриБеКе.^[18]

Из радиоприемника автомобиля звучала электронная музыка в стиле рэдиохед,^[19] уводящая в неопределенное, лишенное человечества будущее, в котором люди проиграли все свои баталии. Музыка эта соответствовала нынешнему состоянию его духа — глубокому дискомфорту, который постоянно преследовал его.

На перекрестке с Бродвеем он попытался увеличить скорость до опасного предела и чуть не вылетел с трассы. Все чаще и чаще ему стало нравиться флиртовать с опасностью. Не самое плохое средство почувствовать себя живым.

Он остановился на красный в начале Гринвич-виллидж.^[20] Склонившись над рулем, на мгновение закрыл глаза.

Мне надо взять себя в руки!

До недавнего времени Коннор думал, что работа окончательно избавила его от прежних страхов. Он даже написал книгу «*Выжить*», чтобы рассказать свою историю и обратиться к людям с посланием надежды. Но дезертирство Марка все перечеркнуло, и он впал в опасное состояние отчаяния, разрушающей тоски и постоянного чувства вины.

Он тер руками глаза, когда звонок мобильного телефона вывел его из оцепенения. Коннор выхватил аппарат из кармана куртки и прочитал на экране:

«Николь Хэтэуэй»

Николь? Они не общались с тех пор, как она начала встречаться с этим адвокатом, Эриком. Кретин. Сердце Коннора забилося сильнее. Он вдруг решил (хотя не очень верил в это), что появились новости от Марка. Крайне взволнованный, он собирался ответить, как вдруг...

— ЧЕРТ!

Дверь машины со стороны пассажира резко распахнулась, и чья-то рука схватила его кожаную сумку. Не размышляя, Коннор одним прыжком выскочил из машины и бросился вслед похитителю или скорее... похитительнице.

Сквозь хлопья снега он отчетливо видел длинные волосы девушки, прижимающей к груди его сумку.

Коннор бежал все быстрее и быстрее, то и дело рискуя растянуться на заснеженном тротуаре. Он был уже в каких-нибудь двух метрах от нее, как вдруг она резко свернула и бросилась через дорогу прямо на машины, рискуя быть раздавленной.

Маленькая дрянь!

Совершенно забыв об опасности, Коннор следовал за ней по пятам. Ни за что на свете он не хотел лишиться находящихся в сумке документов — в них хранилась частная жизнь, сокровенные тайны его пациентов.

Он уже почти догнал преступницу, сокращая разрыв между ними. Когда Коннор понял, что девушка выбилась из сил, он выбросил свое тело вперед и придавил ее всей своей тяжестью. Она уткнулась лицом в снег, неподвижная, с вывернутой за спину рукой.

— Отдай! — приказал Коннор, вырывая у нее сумку.

Вернув свое, врач медленно встал, крепко держа руку своей противницы, помогая ей подняться.

— Оставьте меня! — закричала она, вырываясь.

Игнорируя ее просьбу, Коннор протащил девушку несколько метров к тому месту, куда падал свет фонаря. Ему надо было увидеть ее. Вот теперь он ее хорошо рассмотрел.

Это была девочка лет пятнадцати, хрупкая и долговязая. Бледный цвет ее лица резко контрастировал с длинными черными волосами, попорченными обесцвеченными вихрами кроваво-красного оттенка. Старое виниловое пальто, короткая юбка, колготки в сеточку.

— Оставьте меня! — повторила она.

По-прежнему не обращая внимания на ее крики, Коннор еще крепче сжал ее руку. Что делала такая молоденькая девушка одна, посреди ночи, в рождественский вечер?

— Как тебя зовут?

- Отвали! — прошипела она.
- Ну, если так, я отведу тебя в полицию.
- Сволочь!

Она вырывалась с такой силой, что бумажник выпал из кармана ее пальто. Ловким движением Коннор подхватил его в снегу. Внутри он нашел удостоверение личности, рассказавшее ему, что похитительницей была Эви Харпер, родившаяся 3 сентября 1991 года.

- Что ты делаешь на улице в два часа ночи, Эви?
- Верните мои документы. Вы не имеете права!
- Мне не кажется, что сейчас самое время говорить о правах, — заметил Коннор.

Он отпустил ее. Освободившись, Эви отошла на несколько метров, но не убежала. Она смотрела на него с вызовом.

Коннор пристально посмотрел на нее. Девочка дрожала от холода. Ее веки были обведены черной тушью, и сквозь этот вампирский макияж проглядывали светлые глаза испуганного ребенка, и в них сверкала необычная решимость.

- Послушай, я отведу тебя к родителям.
- У меня нет родителей! — сказала она, отступая.
- А где ты живешь? В приюте? В приемной семье?
- Отвали!
- Это ты мне уже говорила, — вздохнул доктор. — И это все, что ты выучила в школе?

Он испытывал раздражение и сочувствие одновременно. Эви напоминала ему кого-то. Но кого? Коннор ощущал, что она боится. Он догадывался также, что девчонка настрадалась в жизни, а все остальное не имело для нее никакого значения.

- Тебе нужны деньги?
- Она не ответила. И опять ее глаза выдавали ужас, который она пыталась скрыть.
- Это на наркотики, да? Тебе нужна доза, у тебя ломка?
- Я не наркоманка!
- А ты ходишь в школу?
- А тебе-то что?
- Коннор приблизился к Эви и решил заговорить по-другому:
- Послушай, я врач, я могу найти тебе ночлег.
- Ты что, хочешь меня спасти?
- Я хочу тебе помочь.
- Мне не нужна твоя помощь.

- А что же ты тогда хочешь?
- Только деньги.
- Деньги для чего?
- Черт, ты полицейский, что ли?

Коннор открыл застёжку-липучку эвиного кошелька, чтобы осмотреть его содержимое.

Ничего, ни единой купюры. Ни даже мелкой монеты.

Он положил на место удостоверение личности и вернул бумажник девочке. Эви быстро схватила его.

- Я могу предложить тебя горячий ужин? — сказал он.
- А взамен что делаю я?
- Ничего, Эви.

Теперь она смотрела на него подозрительно. Жизнь приучила ее опасаться мужчин, даже если в них чувствовалось что-то внушающее доверие.

- А почему ты хочешь мне помочь?
 - Потому что ты мне кого-то напоминаешь.
- Она, казалось, колеблется, но потом:
- Я уйду, не нужна мне твоя еда.

Но Коннор стал настаивать:

— Послушай, там на 14-й улице, совсем рядом, наверху есть закусочная, «У Альберто» называется. Ты видишь где?

— Да, да, — закивала головой Эви, противореча себе.

— Я пойду к машине, — объявил Коннор, — потом зайду туда, вкусно поем. «Альберто» — это король гамбургеров Нью-Йорка. Ничего общего с «Макдоналдсом», ты увидишь.

— Я ничего не увижу.

— Я, во всяком случае, буду там. Ну, если ты через десять минут соберешься пойти за сочным гамбургером с хрустящим хлебом, маленькими луковками, ломтиками корнишонов и жареной картошкой, ты знаешь, где меня найти.

Не спеша он двинулся вверх по улице, придерживаясь середины тротуара. Пройдя метров двадцать, он обернулся.

Свет уличных фонарей серебром окрашивал редкие хлопья снега, все еще продолжающие падать, придавая улице феерический вид. Словно скованная холодом, Эви не сдвинулась с места ни на сантиметр. И вновь Коннор был потрясен ее хрупкостью и мертвенной бледностью. Ему почудилось, будто в ней что-то уже умерло.

— Я не приду, — вновь отказалась она гордо.

— Тебе решать, — бросил ей Коннор.

* * *

Не прошло и четверти часа, как Эви, устроившись у стойки кафе, уплетала гамбургер с аппетитом человека, не евшего два дня.

Время не коснулось этого заведения с диванчиками из потертого молескина^[21] и потемневшими от времени столовыми приборами, в нем все еще витал старый добрый дух Нью-Джерси. На стене за кассой — коллекция фотографий с автографами наводила на мысль, что Джек Николсон, Брюс Спрингстин^[22] и Скарлетт Йохансон^[23] недавно побывали здесь. В глубине ресторана для полудюжины одиноких посетителей из музыкального аппарата жалобно стонала гитара старины Клэптона.^[24]

Снаружи, на тротуаре, Коннор курил сигарету, пристально разглядывая девочку через стекло, будто пытаясь по ее чертам разгадать тайну души. Эви положила пальто на диванчик комом, распахнула жилет, под которым оказалась черная майка, перечеркнутая надписью «Kabbalists do it better».^[25] На шее висела серебряная цепочка с перевернутым крестом и пятиконечной звездой на конце. Она поглощала свой гамбургер с такой поспешностью, что все вокруг заляпала кетчупом. В тот момент, когда она вытиралась бумажной салфеткой, Коннор заметил, что запястья девочки замотаны пластырем. А главное, что увидел он, — это следы самокалечения на внутренней стороне предплечий. Сказать, что с этой девочкой происходило что-то неладное, было бы слишком мягко. Коннор ощущал, что ею владеют противоречивые чувства: она была полна решимости и в то же время на грани срыва.

Этим даром — видеть в душах людей — обладал и Марк, еще со времен их молодости...

Марк...

При мысли о друге у него потемнело в глазах. Еще детьми они пообещали себе, что всегда смогут рассчитывать друг на друга. Год за годом они вместе умело отражали тяжелые удары судьбы, которые преподносила им жизнь, не щадившая их. Но с исчезновением Лейлы в пух и прах разлетелись все их точки опоры и прекрасные обещания.

Коннор затаился в последний раз и бросил окурочек в снег. В этот рождественский вечер он ощущал на своих плечах вселенскую усталость. Зачем ему понадобилось в три часа утра дрожать здесь от холода, вместо

того чтобы сидеть дома? Он не может так дальше жить. Он не может спасти мир. Ризы матери Терезы слишком тяжелы. Может быть, пришло время сделать паузу, забыть о пациентах, уехать из Манхэттена куда-нибудь и начать новую жизнь?

Вновь родиться.

В течение нескольких минут такой поворот событий эйфорией наполнял все его существо, как вдруг он почувствовал на себе взгляд Эви оттуда, через стекло. Он поднял голову и впервые их взгляды по-настоящему встретились. И тогда Коннор окончательно понял, кого напоминала ему эта девочка.

Его самого.

Не будучи знакомым с ней, он чувствовал, что их мучает одно и то же. Она несла свое страдание, как флаг, тогда как он скрывал его под своим статусом врача. Но, в конце концов, они были родственные души.

Коннор решил вернуться в тепло заведения. Блюз Клэптона сменила гитара Боба Дилана — «Shelter from the Storm» — одна из его любимых песен, написанная музыкантом в 1975 году, после разрыва с женой Сарой. Новое доказательство благотворного влияния жизненных потрясений на творческую способность артистов...

— Ну, как гамбургер? — спросил он, усаживаясь рядом с ней на банкетку.

— Сойдет, — сказала Эви, делая глоток молочного коктейля.

Коннор наклонился к девочке. Если он хотел помочь, нужно больше о ней узнать. Он вложил в свой голос всю силу убеждения, на которую был способен:

— Ты, кажется, мне только что сказала, что тебе нужны деньги.

— Забудь, — бросила она ему.

— Да нет, объясни, эти деньги — они нужны тебе для чего? Я хочу понять.

— Тут и понимать нечего!

— Если ты возьмешь их так просто...

Коннор издал продолжительный вздох. Какого черта он всегда лезет к людям помимо их воли?!

Раздосадованный, он отошел от нее к стойке бара и заказал порцию «Короны», все время поглядывая на Эви. Она нервно грызла ногти, покрытые черным лаком, и смотрела в окно.

Расплачиваясь за пиво, Коннор обследовал содержимое своего портмоне: три купюры по сто долларов, только что взятые в банкомате. Для спокойствия ему всегда необходимо было иметь при себе крупную сумму.

Классический рефлекс бывшего бедняка.

Вдруг у него возникла мысль. Он слез со своего табурета и пошел к диванчику, где Эви уже собирала свои вещи, чтобы улизнуть.

— А не сыграть ли нам в маленькую игру, — объявил он, кладя на стол одну из стодолларовых банкнот.

— А твоя игра как называется? Совращение малолетки?

— Я думал, ты хотела заработать деньги...

Она смотрела на купюру со смешанным чувством презрения и любопытства. Рука Коннора на половину прикрывала ее, и девочка заметила, что у него не хватало одной фаланги на среднем пальце.

— Если захочешь, она будет твоя, — решил Коннор, подталкивая банкноту к девочке. — Ответь на мой вопрос — и она твоя...

Она посмотрела на него, опасаясь быть втянутой в какой-то замысел, логики которого она не понимала. Но все же...

— Давай этот твой вопрос...

— Для чего тебе нужны деньги? — спросил Коннор, пристально глядя на нее.

Эви потянулась к зеленой бумажке.

— Чтобы купить оружие, — сказала она дерзко.

Эви схватила купюру и положила ее в карман, с вызовом глядя на Коннора. Это были деньги, которые впервые в жизни достались ей так просто.

Коннор оторопел. Он был потрясен ответом девочки. Внезапно в его сознании промелькнула картина: огнестрельное оружие, а затем хлопок и крики. Давно забытое воспоминание, всплывающее без предупреждения.

Ему было не по себе. Коннор достал из кармана вторую купюру и положил на то же место.

— Зачем тебе нужно оружие?

На этот раз Эви раздумывала дольше. Ее первой реакцией было солгать, но она догадывалась, что Коннор это почувствует. Правда — штука редкая и ценная, и за сто долларов, которые он предлагал ей, стоило сказать ее.

— Потому что я хочу убить человека.

Фраза прозвучала как приговор. Коннор, вначале оторопевший, покачал головой, ужаснувшись ответу девочки.

Тем не менее он вытащил свою третью купюру, положил ее на стол и задал последний вопрос:

— За что ты хочешь убить человека?

На этот раз Эви не колебалась ни секунды. Она уже зашла слишком

далеко, чтобы отступать назад. Девчонка сгребла последнюю сотню так, как в покере берут выигрыш.

— Чтобы отомстить за себя.

В голове Коннора всплыло из прошлого «беспощадная месть», два слова, от которых у него по спине пробежал холодок.

— Как это отомстить? Кому? Почему?

Но Эви уже надела пальто и повязала шарф.

— Сожалею, но это уже два дополнительных вопроса, а тебе нечем больше платить.

Оказавшись в своей собственной ловушке, он беспомощно смотрел, как она скрывается в дверях ресторана.

— Подожди! — крикнул он, чтобы удержать ее.

Коннор догнал ее на улице. А снег продолжал не спеша падать, накрывая город бесшумным и плотным одеялом.

— Ты не можешь уйти вот так. Холодно, опасно, я найду тебе место, где ты сможешь переночевать.

Она повернулась к нему спиной, не затрудняя себя ответом.

Отчаявшись, что так вышло, Коннор сунул ей в карман свою визитку.

— Может быть, ты передумаешь...

Но он знал, что это не тот случай.

Когда Эви пересекала улицу, она вдруг остановилась посреди пешеходного перехода, повернулась к Коннору и задала в свою очередь один-единственный вопрос.

— И кого же я тебе напоминаю? Этот человек, он кто?

Коннор зажег новую сигарету. Колечки голубого дыма, повисшие в холодном воздухе, поднимались над его головой.

— Это я.

Его ответ удивил и в то же время обеспокоил ее. В последний раз взгляды их встретились, и Эви пошла своей дорогой. Коннор смотрел, как она уходит в ночь, нервно затягиваясь сигаретой.

Вскоре он потерял ее из виду, но еще долго стоял потрясенный, глядя на следы, оставленные на снегу ее ножками.

Конечно, он не мог спасти всех.

Но на что может надеяться в жизни пятнадцатилетняя девочка, одинокая, без средств к существованию, зимой, посреди ночи, на Манхэттене?

Когда ты смотришься в зеркало и у тебя возникает желание разбить его, не зеркало надо разбивать, а измениться самому.

Неизвестный

Коннор припарковал машину на Брум-стрит и два квартала, оставшиеся до дома, прошел пешком. Сохо,^[26] как и весь город, тонул под ровным слоем снега, залепившим вывески арт-галерей, ресторанов и модных бутиков.

Он подошел к дому с литыми чугунными решетками. Недавно обновленный фасад здания был украшен сотнями лампочек, а на тротуаре незаконченный снеговик, почти потеряв надежду, ждал свою морковку, шляпу и трубку.

— На, дружище, возьми хоть это, — сказал Коннор, завязывая вокруг его шеи свой шарф.

В холле он просмотрел почту, а затем вызвал лифт. Кабина остановилась на последнем этаже, где находилась его квартира, просторное жилище в спартанском стиле. Ни запаха пирогов, ни отдающего дымком аромата индейки, томящейся в духовке несколько часов, ни елки, ни детской комнаты — ничего этого не было в его доме. Ни тепла, ни жизни. Коннор купил эту квартиру пять лет назад, она стала олицетворением его социального успеха, но никогда по-настоящему он не обставлял и не украшал ее. Слишком много работы, слишком много сложностей... А главное — не с кем разделить радость домашнего уюта.

Посвятив свою жизнь погружению в чужие души, сам для себя он был чем-то непонятным и таинственным. Он любил женщин, но до сего времени все его любовные приключения заканчивались ничем. И даже тогда, когда все шло хорошо, рано или поздно наступал такой момент, когда любовница начинала упрекать его в непроницаемости. Как мог он признаться, что ему не удастся найти в любовной связи ту степень близости, которая связывает его с пациентами?

Коннор подавил зевок и открыл холодильник, где стояла наполовину

опустошенная бутылка шардоне. Прежде чем вернуться в гостиную, он плеснул себе в стакан. В квартире было холодно, и он одним махом выпил вино и не устоял перед желанием налить еще.

Этим вечером он почувствовал, что изнутри на поверхность опять всплывает некая саморазрушающая сила. Коннор всю жизнь сражался с ней и знал, что эта борьба требует постоянного контроля.

Он развязал галстук, сделал несколько шагов к оконному проему и свалился на диван. В его сознании постоянно вертелся образ странной девочки Эви, которая хотела украсть его сумку. Он опять вспомнил отчаяние, которое прочитал в ее взгляде. И опять пожалел, что ничего не смог сделать для нее. Ее вызывающие тревогу слова все еще звенели в его голове, доводя до мигрени: «я хочу убить человека», «чтобы отомстить».

— Не делай эту глупость, — прошептал он, как будто Эви могла услышать его. — Что бы тебе ни сделал тот тип. Не убивай его.

Именно в этот момент зазвонил телефон. Он помрачнел. Это, конечно, Николь. Из-за всей этой истории он забыл перезвонить ей.

Он ответил.

Но это была не она.

Он услышал голос молодой женщины, искаженный страхом. Она винила себя в том, что кого-то убила.

*Выйти к рассвету можно только пройдя по тропе
ночи.*

Халиль Джебран^[27]

Прошло три месяца...

Наступает конец зимы, начинается весна.

Бледно-розовая заря поднимается над Ист-Ривер,^[28] предвещая солнечный день.

Неподалеку от реки возвышается церковь Божьей Матери, маленькая испанская молельня, зажатая между складом и неказистым зданием. В этом доме находится центр временного приюта бездомных. Все устроено здесь с допотопных времен, плитка ободрана, канализация работает плохо... но, тем не менее, место пользуется хорошей репутацией среди тех, кто живет на улице. Бомжи знают, что здесь, в отличие от официальных заведений, им не станут задавать вопросы, а просто дадут пищу и чистую одежду.

В спальне, расположенной в подвале, с десятков бомжей еще досыпают на походных кроватях, а в общем зале нижнего этажа первые проснувшиеся уже сидят за скудным завтраком. Это диккенсовский «Двор Чудес» XXI века: сидя за столом, молодая, но уже беззубая женщина лакает кофе из чашки, как кошка; рядом с ней здоровяк русский с ампутированной рукой неловко крошит сухарь, запасаясь впрок; возле окна старый костлявый негр, равнодушный к пище, сворачивается в спальном мешке и все бубнит и бубнит свои навязчивые причитания...

Внезапно открывается дверь, и входит человек с густой бородой, одетый в черное пальто. Он здесь не ночует, но он — завсегдатай этого места, и с некоторых пор часто приходит сюда, чтобы зарядить телефон в зале приюта.

Погруженный в себя, равнодушный ко всему окружающему Марк Хэтэуэй протащился в угол комнаты и, прежде чем свалиться около розетки, успел присоединить к ней свой хромированный аппарат.

Марк ни разу не видел жену с того самого Рождества. Теперь он

походил неизвестно на кого. Волосы торчат в разные стороны, как у безумного, потухший взгляд, на лице — слой грязи. Он давно покинул мир живых, чтобы жить в постоянном мраке — на последней ступени перед падением.

У вас новое сообщение.

Металлический голос в трубке ничто не пробуждает в нем, как вдруг...

— *Марк? Это я...*

Этот голос, он узнаёт его. Это голос его жены. Хотя мозг его затуманен, он все же чувствует, что Николь рыдает.

— *Перезвони мне, это срочно.*

Короткая пауза, затем:

— *Мне нужно кое-что тебе сказать...*

В этот момент Марк уверен, что Николь собиралась объявить ему, что найден труп Лейлы. Перед ним предстает душераздирающее видение: людоед, зверь, маленькая девочка, вопящая в ночи, но...

— *А ведь ты был...*

Он уже больше не мог дышать. Сердце стучало у него в висках.

— *...А ведь ты был прав,* — вновь проговаривает Николь.

Опять молчание. На этот раз он ничему больше не верит, он больше ничего не понимает. Затем:

— *Они ее нашли...*

Он закрывает глаза, находит в себе силы пролепетать молитву, адресованную сам не знает кому.

— *Она жива, Марк.*

Горячая волна проходит по всему его телу и пригвозждает его.

И теперь плачет он.

— *Лейла жива.*

Любить — это взять на себя заботу об одиночестве другого, не имея возможности ни заполнить, ни познать его.

Кристиан Бобен^[29]

Марк даже не стал прослушивать послание еще раз. Лейла жива! Минутой ранее он принадлежал к отряду мертвецов, но теперь чувствовал, что родился заново, новость, которую он только что услышал, придала ему новые силы.

Он покинул приют и побежал, задыхаясь, вдоль Стэнтон-стрит к Маленькой Италии.^[30] Несколько раз он пытался поймать такси, но никто не хотел его везти. Да и все равно у него не было денег. Люди — сволочи! Ну, им хуже: он поедет до Бруклина на метро зайцем.

В поезде Марк повалился на сиденье, чтобы перевести дух. Он не мог больше дышать, перед глазами стоял туман, но сдаваться было нельзя. Только не сейчас. Он должен был успокоиться и взять себя в руки. И неважно, что у него разламывалась голова, а сердце билось 160 ударов в минуту.

Встряхнись. Ты должен стать прежним. Сделай это для Лейлы. Она жива. Ты всегда это знал. Ты не совсем понимаешь — почему, но ты знал это всегда.

Он закрыл глаза и попытался привести мысли в порядок.

Из-за этого ты противился желанию покончить со всем. Чтобы быть там, когда ее найдут. Сейчас ты должен помочь ей. Ты должен быть сильным — ради нее.

Он долгое время сидел вот так, открывая глаза только затем, чтобы узнать название станции, когда поезд подходил к ней.

Внезапно среди полной беспорядочности мыслей, царящей в его голове, что-то промелькнуло. Скорее это была интуиция, нежели умозаключение.

Какого числа? Вспомни, когда?!

На одном из сидений перед ним лежал утренний номер «Нью-Йорк

пост». Он схватил газету, лихорадочно пробежал по ней глазами, ища сегодняшнее число: суббота 24 марта 2007 года. Телефонное послание Николь было вчера вечером. Так, значит, Лейлу нашли вчера.

23 марта 2007 года!

Сама по себе эта дата ничего особого не представляла, но в его сердце и сознании она была выжжена каленым железом.

Было 23 марта 2002 года, когда исчезла Лейла.

Ровно пять лет назад.

День в день.

* * *

Марк приехал на маленькую спокойную улицу Бруклина, приютившую дом, который раньше был его домашним очагом. На тротуаре он заметил полицейскую машину, припаркованную в неподобающем месте.

Одним махом он взлетел по ступенькам крыльца, забарабанил в дверь, даже не думая звонить.

В приоткрытой двери появилось лицо Николь. В ее взгляде было все: страдание и искренняя сильная любовь... Их объятие прервал агент ФБР, стоявший позади Николь.

— Здравствуйте, доктор Хэтэуэй, — сказал полицейский, показывая свое удостоверение. — Фрэнк Маршалл, отделение ФБР Калифорнии, я думаю, вы помните меня.

Марк повернулся к нему. Николь, должно быть, ввела его в курс дела, так как человек, казалось, нисколько не удивился, увидев перед собой бродягу. Выглядел он солидно — а ла Эд Харрис:^[31] приземистый, с короткой стрижкой и рассеянно-благодушным видом. Это он вел расследование о похищении Лейлы.

— Где она? — одними губами спросил Марк. — Где Лейла?

Николь хотела ответить, но Маршалл опередил ее:

— Не нужно торопиться, доктор Хэтэуэй, — предупредил он, направляясь к ноутбуку, установленному на столе в гостиной. — Пока мы не совсем уверены, что речь идет о вашей дочери. Сейчас проводится анализ ДНК, который даст нам окончательный ответ.

Маршалл нажал на кнопку, и на экране появилось лицо девочки.

— Эту фотографию сделали вчера вечером, через несколько часов после ее появления.

Марк склонился над экраном.

— Это Лейла! — заявил он без колебаний. — Это наша дочь.

— Я так и думал, — ответил Маршалл.

— Я хочу ее видеть!

— Она не в Нью-Йорке, доктор.

Марк двинулся на Маршалла:

— Где она?

— В Лос-Анджелесе, в медицинском центре, в больнице Сент-Фрэнсис Мемориэл Хоспитэл.

— Как... как она?

— Пока сказать еще трудно. Врачи проводят всевозможные исследования. Еще рано, чтобы...

— Ее избили, изнасиловали?

— По правде сказать, мы ничего не знаем.

Марк взорвался:

— Как это вы ничего не знаете?

Он почти вплотную подошел к полицейскому и угрожающе посмотрел на него.

— Успокойтесь, — посоветовал ему Маршалл, отступая. — Я все вам расскажу, как и вашей жене.

Николь позвала их в кухню и приготовила кофе. Мужчины сели рядом за стол, и Маршалл вытащил из кармана блокнот, как будто хотел быть уверенным, что ничего не забудет.

— Маленькая девочка, лет десяти, была обнаружена вчера после полудня, точнее, около 17 часов. Она бродила по торговым рядам галереи Сан-Шайн-Плаза округа Ориндж в Лос-Анджелесе.

Марк обхватил руками голову. Маршалл продолжал:

— Ее возраст, сходство, родимое пятно, шрам на подбородке — все дает нам повод предположить, что речь идет о вашей дочери.

— Это торговый центр, где...

— ...она исчезла ровно пять лет назад, день в день, — закончил его фразу Маршалл.

Выражение недоверия промелькнуло на лице Марка.

В то же время, в том же месте, с промежутком в пять лет...

— И это, конечно, нельзя назвать случайностью, я согласен с вами.

— А Лейла, что она вам сказала?

— В этом все и дело, доктор Хэтзуэй, ваша дочь нам *ничего* не сказала.

Марк нахмурился.

— Со вчерашнего вечера она не сказала ни одного слова, — пояснил Фрэнк, — ни нам, ни медперсоналу, который за ней ухаживает.

— Полное расстройство речи?

Марк уже размышлял как врач. Неоднократно за годы своей практики он оказывал помощь детям, страдающим мутизмом,^[32] обусловленным психологическими факторами.

— С меня достаточно! — отрубил он, вскочив. — Я еду в Лос-Анджелес к Лейле.

— Мы вам забронировали места на сегодня и завтра, — объявил Фрэнк, поднимаясь, в свою очередь. — Позвоните мне, когда будете готовы. Одна из наших машин отвезет вас в аэропорт.

— Мы готовы, — отрезал Марк. — Зачем ждать.

В комнате внезапно повисло напряженное молчание, затем Николь крикнула:

— Нет!

Марк, ничего не понимая, повернулся к жене.

Вместо ответа Николь указала пальцем в направлении стеклянной перегородки. Марк посмотрел в стекло и увидел себя, словно в зеркале. На него смотрел некто худой и грязный, с длинными сальными волосами, всклокоченной бородой и опухшей физиономией, с налитыми кровью глазами. И этот некто вызывал страх.

— Я надеюсь, ты не хочешь, чтобы она увидела тебя в таком обличье?

Устыдившись, он кивнул в знак согласия.

* * *

— Слава богу, что не все мои клиенты такие, как вы! — пробурчал Джо Кэллэкен, один из последних сохранившихся в Бруклине старых добрых цирюльников. — Стричься раз в два года! Это неразумно, доктор Хэтэуэй! Я уж не говорю о бороде!

Понадобился целый час усилий старого парикмахера, чтобы довести дело до конца. Приверженец хорошо сделанной работы, мастер поднес овальное зеркало к затылку врача, чтобы тот смог оценить новую прическу.

— В следующий раз не буду так тянуть, — пообещал Марк.

С коротко стриженными волосами, свежевыбритый, он с трудом узнал свое лицо.

После парикмахера Марк сделал короткий заход в шикарный бутик на Парк-Слоуп, который посещал, будучи молодым, полным надежд и жажды успеха. Полотняные брюки, элегантный пиджак, рубашка поло из последней коллекции, украшенная посеребренным крокодилчиком... Что

поделаешь, судят по одежке... Несколько часов назад он был жалким существом, валявшимся в пыльном приюте. Однако несколько косметических процедур, стрижка, бритье, другая одежда — и вот он снова способен произвести впечатление благополучного человека.

Он добрался до дома пешком, машины полицейского уже там не было.

Ну, и к лучшему.

Марк позвонил, как вдруг вспомнил, что Николь вернула ему ключи. Он открыл дверь и прошел по коридору. Окна были открыты. Гостиная утопала в весеннем свете. Пахло бергамотом^[33] и флердоранжем.^[34] Музыка в исполнении Кита Джаррета^[35] заливала комнату дождем кристально чистых нот, воспроизведенных высокоточной аппаратурой. Кельнский концерт — апофеоз Джаррета. Это была, и навсегда останется ею, самая красивая джазовая импровизация. Она нравилась даже тем, кто не любил джаз. Марка охватило волнение. Этот диск имел для него особое эмоциональное значение: Николь подарила его ему, когда началась их история любви.

— Николь? — позвал Марк.

Никто не ответил. Она, наверное, наверху.

Он стрелой взлетел по лестнице.

— Николь?

Открыл дверь ванной. Никого.

Марк остановился на пороге их комнаты. К двери кнопкой была прикреплена почтовая открытка с изображением двух переплетенных тел, парящих в воздушном покрывале. Он тотчас же узнал «Вальс», скульптуру Камиллы Клодель,^[36] которой они восхищались в музее Родена во время своего первого путешествия в Париж.

Музыка Джаретта, страстные объятия Камиллы Клодель. Две мадленки,^[37] оставленные Николь, уводили его в далекое прошлое.

Но где же его жена?

Озадаченный, он снял почтовую открытку и на обратной стороне увидел несколько слов, написанных в спешке.

Марк, любовь моя,

За меня не беспокойся. Со мной все хорошо, но я не могу сейчас поехать в Лос-Анджелес.

Больше всего на свете мне хотелось бы вновь быть с тобой и нашей маленькой дочкой.

Но это невозможно.

Это путешествие ты должен совершить один.
Прости, но я не могу рассказать тебе все.
Потом ты поймешь.
Что бы ни произошло впоследствии, знай, что я любила и
буду любить тебя всегда.

Николь

Я боялась, но пришел он, и мне стало не так страшно...

Эмили Дикинсон^[39]

12 часов спустя

Лос-Анджелес

Сент-Фрэнсис Мемориэл Хоспитэл

А лифт все поднимался и поднимался. Втиснутые внутрь кабины Марк Хэтэуэй и Фрэнк Маршалл злобно смотрели друг на друга. Не дожидаясь прибытия на место, агент ФБР решился задать вопрос, который не давал ему покоя:

— Вам не кажется странным, что ваша жена не поехала с нами?

Марк молчал, у Фрэнка появилось неприятное впечатление, будто он говорит в пустоту.

— И все же, — вновь заговорил Фрэнк, — ее дочь, которую она считала погибшей, вновь появляется, а...

— Что вы хотите сказать? — раздраженно прервал его Марк.

Фрэнк, казалось, слегка заколебался, но все же сказал:

— Если вы знаете что-либо, что неизвестно нам относительно вашей супруги, если у вас есть подозрения, нужно нам об этом сообщить.

Марк продолжал игнорировать его, демонстративно повернувшись к нему спиной. Он должен пока что забыть это странное послание, оставленное Николь, потому что он не знает, что оно означает.

Сейчас он должен думать только о своей дочери, которую вскоре обретет вновь. Ничто другое не должно отвлекать его, ничто другое не имеет значения.

— И еще, — добавил Фрэнк, — в интересах следствия ФБР не хочет раскрывать факт появления вашей дочери. В прессу мы информацию не дадим и хотим, чтобы журналисты были пока не в курсе.

— Почему?

— У нас свои причины, — ответил уклончиво полицейский.

Марк набросился на него:

— ...о которых вы мне, безусловно, не расскажете! Вечно эта ваша мания секретности! Ну, с меня хватит, вы ничего больше не будете навязывать мне!

Обескураженный, Фрэнк нажал на кнопку срочной остановки лифта, заблокировав кабину между этажами, чтобы прояснить ситуацию.

— Пока мы не пришли с вами к полному согласию, Хэтэуэй, я не позволю вам взять Лейлу в Нью-Йорк. Это произойдет только при соблюдении вами некоторых условий.

— Идите к черту. Запустите лифт.

— Я требую, чтобы ваша дочь находилась под постоянным наблюдением психолога ФБР. И как только она заговорит, допрашивать ее будем мы.

Марк не выдержал. В мгновение ока он схватил фэбээровца за ворот пиджака и прижал к зеркалу лифта с такой неожиданной силой, что кабина закачалась.

— Психолог — это я, вам понятно? Моя дочь ни с кем другим общаться не будет. Я специалист по таким случаям — и лучший в своем деле!

Фрэнк не сопротивлялся, только заметил:

— Вы, возможно, когда-то и были лучшим, но в настоящее время вы всего лишь агрессивный и импульсивный человек, два года проживший на улице. И это, по правде сказать, не те качества, которые могли бы успокоить ребенка в состоянии шока. Вы меня понимаете?

Марк еще сильнее придавил агента к стене:

— Вы были даже не способны найти Лейлу! И то, что она нашлась, — не ваша заслуга. А сейчас оставьте меня в покое. Я все беру на себя. Дело закрыто.

Марк разжал руки и нажал кнопку лифта.

Фрэнк поправил воротник и уточнил безразличным тоном:

— Дело не будет закрыто до тех пор, пока не будет арестован похититель вашей дочери.

* * *

Двери лифта открываются, и взору предстает длинный коридор со стеклянными, выдавшими виды перегородками. Наступила ночь, и огни над Городом Ангелов простираются до бесконечности.

Марк старается следовать полученным указаниям. Палата Лейлы расположена в конце коридора. В сорока метрах впереди себя он замечает дверь.

Палата 406.

Сорок метров.

Больница шумит как улей, по коридорам снуют врачи, медсестры, но Марк ничего не слышит. Укрывшись в оболочке молчания, он движется в замедленном темпе, словно перед прыжком, задерживая дыхание. Его раздражают нетерпение и опасение. Чтобы успокоиться, он твердит себе, что готов ко всему: дочь может не узнать его, поведет себя агрессивно, может быть, она не будет способна заговорить с ним, а может быть...

Тридцать метров.

Время растягивается до бесконечности. Почему он так боится? Ведь он оказался прав! В течение пяти лет, вопреки всему и всем, он изо всех сил отгонял от себя мысль о том, что Лейла мертва. Приходилось сопротивляться скорее головой, нежели кулаками. Этот урок он и Коннор усвоили еще в тяжелые годы детства, проведенные в квартале Чикаго, пользующемся дурной славой. Именно эти убеждение и умение и привели их к выбору профессии. Когда боль становится слишком острой, когда нет больше сил сопротивляться, — сосредоточь все свои умственные способности и держись! Всегда наступает момент, когда враг устает наносить удары. Всегда наступает момент, когда наконец появляется свет в конце туннеля.

Двадцать метров.

Он приближается и все сильнее чувствует, как в нем сгущается все пережитое за последние годы. Это много — пять лет тонуть в пучине боли, знать, что твоя дочь страдает и что ничего нельзя для нее сделать! Это тяжело, когда единственное твое предназначение — испытывать страдание, пытаюсь хоть как-то разделить его с ней.

Десять метров.

Еще несколько шагов, и кошмар закончится.

Пока ему трудно в это поверить.

Он не успел дойти до двери, как вдруг она начинает потихоньку приоткрываться.

Вначале он различает только ореол вьющихся волос, витающий над розовой, слишком просторной пижамой. Потом видит девочку в сопровождении медсестры, и та поднимает голову, чтобы взглянуть на него.

Это она. Выросла, конечно. И все же Лейла кажется ему такой маленькой, такой хрупкой...

Он чувствует, что его сердце вот-вот разорвется, но, стараясь не напугать ее, Марк сдерживает порыв броситься навстречу, и только слегка машет ей рукой.

Он весь дрожит.

Не уходи, Лейла, не уходи!

Девочка застывает на месте. И тогда Марк осмеливается встретиться с ней взглядом.

Тысяча восемьсот двадцать восемь дней прошло с тех пор, как она пропала.

Он приготовился к встрече с ребенком, одичавшим и растерянным, но ни ужаса, ни страдания не увидел в ее глазах. Напротив, она кажется спокойной и уравновешенной. И вот... на лице ее мелькает тень улыбки, она отпускает руку медсестры и бежит к нему. Тогда Марк присаживается, чтобы быть с ней одного роста, и берет ребенка на руки.

— Все в порядке, дорогая, — говорит он, приподнимая ее.

Он прижимает ее к себе, и бесконечное блаженство охватывает его. Это ощущение намного сильнее того, которое он испытал при ее рождении.

— Все закончилось, — шепчет он ей на ухо. — Все закончилось.

Чтобы показать, что это действительно так, он шарит в своей сумке и достает маленького плюшевого зайца, которого он догадался привезти из Нью-Йорка.

— Я принес твоего белого зайчика. Помнишь его? Ты никогда не засыпала без Господина Зайца.

Девочка берет плюшевую игрушку и прижимает ее к сердцу.

— Теперь все, девочка моя, — повторяет Марк, будто убеждая самого себя. — Все закончилось. Мы возвращаемся домой.

*Рыдать от невозможности мечты,
Открыть дорогу боли и любви,
Сгорать от лихорадки суеты,
Бежать от одиночества в крови.* [\[40\]](#)

Жак Брель

*Сегодня 25 марта 2007 года — 8 часов утра
Международный аэропорт Лос-Анджелеса*

Марк

Такси остановилось перед терминалом 2, но Марк не торопился выходить. По дороге в аэропорт Лейла заснула у него на плече, и он не хотел будить ее. Покинув больницу, они провели ночь в гостинице деловой части города. Девочка продолжала молчать, но казалась спокойной и счастливой, потому что вновь была с папой.

— Ты заговоришь, — пообещал он маленькой спящей девочке.

Марк был в этом уверен. Нужно только, чтобы она ощутила себя дома, в кругу близких. И он готов был сделать все, чтобы Лейла вновь почувствовала доверие к людям.

Сквозь дымчатые стекла автобуса он с тревогой наблюдал за суетой, царившей даже на подступах к аэропорту. Он ненавидел Лос-Анджелес, его грязь, его облик и его неукротимый нрав. Его не покидало впечатление, что этот гигантский город поглощает все на своем пути: и природу, и людей.

В защитном коконе машины Марк еще несколько секунд чувствовал себя в безопасности, убаюканный чистыми интонациями скрипичного концерта, отрывок из которого звучал по радио.

Эта музыка... я ее знаю.

— Эта прекрасная композиция — что это?

— Чакона Баха, — ответил водитель-меломан, протягивая ему коробку компакт-диска.

Марк всмотрелся: фотография с претензией на гламур: полураздетая скрипачка стояла, прислонив лицо к зеркалу, — в нем она отражалась в виде двухголового существа, сексуального и одновременно вызывающего беспокойство. На желтой этикетке престижного ярлыка стояло имя исполнительницы и программа сольного концерта:

Николь Хэтэуэй исполняет Баха
Партиты для скрипки соло

Едва Марк успел почувствовать волнение, Лейла открыла глаза. Она смотрела на своего отца и улыбалась, затем зевнула.

— Ты наденешь курточку, — предложил Марк, — сейчас полетим на самолете.

Девочка послушалась, и они вышли из такси, направившись в аэропорт.

В зале отлетов напряжение достигло предела.

Неделю назад раскрытие нового террористического заговора в Объединенном Королевстве посеяло панику с обеих сторон Атлантики и повлекло за собой целый ряд ложных тревог. Уровень антитеррористической безопасности был повышен с «критического» до «высокого». Каждый день отменялось множество рейсов. Марк удостоверился, что к ним это отношения не имело, и поторопился к указанной стойке.

Он знал, что усиленный осмотр пассажиров и багажа сильно продлевают время посадки, а ему хотелось поскорее избавиться от этой формальности.

Посреди толпы он крепко держал за руку Лейлу, как будто опасался потерять ее вновь.

— Доктор Хэтэуэй! Доктор Хэтэуэй!

Марк обернулся, удивляясь, что его зовут по имени.

Позади него, в нескольких метрах, бежал человек, которого он никогда раньше не видел.

— Микаэль Филипс, я работаю в «Геральд»,^[41] — представился он.

Марк нахмурился.

— Я хотел бы услышать несколько слов от вашей дочери, — объявил репортер, доставая из кармана магнитофон.

— Нам нечего сказать, — решил Марк, прижимая Лейлу к себе и ускоряя шаг.

Но тот опередил его, стараясь быть убедительным:

— Мы вам предлагаем контракт: 75 тысяч долларов за интервью и фотосъемку.

— Идите куда подальше! — прогремел Марк.

Повернувшись, он увидел, что журналист достал из кармана мобильный телефон и готов сделать снимки без его согласия.

Стараясь защитить Лейлу, он схватил Филипса за горло и сжимал его до тех пор, пока репортер не выронил свой аппарат.

Телефон упал на пол, и Марк методично каблуком ботинка раздавил его.

— Вы мне за это заплатите! — с угрозой сказал журналист, массируя шею.

Марк смотрел на него в течение нескольких секунд, удивленный своей импульсивностью и быстротой, с которой произошла эта стычка.

Направляясь в зону регистрации, он услышал, как Филипп предостерегал его вслед:

— Вы в полном дерьме, Хэтэуэй, и даже не отдаете себе в этом отчет. Я провел расследование, у меня есть информация, которую я мог бы вам передать. Вы не знаете правды! Ни о вашей дочери, ни о вашей жене!

* * *

Эви

Электричка, совершающая челночные рейсы до Юнион-стэйшн, высадила пассажиров перед терминалом 2. Среди них была пятнадцатилетняя девочка не совсем обычного вида. Эви вышла последней. Так толком и не проснувшись, она устремилась в зал вылетов, где, сощурив глаза, стала изучать электронные табло, пытаясь уточнить время своего рейса. Прошлую ночь она провела на скамейке, все тело ныло. Живот бурчал, суставы трещали, а кости казались такими хрупкими, что вот-вот рассыплются. Она с завистью взглянула на стойку «Старбакс», где продавались кофе и булочки, но у нее в кармане не было ни доллара. Голодная, она тайком вытащила пакетик с остатками апельсинового сока и кусочки булочки из мусорного бака при кафе.

Через несколько часов она будет в Нью-Йорке. Досадные обстоятельства, заставившие ее отправиться в Лос-Анджелес, уже позади, и теперь она была в состоянии добраться до человека, которого преследовала. У нее был его адрес. Он жил на севере Манхэттена. Как только она найдет

его — сразу убьет.

Она его убьет.

Она его убьет.

И, может быть, тогда боль станет не такой сильной.

Элисон

Громоздкий внедорожник с грубыми очертаниями и дерзкими выступами ходовой части с трудом припарковался на третьем уровне подземной стоянки терминала 2. Нутро «Порше Кайенн» распирало от включенных на полную мощность сабвуферов, выдававших смесь нудного рэпа и ритм-н-блюза. В машине сидела молодая женщина 26 лет — Элисон Харрисон: короткие волосы цвета платины, джинсы в обтяжку с ремнем-лассо, куртка из дутой кожи.

Элисон выключила двигатель и рухнула на руль. Ее всю трясло. Она должна была успокоиться, если хотела, чтобы ей дали уехать. А для этого у нее не так уж много возможностей. Она порылась в сумочке от «Гермес» и вытащила маленькую пудреницу из слоновой кости, вдохнула две дорожки кокаина, затем потерла десны небольшим количеством белого порошка. Это был ее единственный способ не пасть духом. Без кокаина Элисон чувствовала себя жалкой, неспособной сопротивляться. В последние годы она уже не контролировала, сколько потребляла, однако белый порошок все еще оказывал на нее свое благотворное действие.

Менее чем за минуту она вновь обрела подобие уверенности, почувствовала себя сильной и способной управлять ситуацией. Вскоре это приятное чувство перерастет в высокомерие и повышенную чувствительность. А пока нужно только, чтобы у нее хватило сил перенести свой зад в самолет и вернуться в Нью-Йорк.

Она сняла прозрачные контактные линзы и заменила их цветными: одна розовая, а для другого глаза — голубая. Взглянув в зеркальце заднего вида, она поправила челку, закрепив ее заколкой-бабочкой. В таком виде она и вышла из автомобиля, шатаясь на высоких каблуках, толкая впереди себя дорожную сумку на колесиках.

Когда мелькнула вспышка папарацци, Элисон увидела свое отражение в ветровом стекле автобуса, стоявшего на остановке. Стекло было жестоким, но справедливым по отношению к ней — в нем отразилась накачанная кокаином баба стоимостью в миллиард долларов.

* * *

Вот они там, все трое, в нескольких метрах друг от друга, в зале аэропорта, который стал теперь для них маленькой театральной сценой.

Марк

Эви

Элисон

Они не знакомы, они никогда не разговаривали друг с другом, но у них уже есть нечто общее.

Все трое стоят на повороте судьбы,

на пределе,

на грани перелома.

Все трое с тяжелым прошлым.

Жизнь всех троих перевернута разлукой или смертью.

Все трое чувствуют себя и жертвами, и виновными.

Но через несколько минут они сядут в один самолет.

И их жизнь изменится.

* * *

— Сначала иду я, а ты за мной, хорошо, Лейла?

Для прохода через контрольное устройство Марк снял куртку, ремень и положил их на движущуюся ленту.

Никакого сигнала.

— А теперь ты! — обратился он к дочери, собирая свои вещи.

Девочка спокойно присоединилась к отцу, но когда она проходила рамку, включилась тревога системы безопасности.

— Опустошите карманы и снимите обувь!

«Черт бы тебя побрал, мог бы быть и любезней, приятель», — подумал Марк, расстреливая взглядом охранника.

Атмосфера в аэропорту была наэлектризована. Напряжение усиливалось присутствием многочисленных военных, призванных участвовать в обысках и контроле безопасности.

Марк стал на колени перед дочерью, помогая ей снять обувь, осмотрел ее карманы, но они были пусты.

— Все в порядке, милая.

В носочках Лейла прошла под аркой, и опять раздался сигнал тревоги. Странно, ведь на ней были только джинсы, футболка и куртка.

Марк помрачнел:

— Она неисправна, ваша машина.

Не потрудившись ответить ему, служащий безопасности подошел к девочке.

— Повернитесь и поднимите руки!

Лейла повиновалась, и тогда другой охранник провел по ее телу детектором.

Аппарат вдруг обезумел, приблизившись к затылку ребенка.

— И что это значит? — занервничал Марк.

Охранник не смог ему ответить. Он возобновил маневр — с тем же успехом. Удивленный сотрудник аэропорта позвал на помощь коллегу, чтобы заменить детектор. Но и новый аппарат не помог прояснить ситуацию: все наводило на мысль, что под кожей у Лейлы было имплантировано что-то металлическое!

Изумленный охранник нацепил пальцем наушник и поднял глаза к камере наблюдения, обратившись к невидимому собеседнику:

— Мадам, у нас проблема...

Марка с дочерью отвели в общарпанную контору, оборудованную под комнату допросов. Перед ними стояла сурового вида латиноамериканка в брючном костюме, изображавшая из себя Кондолизу Райс. Она изучала их паспорта.

— Объясните мне одну вещь, мистер Хэтэуэй: ваша дочь перенесла недавно хирургическое вмешательство?

— Я... я не знаю, — признался Марк.

— Может быть, ей что-то вставили в затылочную область: чип или какой-нибудь имплант?

— Я не знаю.

Начальник отдела безопасности бросила на него презрительный взгляд:

— Как это вы не знаете? Это ваша дочь или нет?

— Это долгая история, — сказал он устало.

«Кондолиза» повернулась к Лейле:

— У тебя болит голова, сзади?

Девочка выдержала ее взгляд не дрогнув и по-прежнему не проронила ни слова.

— Ты что, разучилась говорить?

Измученный Марк поднялся со стула.

— Мы уходим! — решил он, беря за руку дочь. — Тем хуже для самолета, мы арендуем машину.

— Вы не выйдете отсюда, — заверила их собеседница, указывая на военного, стоящего на страже у входа в контору.

— А это мы еще посмотрим! — взорвался Марк. — Верните мне паспорт! Я ни в чем не виноват.

Дискуссия принимала серьезный оборот, но в это время зазвонил телефон.

— Да? — произнесла «Кондолиза», наклонившись к громкоговорителю.

— Это ФБР, мадам, — сообщила ей секретарша, — агент Фрэнк Маршалл.

— Пусть перезвонит.

— Он говорит: это срочно.

— Ну ладно, — решила начальница, выключая усилитель.

Марк сел на стул, удивленный вмешательством Фрэнка. Он спрашивал себя, чем все это может закончиться?! Беседа «Кондолизы» с агентом ФБР была краткой, состоящей из двух «да» и одного «хорошо, сэр», произнесенных мулаткой.

Недовольная, она подняла глаза на Марка и примирительно сказала, протягивая ему паспорт:

— Все в порядке, мистер Хэтэуэй. Извините за причиненные неудобства. Желаю вам приятного полета. И вашей дочери также.

* * *

Выведенный из себя этой унижительной проверкой, Марк решил, что им в качестве компенсации полагается хороший завтрак. Вдоль стойки «Бон-кафе» расположилась целая вереница закусовых, организованных здесь неким французом. Марк взял два плотно заставленных едой подносы и устроился с Лейлой за маленьким столиком, рядом с неведомым зеленым растением. Он с удовольствием отметил, что у дочери хороший аппетит — она за обе щеки уплетала круассан, как парижанка, запивая его апельсиновым соком. Сам он проглотил только чашку кофе, рассеянно пробегая взглядом по «USA Today», экземпляры которой лежали в открытом доступе.

Терминал светился мягким белым светом.

В то время как Марк и Лейла покидали свои места, позади, не замеченная ими, прошла девушка, села за их столик и забрала остатки апельсинового сока и нераспечатанный йогурт.

Эви тоже успела взглянуть на заголовок газеты. Статья с большой фотографией занимала половину первой страницы.

САМОУБИЙСТВО МИЛЛИАРДЕРА РИЧАРДА ХАРРИСОНА

«Основатель группы „Грин Кросс“, один из мировых лидеров большого бизнеса, скончался вчера в Нью-Йорке в возрасте 72 лет. Его нашли на собственной яхте в луже крови. Он покончил с собой, выстрелив себе в голову из охотничьего ружья.

Согласно нашей информации, Ричард Харрисон отправил своим родственникам письмо, в котором объяснял свой поступок. Узнав два года назад, что у него болезнь Альцгеймера, он не смог вынести мысли, что болезнь доведет его до слабоумия.

Траурная церемония состоится завтра после полудня на Манхэттене.

Еще в 1966 году, в городке штата Небраска, Ричард Харрисон заложил первый камень своей империи — открыл маленькую бакалейную лавку, торгующую по низким ценам. Он быстро добился успеха и вскоре смог открыть другие торговые заведения, сначала в своем районе, а затем по всей стране. Магазинов „Грин Кросс“ в США становилось все больше и больше. Сегодня количество крупных торговых площадей „Грин Кросс“ перевалило за шестьсот.

Скрытный, с репутацией человека, ведущего скромный образ жизни, Ричард Харрисон прожил в одном и том же доме тридцать лет. Деньги, казалось, не многое изменили в повседневной жизни этого человека. Ему доставляло удовольствие играть роль „господина как все“, никогда и никоим образом не выставляя напоказ свое богатство.

Но его единственная дочь Элисон не отличалась скромностью и аскетизмом, описания ее скандальных

похождений не сходили со страниц бульварной прессы...»

Эви оторвалась от газеты, привлеченная криками, идущими от автоматических дверей.

Вплотную окруженная армией фотографов, ослепленная вспышками папарацци, Элисон Харрисон входила в аэровокзал. Тонкая, как былинка, с лицом, наполовину скрытым очками-хамелеонами, она с трудом пробивалась сквозь окружающую орущую ей в лицо толпу.

Вспышка-вспышка-вспышка

— Элисон! Посмотрите сюда, Элисон!

Вспышка-вспышка

— Как вы, Элисон? Держитесь?!

Вспышка

— В каких отношениях вы были с вашим ОТЦОМ? Похоже, что в ссоре. А НАРКОТИКИ, с ними все? Элисон!

Вспышка-вспышка

— Как вы ощущаете себя теперь, став наследницей МИЛЛИАРДА ДОЛЛАРОВ? Элисон! В вашей жизни кто-нибудь появился в данный момент?

Вспышка-вспышка

— Вы вернетесь в больницу? А наркотики, Элисон? Вы не ответили, **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО С ЭТИМ ПОКОНЧЕНО?**

Вспышка

Они хлестали ее вопросами, словно пощечинами.

Вначале, когда пресса начала интересоваться ею, Элисон это льстило. Одно время она думала, что сможет сохранить контроль и обратить перья СМИ себе на пользу. Она стала знаменитой. И тут ловушка захлопнулась. И теперь не проходило ни дня без того, чтобы фотограф либо просто любой тип с телефоном не пытались украсть частичку ее личной жизни.

Вспышка-вспышка

Элисон прикрыла лицо рукой, чтобы защититься от света. Воспоминания из прошлого вернулись со скоростью бумеранга.

Вспышка

...НАЗАД... В ПРОШЛОЕ...

9

Элисон

Воспоминание первое

Восемь лет назад

Наследница империи «Грин Кросс» провоцирует скандал на Таймс-сквер

(«Ассошиэтед Пресс», 18 октября 1999 г.)

«Вчера вечером, когда Элисон Харрисон выходила из модного ресторана на Таймс-сквер, где только что отпраздновала свой 19-й день рождения, вокруг нее собралась толпа. Пьяная молодая женщина посреди улицы под насмешки и улюлюканье многочисленной публики изобразила некое подобие стриптиза.

С тех пор как она бросила учебу, чтобы полностью посвятить себя модным тусовкам и хождению по магазинам, дочь миллиардера Ричарда Харрисона регулярно привлекала к себе внимание экстравагантными выходками и поведением избалованного ребенка».

Капризы Элисон

(«Агентство Франс Пресс», 23 декабря 1999 г.)

«Будучи проездом в Париже, миллиардерша своим поведением шокировала персонал отеля „Георг V“.

Опустошив магазины на Елисейских полях, она окружила себя пышной свитой и забронировала отдельный номер только лишь для хранения своих покупок. По словам горничной, там было по крайней мере тридцать коробок с обувью — и все дорогих и известных марок!»

Стив и Элисон: это серьезно

(Онлайн, 14 января 2000 г.)

«Канал e-Music уже сообщал об этом на прошлой неделе, отныне это — официальная информация. Ударник рок-группы „6th Gear“ и наследница империи „Грин Кросс“ переживают настоящее любовное приключение. И

это продолжается уже две недели. Стив Гленн, тридцати одного года, известен своими манерами „скверного мальчишки“ и пристрастием к алкоголю. Стив и Элисон — взрывоопасный коктейль. Похоже, папарацци без работы не останутся».

Скандал в Куршевеле

(«Агентство Франс Пресс», 12 февраля 2000 г.)

«Наследница империи „Грин Кросс“ не появилась на этой неделе на престижном курорте в Альпах, где она забронировала две трассы для личного пользования. Никто ее не видел. Очевидно, она напугана шумихой в прессе, развернутой по поводу ее чрезмерных запросов относительно условий проживания на курорте. „Здесь не любят нарушителей общепринятых норм“, — отметил анонимный источник из муниципалитета».

Миллиардерша-клептоманка

(«Ассошиэйтед Пресс», 3 мая 2000 г.)

«Элисон Харрисон продолжает шокировать публику! Скандальная блондинка была задержана вчера во второй половине дня за кражу одежды на несколько тысяч долларов в шикарном бутике на Беверли-Хиллз. Ее отец уже заявил, что для защиты своей дочери прибегнет к помощи Джеффри Векслера, одного из ведущих адвокатов в стране».

Следствие по делу Элисон прекращено!

(«Ассошиэйтед Пресс», 8 июня 2000 г.)

Стив и Элисон: все кончено

(Онлайн, 18 декабря 2000 г.)

Элисон Харрисон обвиняется: она сбежала с места происшествия!

(«Дейли телеграф», 3 января 2001 г.)

«Быть миллиардершей не значит быть выше законов. Согласно информации интернет-сайта OMZ.com Элисон Харрисон сбежала с места дорожно-транспортного происшествия, которое, к счастью, обошлось без жертв. Это правонарушение могло бы остаться незамеченным, если бы случайный прохожий не отснял его на мобильный телефон. Вынужденная

признать факты, Элисон вызвала адвоката Джеффри Векслера, чтобы достичь мирового соглашения с владельцем велосипеда».

У Элисон Харрисон появился новый любовник!
(Онлайн, 12 февраля 2001 г.)

«Светская дива, расставшись со Стивом Гленном, утешилась в объятиях героя телесериала „Пэсифик Пэллсейд“, актера Остина Тайлера, которого она встретила на съемках рекламы».

Элисон Харрисон: все для Рокси!
(«Ассошиэтед Пресс», 6 марта 2001 г.)

«Наследница продолжает безумствовать. Она приобретает вещи, чтобы элегантно одеть свою... собачку. Ошейник с бриллиантами, коллекции одежды от знаменитых кутюрье, сеансы у собачьего психолога — ничего не жаль для Рокси, китайской хохлатой собачки, которую она повсюду таскает с собой. „Я знаю, что Рокси никогда не покинет меня, чего не могу сказать о людях“, — заявила светская дива в оправдание своих безрассудных трат».

Пикантное видео об Элисон в Сети!
(Онлайн, 20 июля 2001 г.)

«В одном из ночных заведений Майями у наследницы миллионов украли мобильный телефон. Она опасается, что информация, хранящаяся в ее сотовом, может попасть в плохие руки. Кроме адресов известных лиц, в телефоне были многочисленные фотографии, а также видеокадры личного характера. Один из них, двухминутный клип, где Элисон и ее бойфренд страстно занимаются любовью, только что появился в Интернете.

„Меня оскорбляет то, что моя интимная жизнь вот так выставляется на всеобщее обозрение, — заявила Элисон. — Я хотела бы извиниться перед моими друзьями и моей семьей“.

Быстро оправившись от первоначального чувства неловкости из-за того, что произошло, светская дама вновь обрела свой апломб:

„Заниматься любовью — это естественно, я и не думаю чувствовать себя виновной в чем-либо“».

Элисон Харрисон выпускает собственную коллекцию белья
(«Ассошиэтед Пресс», 6 августа 2001 г.)

«Ее творения будут продаваться только в магазинах „Грин Кросс“».

Элисон Харрисон опять одна?

(Онлайн, 28 августа 2001 г.)

Элисон Харрисон вступает в ряды каббалистов

(Рейтер, 9 сентября 2001 г.)

«Эксцентричная блондинка объявила себя каббалисткой, как и многие, подобные ей, в Голливуде. Это самая последняя мода на религию у знаменитостей. „Я никогда не расстанусь со своим браслетом из красной нити. Он защищает меня от несчастий и позволяет контактировать с высшими силами“».

Духи «Элисон»

(«Ассошиэтед Пресс», 29 сентября 2001 г.)

«Настало время наследнице Харрисона выпустить духи под своим именем. Молодая женщина остановилась на престижной марке (принадлежащей ее отцу!). Аромат этих духов еще предстоит усовершенствовать, а к Рождеству они поступят в продажу».

Элисон Харрисон — опять пристроилась?

(«Онлайн», 28 октября 2001 г.)

Элисон Харрисон хотела бы снимать кино

([Imdb.com](http://imdb.com), 20 ноября 2001 г.)

От одного спортсмена — к другому...

(Онлайн, 5 декабря 2001 г.)

«Элисон Харрисон определенно „интересуется спортом“. После футболиста Дейва Де Ла Луна пришла очередь олимпийского чемпиона по плаванию Джона Элдринга, который также попал в сети белокурой наследницы».

Духи от Элисон — полный провал

(Онлайн, 8 января 2002 г.)

Элисон Харрисон задержана за вождение в нетрезвом состоянии
(«Рейтер», 12 января 2002 г.)

«Начинающая, но уже известная в узком кругу богатых людей Элисон Харрисон задержана в Лос-Анджелесе ночью с субботы на воскресенье за вождение в нетрезвом состоянии, сообщил источник в полиции. Ее арестовали в 2 часа 15 минут в Беверли-Хиллз мотоциклисты дорожной полиции, которые заметили, как машина молодой женщины выписывала опасные зигзаги по шоссе. Полицейские без особого труда обнаружили на сиденье автомобиля основательно опустошенную бутылку текилы. Проверка на процентное содержание алкоголя в крови показала, что у мисс Харрисон, 22 лет, оно значительно превышало допустимые нормы. Теперь дело за прокуратурой, которая решит, когда Элисон должна предстать перед судом».

Элисон наказана!
(«Рейтер», 24 февраля 2002 г.)

«Сегодня Элисон Харрисон была оштрафована на тысячу долларов и на шесть месяцев лишена водительских прав за управление автомобилем в нетрезвом состоянии 12 января текущего года. Санкции наложены в связи с положительным результатом теста на алкоголь».

10

В самолете

Перед лицом испытания у человека только три пути:

- 1) бороться*
- 2) ничего не делать*
- 3) бежать*

Анри Лабори^[42]

Сегодня

25 марта 2007 года — 10 часов утра

Международный аэропорт Лос-Анджелеса

«Дамы и господа, капитан Мак-Карти и его экипаж приветствуют вас на борту Аэробуса А380, выполняющего рейс по маршруту Лос-Анджелес — Нью-Йорк — Лондон. Просим вас занять свои места, самолет готовится к взлету. Авиакомпания „Шангри-Ла“ желает вам приятного полета».

Поднимаясь на борт самолета, Марк не мог не изумиться его гигантским размерам. Аэробус с палубами, расположенными в два этажа, вмещал более пятисот пассажиров. Доступ в салоны осуществлялся по двум трапам, каждый из которых доставлял людей на свой уровень во избежание скопления людей. Марк взял Лейлу на руки и крепко прижал ее к себе. Ему понадобилось целых десять минут, чтобы найти свое место, так огромен был самолет. После некоторой задержки с поставкой лайнера для сингапурской авиакомпании «Шангри-Ла» все же стала первой, поднявшей в небо этот тяжелый самолет. И она уж не пожалела средств на роскошную отделку салонов! С большими иллюминаторами и широкими проходами между креслами в этом самолете даже экономический класс был светлым и комфортабельным. Места Марка и его дочери находились рядом, в задней части нижней палубы. Когда они добрались до своего ряда, то увидели, что на сиденье, прислонившись к иллюминатору, спит девушка лет пятнадцати с грязными и спутанными волосами. На ее коленях лежал потрепанный рюкзачок с этикеткой: «Эви Харпер».

Лейла уселась на сиденье между отцом и Эви. На ней была розового

цвета майка с надписью «Алиса в стране чудес», которую Марк только что купил в дьюти-фри. *Follow the white rabbit...*^[43] призывала надпись под картинкой с вечно спешащим кроликом, затянутым в сюртук и держащим на руке огромные карманные часы.

— Все в порядке? — спросил Марк, просто так.

Маленькая девочка посмотрела на него с нежностью. Марк почувствовал, как сжалось его сердце, но сумел скрыть волнение. Он открыл свой рюкзак с ярлычком книжного магазина и достал набор для рисования, коробку фломастеров и две книги: альбом для малышей и первый том Гарри Поттера.

— Я взял обе, потому что не знаю даже, умеешь ли ты читать, — признался Марк, раскладывая покупки на столике. — Пять лет назад я читал тебе эти истории перед сном, ты помнишь?

Он глотнул минеральной воды из бутылочки, стоящей перед ним, и продолжил свой монолог доверительным тоном:

— Ты знаешь, дорогая, я совершенно не представляю, что с тобой произошло. Я не знаю, кто был с тобой все это время. У меня возникали мысли о том, что ты страдала и боялась, что ты очень сильно боялась. Я знаю, что ты, должно быть, чувствовала себя одинокой, потерянной, и ты наверняка подумала, что мы тебя бросили, мама и я. Но это неправда. Мы каждую секунду думали о тебе и отдали бы все на свете, чтобы найти тебя.

Девочка слушала внимательно, открыв рот. Она сосредоточенно вглядывалась в отца.

— Я не знаю, помнишь ли ты, чем я занимаюсь, ангел мой. Если бы ты меня спросила, что я делаю, я бы тебе ответил, что я доктор, и доктор не совсем обычный, а тот, который лечит душевные раны. Это трудно объяснить... люди приходят ко мне, когда у них болит внутри. Они страдают, потому что на их долю выпадают испытания, ранившие их сердце. Оно болит, а это вылечить трудно.

Казалось, доктор подыскивал слова, прежде чем продолжить:

— Часто эти люди чувствуют себя в чем-либо виноватыми, даже если они ничего такого не сделали. Моя работа — убедить их в том, что можно начать жить сначала и не страдать. Все раны заживают со временем. Я глубоко в этом уверен. Можно сделать так, что эти болезненные удары судьбы сделают человека сильным. Здесь нет никакого волшебства. Просто нужно подождать. Часто это не совсем проходит. Боль никогда полностью не исчезает. Она затаивается внутри нас, но мы все-таки уже способны вернуться к жизни и продолжить наш путь. Я знаю, что это нелегко понять, но ты умная девочка...

Марк опять остановился, вздохнул и продолжил.:

— Я рассказываю тебе все это, чтобы ты поняла: я сделаю все, я защищу тебя, я буду с тобой! Но ты должна позволить мне помочь тебе, дорогая. Ты только скажи мне, когда ты будешь готова рассказать, что с тобою было. Я все могу понять, ты знаешь. И не потому, что я врач, а потому, что я — твой папа. Ты понимаешь?

Вместо ответа Лейла слабо улыбнулась.

Потом она стала рассматривать книги и отдала предпочтение Гарри Поттеру.

Марк внимательно следил за ней, но она действительно читала.

«Она умеет читать, — подумал он. — Кто-то научил ее читать».

Но кто?

В то время как Лейла совершенно сознательно переворачивала страницы романа, Марк изо всех сил старался скрыть волнение. Множество вопросов будоражили его сознание. Кто похитил его дочь? Почему ее отпустили через пять лет? Почему она не прерывает это ужасное молчание? Как объяснить тот странный эпизод с детектором безопасности? Действительно ли под кожу Лейлы что-то поместили? Несомненно, но что? Чип, возможно?.. Чтобы отслеживать ее? Чтобы идти за ней по пятам? Но зачем? А Николь... Почему исчезла и она, будто ей было в чем себя упрекать? Да еще этот журналист, знающий о похищении Лейлы, несмотря на то что ФБР не предавало эти сведения огласке...

Почему он его предостерег: «Вы не знаете правды! Ни о вашей жене, ни о вашей дочери!»

Вы не знаете правды...

* * *

В этот самый момент в передней части верхней палубы вдруг внезапно засуетились стюарды и стюардессы. Это появилась Элисон Харрисон — в салоне первого класса, уютном пространстве с 60 суперсовременными электронно-управляемыми креслами, — и все взоры устремились на нее.

Элегантная и любезная стюардесса проводила Элисон до места:

— Добро пожаловать на борт самолета компании «Шангри-Ла», мисс. Весь наш экипаж в вашем распоряжении и желает вам приятного путешествия.

Со сползшими на нос солнечными очками Элисон рухнула в кресло. Отныне в публичных местах ей было не по себе. Она больше не

чувствовала себя в безопасности. Везде десятки глаз были устремлены на нее, и всегда какой-нибудь папарацци-любитель был готов выхватить свой мобильный телефон в надежде сделать снимок и продать его одному из сайтов-сплетников, любящих позубоскалить.

Плохо то, что она уже нигде не чувствовала себя в безопасности. В течение нескольких последних лет ее существование превратилось в череду бесконечных метаний и излишеств, которые день за днем все больше и больше разрушали ее. И миллиард долларов, который она унаследовала, ничего не мог изменить.

Самые ценные вещи в жизни — те, что цены не имеют.

Элисон понадобилось много времени, чтобы понять это.

Слишком много.

* * *

Огромный дальнемагистральный лайнер подъехал к началу взлетной полосы, остановился — обозначил паузу, прежде чем устремиться в небо.

— Самолет взлетит через одну минуту, — предупредил командир.

Аппарат весом 560 тонн, с двумя палубами, расположенными в два этажа, походил скорее на летающий корабль, нежели на обыкновенный пассажирский самолет.

«Как такая штуковина сможет подняться в воздух?» — спросила себя Эви, глядя в иллюминатор. Она летела на самолете во второй раз в жизни и уже ненавидела все это...

Пилот запустил двигатели, и четырехмоторная машина понеслась вдоль полосы.

Эви принялась грызть ногти.

— Ну, давай, давай, взлетай уже... — бормотала она про себя.

Девушка с тревогой посмотрела вокруг, но никого, казалось, не беспокоило, что самолету нужно время для взлета.

По правде говоря, было бы слишком глупо погибнуть прямо сейчас, не успев отомстить.

* * *

А самолет все катился, катился и катился...

С верхней палубы открывался потрясающий вид на взлетную полосу.

На высоте более 12 метров пассажиры возвышались над огромным крылом и, казалось, парили над взлетным пространством.

«Что-то здесь не так, — поняла Элисон. — Этот чертов самолет уже должен быть в небе».

Ее как раз перспектива несчастного случая не пугала. В конце концов, смерть могла бы разрешить все ее проблемы — и конец страданиям. Она избавится от стыда, чувства вины и страха, которые беспрестанно разъедали ее изнутри. Конец всему...

Уже несколько раз она пыталась с этим покончить, но всегда что-то мешало осуществлению ее замысла: недостаточная дозировка снотворного; неглубоко порезанные вены или слишком быстро спешащая на помощь «Скорая»...

Пока ей не удалось достичь цели.

Пока.

* * *

Марк с беспокойством ощущал, как вибрирует полоса под двадцатью колесами основного шасси. Вспоминал ли он случаи, когда самолет невероятно долго катился по взлетной, не отрываясь от земли?

В кармашке перед ним лежала брошюра по техническому описанию аппарата, с гордостью напоминавшая, что мощность турбореактивных самолетов равна мощности шести тысяч автомобилей.

— Если ты такой мощный, что же ты тогда не взлетаешь?

Беспокойный взгляд Марка встретился с глазами девушки, сидящей у иллюминатора, в конце их ряда. Было видно, что она тоже нервничает. И только Лейлу, сидящую между ними и погруженную в чтение, казалось, не занимало происходящее вокруг.

— Взлетай! Ну, взлетай же, наконец!

* * *

Остановившись в конце полосы, гигант воздушных пространств, казалось, одно мгновение пребывал в нерешительности, прежде чем оторвать свои пятьсот шестьдесят тонн от земли. «Уф!» — с облегчением выдохнули пассажиры.

В гробовой тишине аппарат менее чем за шесть минут преодолел первый подъем в 15 тысяч футов.^[44]

Марк вертелся на сиденье словно в лихорадке. Руки дрожали, на лбу выступили капли пота, по спине текло. Ужасная мигрень сковала голову, ему казалось, что мозг полностью опустошен.

Марк знал причину этого недомогания — алкогольная зависимость. Ни капли спиртного в течение 36 часов — и это начало давить на него. Вчера вечером, да и сегодня утром у него возникало непреодолимое желание опустошить минибар в номере отеля. Но он так радовался, видя рядом дочь, что сумел остановиться. Улица превратила его в алкоголика. Он был уверен, что сможет сам выбраться из этого ада, но... со временем. За годы врачебной практики ему приходилось наблюдать алкоголиков в период воздержания, и он знал, чего можно ожидать, если он прекратит пить: нарушение координации, бред, судороги, зрительные и слуховые галлюцинации.

Лейла рядом с ним оторвалась от книги и осторожно посмотрела на него. Делая вид, что на самом деле все в порядке, Марк старательно подмигнул ей и ободряюще улыбнулся. Но что-то подсказывало ему, что дочь не обманывалась насчет состояния его здоровья.

— Вы хорошо себя чувствуете, сэр?

Об этом его спросила девушка, сидящая около иллюминатора. Марк внимательно посмотрел на нее: еще не женщина, но уже не ребенок, грязные обесцвеченные волосы, несовременная, с хорошими манерами, и в то же время обиженная: в глазах усталость, говорящая о жизненном опыте, полном испытаний, несмотря на юный возраст.

— Нормально, — заверил он ее. — Как тебя зовут?

Она подумала, прежде чем ответить. Всегда эта подозрительность, вьевшаяся в ее плоть!.. Но что-то в этом человеке внушало ей доверие. Его теплый взгляд напомнил ей доктора, которого она встретила три месяца назад накануне Рождества и которого не смогла забыть. Она почувствовала, что была как-то странно близка ему, но постаралась не показать ему этого за то короткое время, что они были вместе. Но часто в моменты сомнений и одиночества она удивлялась тому, что думала о нем. Страх становился слабее, и смутная надежда на более спокойную жизнь проносилась в ее сознании...

— Меня зовут Эви, — ответила она.

— Я Марк Хэтэуэй, а это моя дочь Лейла.

— Привет, Лейла, — сказала Эви, обращаясь к девочке.

— Она не... не разговаривает, — объяснил Марк.

Эви посмотрела на руки Марка:

— Это потому что вам необходимо принять алкоголь?

— Что?

— Вы пытаетесь бросить пить? Вы поэтому дрожите...

— Нет! — соврал доктор, внезапно почувствовав себя слегка задетым. — Почему ты так говоришь?

— Из-за моей матери, с ней было то же.

— Послушай, это не так просто, — начал было Марк.

Он остановился и только затем продолжил:

— А что стало с твоей матерью?

— Она умерла.

— О!.. Простите.

В этот момент сигнал «пристегните ремни» погас, указывая пассажирам, что они могут покидать свои места.

Эви предложила:

— Если вам надо выйти, я могу присмотреть за вашей дочерью.

— Спасибо, пройдет, — ответил Марк, вдруг почувствовав недоверие к ней.

— Я думаю, что, если вы прямо сейчас что-нибудь не выпьете, вам будет очень плохо.

Марк подошел к этому предложению рационально. Это правда, он чувствовал себя все хуже и хуже. Внезапно распрощавшись с жизнью бомжа, он с трудом возвращался к прежним ориентирам. А главное, прежде чем сесть в самолет, ему надо было как следует подумать о последствиях резкого отказа от алкоголя.

Он посмотрел на Лейлу. Можно ли ее оставить на несколько минут с этой Эви, которую он не знал? А как отреагирует дочь? С другой стороны, если он хочет помочь ей, ему необходимо выпить один-два стакана, чтобы вновь овладеть собой.

— Послушай, дорогая, папа вернется через пять минут. Ты посидишь здесь спокойно с этой девушкой, ладно?

Потом он повернулся к Эви:

— На верхней палубе, в центре, есть бар. Если у тебя возникнет хоть малейшая проблема с Лейлой, тотчас же беги за мной, поняла?

Эви кивнула головой в знак согласия.

Марк встал и направился сначала к туалету. С пересохшим горлом и пылающим лицом, он в одно и то же время был обезвожен и истекал потом...

Он вошел в маленькую кабину, всю из хрома, керамики и зеркал. Даже в этом интимном месте огромный иллюминатор предлагал взору панораму небес. Туалет был роскошен и безупречен, его портили только занимающие большую часть стены граффити-бомбы.^[45] Марк узнал их: три обезьяны, символы мудрости. Он имел возможность видеть их в буддийских храмах, когда был на семинаре в Японии. Первая обезьянка лапками закрывала глаза, вторая — уши, третья — рот. Под гравюрой стояла надпись — пояснение.

Ничего не вижу
Ничего не слышу
Ничего не говорю

Согласно поверью, с теми, кто придерживается этого предписания, никогда ничего дурного не случается.

Раздумывая над этим странным высказыванием, Марк снял часы, вымыл руки, освежил лицо водой, избегая смотреть на себя в зеркало, висящее над раковиной.

Он подставил руки под автоматическую сушилку и вышел. Уже за дверью он тут же вспомнил, что забыл на полочке часы. Вернувшись в туалет, он взял их, уже собрался выйти, как вдруг замер на месте.

Этого не может быть...

На стене рисунок с тремя обезьянками исчез, его сменила композиция в виде длинной ленты, от которой исходило нечто устрашающее и патологическое. Она состояла из нескольких символов, известных ему из курса психологии: песочные часы — серп — скелет. Иными словами, быстротечное растрчиваемое время, неотвратимая и внезапная смерть и пыль, в которую мы обратимся. Затем мостик, длинный и опасный, мост принятия решения, символизирующий трудность перехода — туда. А в конце — лестница: лестница избавления, универсальный символ вознесения души. А там, наверху, поджидает человек с головой волка — Анубис, проводник мертвых, которому положено сопровождать человека после смерти и вести его по лабиринтам потустороннего мира.

Над этой композицией было написано:

Нет ничего такого, чего можно бояться,

ведь все можно понять

Марк был потрясен. И все же — это не сон! Завороженный рисунками, он никак не мог сдвинуться с места. Все, что он видел, причиняло ему страдания...

Марк сделал над собой усилие, желая выйти, но едва он закрыл дверь, как что-то заставило его открыть ее еще раз — и он увидел новые граффити на месте предыдущих.

На этот раз пылающая птица распрямляла огромные крылья во всю ширину стены: сказочный Феникс, всегда возрождающийся из пепла.

Над нею пылала фраза:

Человек может быть уничтожен,
но не побежден

Марка охватила безумная тревога:

«Это конец, у меня бред!»

Галлюцинации, которых он опасался из-за пристрастия к спиртному, материализовались мучительным образом. Все тело горело, он не мог унять дрожь в руках, частота пульса зашкаливала.

Ему нужно было выпить что-нибудь, принять транквилизаторы и витамины. Но ничего этого у него не было. Все, что оставалось, — это сила воли. Он закрыл глаза и сосредоточился на борьбе с самим собой, стремясь вновь обрести немного успокоения.

«Все, что ты видишь, — неправда. Все это происходит в голове. Нет никаких граффити. Эти образы смерти и воскрешения — твои тревоги и страхи: последствия двухлетней жизни на улице. Ты не должен беспокоиться. Лейла с тобой, и скоро ты вновь увидишь Николь. У тебя получится воссоздать семью, и все будет как прежде».

Когда он открыл глаза, от граффити не осталось и следа. Стена вновь стала чистой.

А по другую сторону двери какой-то тип в нетерпении орал:

— Ну и что: вы наконец выходите или нет?

Немного приободренный этой маленькой победой над самим собой, Марк поспешно покинул туалет, обещая себе, что ноги его здесь не будут за все время путешествия!

* * *

Серьезно восприняв роль «старшей сестры», Эви глаз не спускала с Лейлы. Продолжая молчать, девочка фломастером чиркала в блокноте, изображая какие-то абстрактные формы, как это делают совсем маленькие дети. Эви сочувственно смотрела на нее, взволнованная и в то же время очарованная ее молчанием.

Прошло десять минут с тех пор, как Марк ушел. Лейла подняла глаза от своего рисунка.

Она открыла рот, и произошло чудо.

— Скажи, а отчего умерла твоя мама? — спросила Лейла у девушки.

11

Эви

Воспоминание первое

Лас-Вегас. Невада

Начало вечера. Октябрь

Два года назад

Пустырь, покрытый сорняками и мусором, в одном из пригородов Лас-Вегаса, расположенный вдали от роскошной и залитой неоновым светом Стрип.^[46]

На пустыре стоят около сорока автофургонов, большая часть — очень ветхие: стекла в них разбиты, перегородки провалились, крыши просели. Это последнее пристанище разношерстной публики, живущей здесь, дальше — только улица. Здесь поселились рабочие со скромными доходами, неудачники, проигравшие все в покер и рулетку, думавшие, что они здесь на несколько дней, «только на время, пока все не уладится», но никогда так и не выплывшие из игорного омута.

В центре пустыря — фургон, с виду — более ухоженный, с навесом из гофрированного железа, окруженный недостроенным забором, придающим ему иллюзию жилища. Под навесом — стол из пластика, на нем — впечатляющих размеров кипа книг, старый радиоприемник, настроенный на местную волну, и маленький аквариум, где крутится и крутится худенькая рыбка.

Эви тринадцать. Она сидит за столом, грызет в раздумье ручку, и вот — сразу одним росчерком заканчивает последний пункт задания по чтению, которое нужно сдать учителю завтра.

Внезапно из соседнего фургончика раздается голос, зовущий ее:

— *Date prisa, Evie? Vamos a llegar tarde al trabajo.*^[47]

— *Ya voy Carmina, dame dos minutos.*^[48]

Юное создание мечется по фургончику с зубной щеткой во рту, бросается перечитывать свою работу, исправляя найденные там и сям ошибки.

— *Ну, давай, пошевеливайся!*

Мигель, руководитель бригады уборщиков отеля «Оазис», строг. Эви

пришлось умолять его, чтобы он взял ее на несколько ночей в неделю, так как по возрасту ей еще не полагалось работать. Неблагодарный труд — пять долларов в час, оплата черным налом.

Девушка хватает валявшуюся на столе открытую бутылку, полощет рот адской смесью из кока-колы лайт и зубной пасты и выплевывает все в цветочный ящик, стоящий на улице. Затем складывает школьные принадлежности в рюкзачок и возвращается в фургончик, чтобы попрощаться с матерью:

— Мама, я пошла.

Тереза Харпер лежит на нижнем уровне двухэтажной кровати.

Ей тридцать четыре года, но кажется, что больше лет на двадцать. У нее хронический гепатит, мучающий ее долгие годы, который перешел сначала в цирроз, а затем в рак. Несколько месяцев назад в результате операции она потеряла три четверти печени, изъеденной опухолью. Она все больше и больше страдает от побочных явлений после лечебных процедур: высокая температура, рвота, повышенная утомляемость, разбитость...

Тереза хватается за дочь за руку:

— Будь осторожна, дорогая.

Вот уже год, как Тереза не работает, они обе живут на деньги, которые зарабатывает девочка, и на смехотворную социальную помощь.

— Не беспокойся, — отвечает Эви, уходя.

Эви тихо закрывает дверь фургона и бежит к соседке Кармине, которая работает с нею в одной бригаде по уборке отеля «Оазис».

* * *

Эви садится в машину Кармины, старый «Понтиак» с продавленными сиденьями, выхлопная труба которого плюется черным дымом. Кармина — мексиканка, грузная и суровая. У нее трое детей и ни на что не годный муж, который большую часть времени сидит без работы. Так как Кармина не любит говорить попусту, она не открывает рот в течение всего пути, но это Эви не смущает. Она зажмуривает глаза и с тревогой думает о том, что узнала несколько дней назад: владелец участка, на котором стоит их фургон, решил продать землю подрядчику, а тот собирается построить там парк аттракционов. Она ничего не сказала матери, чтобы не тревожить ее. Но Эви спрашивала себя, что с ними станет, если их выгонят отсюда. Эти три года, несмотря на болезнь Терезы и неустроенность их быта, они жили спокойно, обретая после тяжелейшего периода жизни нечто вроде

передышки.

Алкоголь, наркотики, проституция... Тереза прошла по 1990-м годам как по темному коридору. Она делила свои принадлежности наркоманки — шприцы, вату, соломинку для нюхания — с другими несчастными. И так, между делом, подхватила этот гнусный гепатит...

В то время Терезу преследовали социальные службы, решившие забрать у нее дочь, чтобы поместить в приемную семью. Эви, чтобы остаться с матерью, проявила себя удивительным образом. Девочка сумела самостоятельно и по-взрослому организовать их жизнь. Сколько Эви помнила себя, именно она всегда была взрослой в их семье. Ей, и только ей, Тереза в минуты просветления вручала часть заработка, боясь растратить его на героин. Эви делала покупки, платила по счетам, решала проблемы с соседями. Именно она в конце концов смогла вытащить мать из преисподней наркотиков.

Так Эви стала матерью своей матери.

* * *

— Подъезжаем, — предупредила Кармина, встряхивая Эви. — Возьми свои вещи.

Эви открывает глаза и хватается с заднего сиденья свой рюкзак.

Машина направляется на бульвар Лас-Вегас. Сейчас глубокая ночь.

В обилии неоновых огней сверкающие фасады отелей состязаются друг с другом в грандиозности. Огромный силуэт «Оазиса», освещенный морем огней, затягивает допотопный «Понтиак» — на подземную стоянку, отведенную для служащих.

«Оазис» — это три тысячи комнат, четыре бассейна, торговый пассаж — поистине фараоновский размах! Здесь все чрезмерно: сад из тысячи пальм, который пересекает речка; мелкопесчаный пляж; зоопарк, где резвятся львы и белые тигры; ледовое царство, где томятся ожиревшие пингвины; а в аквариуме на сто тысяч литров можно даже содержать дельфинов.

В комнатах — мрамор от пола до потолка, художественное оформление и внутреннее устройство по фэн-шуй, а плазменные экраны — даже в туалетах.

Для безупречного функционирования этой машины требуются тысячи «невидимок»: горничные, мойщики окон и полов, всякого рода обслуживающий персонал.

Эви — одна из этих «невидимок». Каждый раз у нее разные задания. Сегодня она с бригадой Кармины моет служебные лестницы. Тяжелейший труд: тридцать этажей, согнувшись, с неразлучной щеткой в руке. И так в течение долгих часов...

* * *

Два часа ночи

Эви делает десятиминутную паузу на крыше отеля. Там, почти на стометровой высоте, девочка возвышается над Лас-Вегасом и рекой его огней, текущей вдоль Стрип. Она родилась в этом городе и ненавидит его. Ненавидит и всю эту свору туристов, приезжающих сюда заключать жалкое подобие брака или позвенеть долларами в казино. Она никогда не понимала, что хорошего находят люди в этом гигантском парке аттракционов, где все дешевка, стекляшка и подделка.

В Лас-Вегасе шагу не сделаешь, чтобы не наткнуться на игровой автомат. Они повсюду — на автозаправках, в супермаркетах, ресторанах, барах и прачечных. Но зато найти место, где можно купить книги, сложно.

А Эви больше всего на свете любит книги, особенно романы и стихи. Литература стала для нее открытием — благодаря одному школьному учителю. И с тех пор чтение — ее тайный сад, ее калитка в другую жизнь, ее неожиданно открывшаяся возможность убежать от обыденности, в которую Эви засосала жизнь.

В одной из многочисленных лавчонок города, где под залог выдают кредиты, она нашла комплект подержанных романов со скидкой — всего за два доллара: «Сто лет одиночества», «Шум и ярость», «Преступление и наказание», «О мышах и людях», «Над пропастью во ржи», «Грозовой перевал», «Костер тщеславия».

Гарсиа Маркес, Фолкнер, Достоевский, Стейнбек, Сэлинджер, Бронте, Вульф — все по цене пакета чипсов...

* * *

Четыре часа утра

Тереть, тереть и тереть...

Эви кажется, что одежда пахнет гниющим болотом. У нее болит спина, она спит на ходу, и, чтобы не упасть, думает о будущем... и о матери. Тереза занесена в список ожидания на пересадку донорской печени. Но органов мало, и Эви боится только одного — что ее мать не доживет до операции.

«Нужно, чтобы она протянула, — беспокоится она, — чтобы протянула еще несколько месяцев».

В то же время она чувствует себя виноватой — ведь она с надеждой ждет смерти того, кто отдаст свой орган.

Шесть часов утра

Эви получает наличными у бригадира и покидает «Оазис». Там, внизу, на бульваре, обслуживают первых утренних клиентов. Ей нравится садиться в глубине зала, немного в сторонке, за одним из столиков с видом на улицу. В ее распоряжении один час, а потом она сядет в автобус, который отвезет ее в школу. Целый час — по-настоящему ее, единственный кусочек времени за весь день, когда она может позволить себе делать то, что она действительно любит: читать и писать.

Этим утром она заказывает горячий шоколад и достает из рюкзака книгу в переплете, которая ее завораживает. Она подобрала ее прошлой ночью на ночном столике в одном из апартаментов отеля. Несомненно, ее забыл клиент. Это не роман и не сборник стихов, а исследование, написанное одним психоневропатологом из Нью-Йорка.

Неким Коннором Мак-Коем.

Его книга называется «Выжить».

И она как будто написана для нее.

Он рассказывает как раз о том, что пережила она сама, о необходимости закалять себя, чтобы не терять мужества перед лицом наихудшего, о той защитной твердой оболочке, которую она терпеливо создавала год за годом и которая теперь помогает ей выжить. Но между строк Эви прочитала также и предостережение — одну вещь, которую она почувствовала интуитивно, хотя и не могла ясно сформулировать для себя: слишком твердым становиться нельзя, иначе перестанешь чувствовать. Если сердце становится куском льда, тогда ты становишься живым мертвецом и жизнь навсегда теряет свою прелесть.

Вот почему она старается возделывать свой внутренний сад, свое прибежище надежды и избавления от страданий. Она тайно хранит его глубоко внутри. Эви прекрасно знает, что она никогда не будет учиться.

Университет — не для дочери наркоманки, которая живет в автофургоне и вынуждена работать по ночам, для того чтобы было что поесть.

Эви глотает горячий шоколад и торопливо пишет в блокноте на пружинке.

Часто она чувствует себя одинокой.

Такой одинокой...

Ей хотелось бы поделиться своими мыслями с кем-нибудь, кто смог бы понять ее.

Но так как у нее никого нет, она поверяет свои сомнения и секреты дневнику. В конце, на последней странице, она составила список. Это десять ее тайных желаний, осуществления которых она бы очень хотела. Она хорошо знает: мало надежды на то, что они когда-нибудь станут реальностью, но нужно и пометчать иногда, иначе...

№ 1: чтобы моя мама получила новую печень и выздоровела.

№ 2: чтобы мы нашли новое жилье, и не слишком дорогое.

№ 3: чтобы моя мама никогда больше не притрагивалась ни к наркотикам, ни к алкоголю.

№ 4: чтобы мне никогда в жизни не захотелось попробовать наркотики или алкоголь.

№ 5: чтобы мы на несколько дней на каникулы уехали из Лас-Вегаса.

№ 6: чтобы я поехала учиться в Нью-Йорк.

№ 7: чтобы я узнала однажды, кто мой отец.

№ 8: чтобы я всегда осознавала, что в жизни есть и хорошее.

№ 9: чтобы я однажды встретила кого-нибудь, кто меня понимает.

С десятым пунктом оказалось сложнее. Она что-то написала, потом застыдилась и тотчас зачеркнула.

Но, если хорошо поразмыслить, почему бы и нет:

№ 10: пусть однажды кто-нибудь влюбится в меня.

*Все мы родом из детства, это не мы говорим
слова, это слова нами говорят.*

Витольд Гомбрович

Сегодня

В самолете

11 часов 45 минут

A380 продолжает свой полет по расписанию, рассекая облака, висящие в небе над Скалистыми горами.

Марк ступил на огромную лестницу, соединяющую два этажа. Он дошел до середины верхней палубы, где находилась «Флоридита», уютный бар — гордость авиакомпании. Успокаивающая музыка, замысловатое освещение, глубокие кожаные кресла, обитые кожей диванчики — все способствовало созданию тихой и особой атмосферы. В этом роскошно оборудованном уголке легко забыть, что находишься в самолете.

Марк устроился на одном из высоких табуретов, расположенных по периметру бара полукругом. За стойкой усатый негр щеголял своей прической в стиле афро а ля Джексон, делающей его вылитым Исааком, барменом из «Веселого морского путешествия».^[49]

— Двойной виски, льда не надо, — заказал Марк.

Ему стало лучше. При одной только мысли, что он скоро сможет выпить спиртного, ему стало лучше.

Как только Исаак поставил перед ним напиток, Марк позволил себе роскошь оттянуть время, прежде чем сделать первый глоток.

Он огляделся. Пассажиров в баре становилось все больше и больше. Рядом с ним села молодая женщина несколько вызывающего вида. В ожидании официанта Элисон покачивала головой в такт музыке, представлявшей собой нечто среднее между электро^[50] и босса-новой.^[51]

— Что вам принести, мисс? — спросил бармен.

— Дайкири, пожалуйста. Без сахара с соком грейпфрута, чуть-чуть.

Элисон взглянула на Марка и встретила с ним взглядом.

— Это называется «Специальный от Хемингуэя», — уточнил доктор.

— Что?

— Коктейль, который вы только что заказали, горький дайкири, его придумал Эрнест Хемингуэй.

Поскольку Элисон не реагировала, он посчитал нужным уточнить:

— Хемингуэй, писатель.

— Я знаю, кто такой Хемингуэй, спасибо!

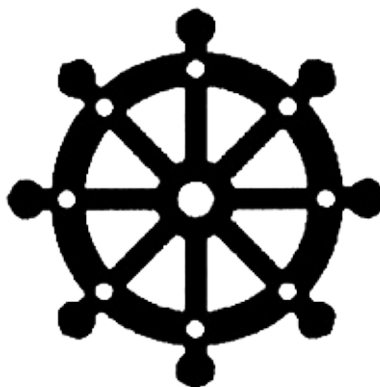
— Простите, — сказал Марк. — Я не хотел обижать вас.

— *Нет, это я, я как раз...*

Под влиянием плохо поддающегося контролю волнения Элисон прервала свои объяснения и отвернулась.

Заинтригованный, Марк посмотрел на нее более внимательно: волосы цвета *суицидной блондинки*, стройный силуэт, походка проститутки по вызову...

Когда она наклонилась, чтобы взять свою сумку, он заметил у нее в ложбинке на спине деталь татуировки и узнал буддистский символ — колесо закона.

— С вами все в порядке, мисс? — поинтересовался он.

— Нормально, — заверила его Элисон. — Это из-за того, что вы упомянули Хемингуэя, он был любимым писателем моего отца.

Она посмотрела Марку прямо в глаза, и вдруг ей стало хорошо. От этого человека исходил какой-то странный магнетизм, сотканный из тепла и человечности. Она прониклась к нему доверием и продолжила:

— Мой отец умер несколько дней назад, — заговорила она. — Он покончил жизнь самоубийством.

— Мне очень жаль.

— Выстрелил из охотничьего ружья, как...

— ...как Хемингуэй, — закончил Марк.

Элисон молча кивнула головой.

— Меня зовут Марк Хэтэуэй.

— Элисон Харрисон.

Поколебавшись более минуты, Марк наконец осмелился задать вопрос, который мучил его:

— Почему половина пассажиров этого самолета смотрит на вас, Элисон?

Молодая женщина ответила, смутившись:

— За последние годы многие видели меня в газетах. В конце концов, газеты читают многие...

— Да?

— Держу пари, что вы уже натолкнулись на мою фотографию в прессе. Иначе вы, наверное, были бы единственным, кто...

— Я не открывал газеты в течение пяти лет, — сказал врач.

— Правда?

— Да.

Элисон посмотрела на него с любопытством.

Марк в свою очередь взглянул на нее и почувствовал, что этой молодой женщине необходимо кому-то поведать о себе.

— Пожалуйста, Элисон, расскажите, что произошло за эти пять лет.

13

Элисон

Воспоминание второе

Пять лет назад

Элисон Харрисон задержана в Дубае. У нее нашли наркотики
(«Ассошиэйтед Пресс», 11 сентября 2002 г.)

«Знаменитую наследницу задержали в аэропорту. В Дубай она приехала на несколько дней отдохнуть. Суд над мисс Харрисон состоится на следующей неделе. Она признала наличие у нее кокаина, предназначенного для личного пользования, и заверила, что не употребляла наркотиков на территории Объединенных Арабских Эмиратов.

Уже не в первый раз скандальная наследница привлекает внимание прессы по этому поводу. До сего времени каждая ее очередная выходка улаживалась вмешательством ее отца либо внесением платежа в несколько тысяч долларов. Но данное дело рассматривается не на американской территории и может не привести к обычной благополучной развязке. Напомним, Дубай — крупный деловой центр и бурно развивающийся туристический регион — имеет одно из самых суровых в мире законодательств относительно наркотиков».

За два грамма кокаина — три года тюрьмы в Дубае для Элисон Харрисон

(«Ассошиэйтед Пресс», 18 сентября 2002 г.)

«Дочь бизнесмена Ричарда Харрисона сегодня утром приговорена к трем годам тюрьмы. Суд признал ее виновной в том, что она ввезла и имела при себе кокаин на территории Объединенных Арабских Эмиратов».

Блумберг ТВ

«...влиятельный предприниматель Ричард Харрисон, основатель сети супермаркетов „Грин Кросс“, сегодня утром вылетел в Дубай, где он должен будет...»

Срочно в номер: И все-таки Элисон Харрисон помиловали в Дубае!
(«Ассошиэйтед Пресс», 19 сентября 2002 г.)

«Неожиданный поворот в деле Элисон Харрисон. Всего лишь несколько часов назад она была приговорена к тяжелому тюремному наказанию, как вдруг уже помилована правительством Дубая.

Едва успели дочитать приговор, как белокурая наследница уже покинула Объединенные Арабские Эмираты на самолете, зафрахтованном ее отцом».

* * *

— Элисон, ты меня слышишь?

В самолете напротив дочери сидит Ричард Харрисон, человек среднего телосложения, близорукий. Он носит очки. На нем свитер с воротником «хомут», вельветовые брюки и грубые ботинки. С давних пор он привык скрываться под видом деревенского простака, но в деловых кругах это был опасный человек, и его боялись.

— Что не так, моя дорогая?

Молодая женщина, съездившись на сиденье и уткнувшись подбородком в согнутые ноги, передергивается при этих словах.

— Ты смеешь меня спрашивать, что не так, после того, что ты сделал?

— Я сделал это только ради тебя, — отвечает отец устало. — И поверь, мне это прекрасно удалось.

— Я должна была выбраться сама...

Он не ответил.

— Нельзя вернуться назад, — продолжает Ричард, — но ты должна взять себя в руки, я не смогу всегда быть с тобой, чтобы ограждать тебя от оплошностей.

— Наплевать. У меня будут твои деньги.

Она причинила ему боль, но Ричард не подал виду:

— Нужно прекратить эти твои наркотики и начать чем-нибудь заниматься, — увещевает ее Ричард, — какой-нибудь проект, который был бы тебе интересен. Ты можешь, наконец, возглавить фонд, созданный твоей матерью...

— Оставь маму там, где она есть.

— Я просто стараюсь тебе помочь.

— Ну, тогда оставь меня в покое.

Ричард стерпел и это, даже не дрогнув.

— Эта твоя агрессивность к себе самой и другим, твое желание ранить и быть злой, но я знаю, что ты не такая в глубине души, Элисон. Я знаю, что ты умная и чувствительная. Ты просто переживаешь трудный период. Если я причинил тебе боль, прости меня, но умоляю, не проваливайся глубже, иначе ты никогда не сможешь выкарабкаться оттуда.

Она промолчала.

* * *

Мое страдание и моя месть — против меня самого.

Альбер Коэн

Элисон лечится от наркомании

(Онлайн, 4 января 2003 г.)

«Наследница империи „Грин Кросс“ сегодня неожиданно легла в клинику Гулидж в Малибу, ^[52] чтобы покончить со своим пристрастием к наркотикам и алкоголю. „Мисс Харрисон решила принять радикальные меры ради благополучия своего и своей семьи“, — заявил ее адвокат Джефффри Векслер».

Элисон опять напилась!

(Онлайн, 14 августа 2003 г.)

«Элисон Харрисон отказали в посадке на самолет компании „Юнайтед Эрлайнз“ ввиду состояния глубокого опьянения.

В ожидании рейса на Лос-Анджелес в аэропорту Майами молодая женщина выпила в баре несколько коктейлей и вышла оттуда шатаясь.

Персонал авиакомпании не позволил ей подняться на борт самолета. „Мисс Харрисон не удержалась от оскорблений в наш адрес, — уточнил служащий „Юнайтед Эрлайнз“. — Она была действительно пьяна, в чем призналась сама“».

Ричард Харрисон передает три четверти своего состояния благотворительным организациям

(«Рейтер», 28 октября 2003 г.)

«Миллиардер Ричард Харрисон только что объявил о своем намерении передать десять миллиардов долларов нескольким благотворительным и гуманитарным фондам. Эта сумма, представляющая почти три четверти его состояния, будет распределена между несколькими организациями, среди которых называют Фонд Шания. Он был создан самим Харрисоном и его первой женой (скончалась в 1994 г.). Организацию в настоящее время возглавляет его вторая жена — Стефания Харрисон».

* * *

Февраль 2004 года

Спальня в пастельных тонах в новой наркологической клинике. В окне виднеются заснеженные горы Монтаны. Элисон собирает чемодан. Ричард открывает дверь и грустно смотрит на нее.

— Я только что поговорил с директором. Он больше не хочет видеть тебя здесь. Он считает, что ты подвергаешь опасности других пациентов.

— Бред! Единственный человек, кого я подвергаю опасности, это я сама.

Ричард неумело помогает ей сложить свитер, но дочь грубо вырывает его. Не реагируя, бизнесмен берет свою старую кожаную сумку, достает из нее брошюру, закатанную в пластик, и билет на самолет.

— Послушай, я узнал о новом заведении, в Швейцарии, это не совсем клиника, а скорее место, где ты могла бы отдохнуть...

— Я сыта по горло всеми этими заведениями, папа.

— Тогда возвращайся домой.

Не затрудняя себя ответом, Элисон проходит в ванную и включает фен.

Ричард настаивает, повышает голос, чтобы перекрыть шум сушки для волос:

— Послушай, Элисон...

Он отключает фен, чтобы привлечь внимание дочери.

— Есть новый врач, и я хотел бы, чтобы ты пошла к нему на консультацию в Нью-Йорке. Это доктор Мак-Кой, психолог, работает по своей программе. Проводит эксперименты по инновационным методам, я думаю, он сможет помочь тебе.

— Вот что, папа: я вернусь одна, на такси.

— Но, по крайней мере, прочти хотя бы его книгу, — предлагает он, протягивая ей работу по нейропсихиатрии.

Так как Элисон не отвечает, Ричард кладет книгу в чемодан дочери — «Выжить» Коннора Мак-Коя.

Туда же — визитную карточку с адресом врача. Затем берет свою сумку и собирается покинуть комнату. Прежде чем выйти, он в последний раз оборачивается к Элисон:

— Я хотел сказать тебе еще вот что, пусть ты будешь в курсе до того, как об этом сообщат в прессе.

Внезапно забеспокоившись, Элисон вышла из ванной. Она инстинктивно почувствовала, что это что-то очень важное...

— Что?

— Я скоро умру.

* * *

Ричард Харрисон страдает болезнью Альцгеймера

(Си-эн-эн, 15 марта 2004 г.)

«Бизнесмен Ричард Харрисон, 71 год, страдает болезнью Альцгеймера, — сообщил его официальный представитель, адвокат Джеффри Векслер.

„У Ричарда действительно это заболевание, — подтвердил мэтр Векслер. — Первые признаки появились два года назад, но мистер Харрисон продолжает очень активную деятельность. Несмотря на некоторую рассеянность, он полностью осознает, что с ним происходит, и по-прежнему просыпается рано утром, чтобы пойти на работу“.

Напомним, что болезнь Альцгеймера — дегенеративное заболевание мозга, на данный момент считается неизлечимой. В связи с отсутствием результатов в области исследования, через сорок лет 15 миллионов американцев могут быть поражены этим недугом. Сегодня число заболевших равно 4,5 миллиона».

* * *

2005 год

Осенняя ночь в Лас-Вегасе.

Рассел Малоун, менеджер отеля «Оазис», торопливо пересекает огромный холл из стекла и мрамора и направляется к лифту вестибюля. Он в плохом настроении. Рассел врывается в прозрачную кабину, которая устремляется вверх по вертикали, пролетая над огромным центральным атриумом,^[53] где мания величия и буйство роскоши воссоздали в натуральную величину некоторые самые знаменитые памятники Рима: фонтан Треви, Арку Титуса и даже фрагмент Колизея. Лифт доставляет Рассела на тридцать первый этаж, туда, где располагаются самые роскошные номера. Он останавливается на мгновение перед апартаментами Элисон Харрисон. Многие раздраженные клиенты позвонили в администрацию, жалуясь на невероятный шум в номере молодой наследницы. Действительно, даже в коридоре слышно, как гремит музыка. Рассел узнает голос Курта Кобейна^[54] и песню Дэвида Боуи^[55] «Человек, который продал мир»,^[56] исполненную группой «Нирвана» на легендарном концерте телешоу «Анпладжд» на музыкальном канале.^[57] На долю секунды у него промелькнуло воспоминание о годах, проведенных в университете, и Джоане, его давнишней маленькой подружке, подарившей ему этот диск. Тогда он был еще счастлив и беззаботен. Но возврат к прошлому всегда так быстротечен. Вот уже работа и обязанности возвращают его к реальности.

— Мисс Харрисон? — кричит он, барабанив в дверь. — У вас все в порядке?

Только что он несколько раз пытался связаться с ней по телефону, но она не сняла трубку. Не получив ответа, он решает воспользоваться своим правом и проникает в номер.

— Мисс Харрисон?

Рассел пробегает по всем комнатам, прежде чем осмеливается толкнуть дверь ванной. Комната заполнена водяным туманом. С некоторой опаской он сдвигает занавеску, и у него вырывается проклятье.

В ванной — трепещущее тело Элисон Харрисон, запястья и лодыжки глубоко изрезаны.

В номере на ночном столике — книга, которую она не успела открыть. «Выжить» Коннора Мак-Коя.

Июнь 2006 года

«Наутилус» — отель класса люкс — расположен в открытом море. Его здание уходит вниз на пятнадцатиметровую глубину. Это одно из новомодных мест времяпрепровождения кучки избранных. Туда приезжают нувориши и очень богатые звезды и псевдозвезды шоу-бизнеса и моды. Этот «отель под водой» прославился своими прозрачными нижними этажами, позволяющими восхищаться морскими глубинами, но, разумеется, только тем, кто не страдает клаустрофобией.

Номер 33 погружен в глубокую темноту ночи. Двое пьяных мужчин покидают комнату, отпуская непристойности в адрес спящей на кровати молодой женщины.

Спустя несколько часов Элисон просыпается. У нее болит голова. Чувствуя, что ее сейчас вырвет, она стремглав бросается в туалетную комнату. Возвращается, еле волоча ноги, и валится на кровать. На полу — две пустые бутылки из-под текилы, два презерватива, остатки кокаина...

Элисон плачет.

Она не способна понять, что на самом деле произошло.

Она часто решает, что достигла дна, и ей кажется, что ниже уже опускаться некуда.

И каждый раз ошибается.

Потому что дно — оно находится гораздо глубже, чем это себе представляют.

* * *

Ноябрь 2006 года

Мост на автостраде. В Лос-Анджелесе ночь. Пешеходный мостик из бетона, перекинутый над переплетением автомагистралей в нескольких километрах от дорожной развязки.

Элисон останавливает свой внедорожник на резервной полосе. Она перешагивает защитный барьер и в отчаянии смотрит на поток машин, скользящий внизу на расстоянии двадцати метров. Ее руки сжимают решетку, высокие каблуки шатаются на узком бетонном парапете — последнем оплоте над бездной.

Она еще никогда не была так близка к концу. Уже давно она стала заложницей своей жизни, своих поступков, своего прошлого. Слишком

долго она живет, страшась каждого мгновения, испытывая отвращение к самой себе.

Оказывается, ад — это когда потеряна надежда. Итак, сегодня вечером — конец.

Game over.^[58]

Пришло время.

В ночи ревут сирены полицейских машин. Автомобиль и два мотоциклиста останавливаются там, где она стоит. Четверо мужчин поспешно образуют полукруг в пяти метрах от нее и начинают приближаться. Она кричит, и все четверо застывают на месте. Они там, но они бессильны. Если она захочет, то прыгнет. Последний момент свободы перед падением в пропасть. Упоение от того, что еще есть выбор.

— Не нужно этого делать, мисс!

Это произносит самый молодой из полицейских, чернокожий, которому едва исполнилось двадцать лет. У него хрупкое телосложение, как у Отиса Реддинга,^[59] тот же меланхоличный голос, те же усики подростка.

— Иногда думают, что это единственное решение, но это не так...

В его голосе звучат ноты волнения и искренности. Похоже, что парень знает, о чем говорит. Действительно, пять лет назад он потерял свою сестру-двойняшку. Она закрылась в семейной машине и вставила в рот резиновую трубку, соединив ее с выхлопной трубой. Это он обнаружил ее тело, открыв дверь гаража, а до этого никто ничего не замечал, заходя туда.

— Она только одна, мисс! — убеждает он, приближаясь к Элисон. — Жизнь одна, другой не будет...

Он хватает ее за руку, и она не сопротивляется.

* * *

Сегодня

В самолете

Час дня

Элисон только что закончила свой рассказ. Она опустила глаза, немного удивленная и смущенная тем, что доверилась совершенно незнакомому человеку. Марк выслушал ее с исключительным вниманием. Пока она говорила, чувствовала себя защищенной, будто внутри оболочки...

Марку понадобилось всего несколько минут, чтобы к нему вернулось мышление психиатра. В уме он уже анализировал, сопоставлял случай Элисон с историями других пациентов, которых он вел.

Он и сам немного успокоился. Входить в контакт с людьми, менять направление беседы — это он всегда любил. Он призван ограждать своих пациентов от схождения в ад, помогать им постепенно возвращаться к жизни.

Марк изучающе посмотрел на молодую женщину. На данной стадии он мог задать ей только один вопрос:

— За что вы пытаетесь наказать себя?

Элисон отвела глаза, что-то в ней сжалось, признак того, что Марк попал в точку. Безусловно, ее стремление к саморазрушению имело корни. Она открыла рот и на секунду по-настоящему поверила, что раскроет ему свой секрет и наконец освободится от этой боли, мучившей ее с давних пор. Но слова застряли в горле, а на глаза навернулись слезы.

Марк хотел спросить еще что-то, как вдруг самолет затрясло. Исаак опрокинул коктейль, который он подавал клиенту. Кто-то вскрикнул, лампочки замигали.

— Дамы и господа, в данный момент мы находимся в зоне турбулентности, будьте добры, займите ваши места и пристегните ремни.

Несколько посетителей бара запротестовали, остальные подчинились безропотно.

— Мне нужно к дочери на нижнюю палубу, — объяснил Марк, вставая со своего табурета.

— Я понимаю, — ответила Элисон.

Они расстались — вот так, более не произнеся ни слова, — но в момент прощания каждый из них прочитал во взгляде другого обещание вскоре увидеться вновь.

14

Колесо жизни

Колесо жизни вращается так быстро, что никто не может долго удержаться на нем. И в конце концов оно всегда возвращается в исходную точку.

Стивен Кинг

Сегодня

В самолете

13 часов 15 минут

Самолет, летящий рейсом 714, испытывал сильную тряску над морем облаков.

Во власти тревоги Марк, не теряя времени, добрался до своего места. Как он мог оставить дочь без присмотра более чем на полчаса?! На одно мгновение он почувствовал, как его охватывает паника. А что, если вместо Лейлы там окажется пустое место?! Протискиваясь вперед, он в спешке сшиб с ног несколько человек. А что, если его ребенок вновь исчезнет по его вине?! Преодолевая узкий проход, Марк ощутил, что пол качается под его ногами. А что, если...

Он остановился как вкопанный в нескольких метрах от своего места. Лейла сидела на своем месте с фломастером в руке: повернувшись лицом к Эви, она с гордостью показывала свой рисунок девушке.

— Все хорошо? — поинтересовался Марк, садясь.

— Очень хорошо, — подтвердила Эви, кивая головой.

Марк наклонился к дочери:

— Мне можно посмотреть, что ты нарисовала? — спросил он, погладив девочку по волосам.

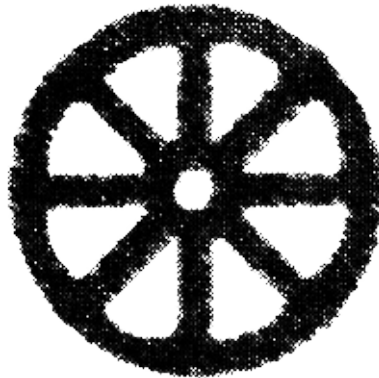
Безмолвная Лейла сдвинула руки со столика, чтобы отец мог посмотреть ее рисунки.

Девочка раскрасила несколько страниц блокнота. Работая психиатром, Марк неоднократно использовал метод рисования, чтобы помочь пациентам раскрепоститься. Раньше у него был настоящий дар расшифровывать и анализировать их.

Рассматривая внимательно работы дочери, он почувствовал истинное облегчение: рисунки, выполненные яркими цветами, пестрели бабочками, звездочками и цветочками. Хотя он уже давно не практиковал, и так было ясно: картинки Лейлы не были творением ребенка, перенесшего глубокую травму.

— Это очень красиво, моя дорогая, — похвалил он ее.

Марк уже было собирался положить листки на столик, как вдруг что-то привлекло его внимание — геометрическая форма, настойчиво повторявшаяся на всех рисунках и которую он первоначально принял за цветок или звезду.

Этот символ являл собой колесо закона. Закона судьбы человека, смысл которого ничто не может изменить. Закона вечного возобновления: рождение, смерть, возрождение...

Эту же эмблему он видел недавно в виде татуировки в ложбинке на спине Элисон! То самое колесо, которое всегда завораживало Коннора, с его восемью спицами, предназначенными указать человеку дорогу к свободе от страданий.

— Почему ты рисуешь ЭТО, дорогая? — беспокоился Марк, глядя Лейле прямо в глаза.

— Я не знаю, — спокойно ответила девочка.

Марк был потрясен. Лейла ответила ему!

ОНА ГОВОРИЛА!

Он действительно не ослышался или его сознание опять играет с ним злую шутку?

— С тобой все хорошо, дорогая? — спросил он, опасаясь не получить ответа.

— Я просто хочу немного поспать, а со мной все в порядке.

Марк почувствовал, как с него свалился груз, но не знал точно, что ему дальше делать. Начать задавать множество вопросов дочери? Но нет, он должен быть осторожным, нельзя давить на нее.

— Какой большой самолет, правда? — заметила Лейла, улыбаясь.

— Да, — подтвердил Марк, отвечая ей улыбкой. — Он самый большой в мире.

— Он быстро летит?

— Очень быстро.

— Что-то не видно! — заметила она, наклоняясь к Эви, и взглянула в иллюминатор, чтобы прикинуть скорость.

— Да, — согласился Марк. — Кажется, что мы не движемся над облаками, и все же мы летим очень быстро, почти тысяча километров в час. Оптический обман.

— Оптический обман?

— Это значит, что внешние признаки иногда обманывают нас, — объяснил он.

— Да?

Она, казалось, немного подумала над этой фразой, а затем заговорила о другом:

— А можно мне эскимо?

— Конечно. Стюардессы обязательно принесут нам, как только выйдем из турбулентности.

— Я бы съела шоколадное с миндалем, — поведала ему девочка самым серьезным образом.

— Хороший выбор.

— Это от Хааген Дас, — уточнила она.

— Ты думаешь?

— Клянусь, я видела их в витрине, когда мы приехали. И учти, это никакой не оптический обман.

Лейла подарила ему улыбку, очень гордясь своим удачным ответом.

Марк чувствовал, что возвращается к жизни. Его дочь была такой, какой он знал ее прежде: живой, полной жизни и здравого смысла.

И вновь в нем поселилась надежда, безумная надежда: «А вдруг все станет как раньше?!» Но сначала ему нужно выяснить причины внезапного бегства Николь... и — непременно! — что случилось с Лейлой. Его дочь внезапно заговорила. Нужно воспользоваться этим и поспрашивать ее, но не надо торопиться.

— Ты не хочешь рассказать мне, что с тобой произошло? — спросил он ласково, наклоняясь к ней.

— Что со мною произошло, когда я была маленькая?

Он кивнул в знак согласия.

— Тебе больше нечего бояться. Ты вновь будешь с мамой, увидишь

свой дом, свою комнату, свою школу. Все будет как раньше, но сначала — скажи мне, где ты была эти годы и, самое главное... с кем.

Лейла открыла рот и хотела сразу же ответить, но вдруг спохватилась и задумалась. Когда девочка наконец решилась продолжить, Марка поразила новая молния:

— Тебе нужно спросить об этом маму.

Ему стало дурно.

— А мама знает, что с тобой случилось?

— Да, — кивнула головой Лейла.

— Нет, — сказал Марк, — ты ошибаешься.

— Это правда, — заверила Лейла, недовольная тем, что ей не поверили.

— Ты уверена?

— Конечно, — сказала она решительно.

Марк как будто из-под воды услышал свой голос:

— А ты видела маму в течение этих пяти лет?

— Конечно, я видела ее часто.

— Как это: ты видела ее часто?

Лейла с нежностью взглянула на отца. Ее глаза блестели.

Она сказала:

— А сейчас я хотела бы поспать, папа. Ошарашенному Марку понадобилось несколько секунд на то, чтобы прийти в себя, прежде чем он произнес:

— Разумеется, дорогая, отдохни.

Он нажал на кнопку, чтобы опустить кресло. Лейла расслабилась, закрыла глаза и стала засыпать, убаюканная рокотом двигателей.

Марк погрузился в пучину жестоких раздумий. Насколько можно верить девочке? Несмотря на видимую безмятежность, Лейла пережила тяжелую травму, связанную с похищением. Ее слова, возможно, и содержали часть правды, но мозг Марка отказывался верить, что Николь прямо или косвенно была причастна к похищению собственного ребенка.

Лейла крепко спала.

Марк глядел на нее с нежностью и даже невольно стал дышать с ней в едином ритме. Тихо-тихо он гладил ее волосы, отводя от уха зацепившуюся за него прядку волос. Лейла унаследовала черты Николь и взгляд Марка. Это как раз то, чего желали все родители: улыбку матери и взгляд отца.

И все же...

Марк знал, что это неправда, по той простой причине, что он не был

биологическим отцом Лейлы.

* * *

Десять лет назад, когда он познакомился с Николь, она была на ранней стадии беременности и только что рассталась с дирижером французского оркестра Даниэлем Гревеном. Шестидесятилетний маэстро — блестящий, образованный, признанный во всем мире музыкант — был известен еще и тем, что заводил романы с женщинами, играющими в оркестре под его управлением. Его интрижка с Николь продлилась всего несколько недель, но, к его удивлению, инициатива прервать отношения на этот раз принадлежала женщине...

Когда Николь узнала, что беременна, то, неожиданно для себя, решила оставить ребенка, Гревена же оставить в неведении.

Ее встреча с Марком полностью перечеркнула прошлое. Марк любил и воспитывал Лейлу как свою собственную дочь. Он гладил живот Николь, прислушиваясь к первым шевелениям, он держал руку Николь во время родов. Он был там, где первый вздох, первые шаги, первые слова. Счастье быть отцом мгновенно предало забвению истинное происхождение Лейлы. Вместе с Николь они решили, что никто никогда об этом не узнает.

Это был их секрет. Это была их любовь. Это был их ребенок.

Они никогда и никому не рассказывали об этом. Ни Коннору, ни даже полицейским, вывернувшим наизнанку их жизнь во время следствия по делу о похищении Лейлы. Гревен умер от сердечного приступа в конце 1990-х. Со временем секрет утратил свое значение, а потом и вовсе перестал существовать.

Потому что не кровные узы выплетают ткань семейных отношений, а одна только любовь.

Сидя перед иллюминатором, Эви не пропустила ни единого слова из беседы Марка с дочерью. Она невольно бросала частые взгляд в направлении доктора. Мало что зная о нем, она ощущала смятение в душе этого человека, его тесную связь с дочерью. Она чувствовала, что он растерян, сломлен переживаниями, догадывалась, что несколько лет назад он был совершенно другим.

— Спасибо, что присмотрела, — сказал ей Марк, указывая на Лейлу.

— Ну что вы, не за что.

— Мне кажется, что я должен кое-что тебе объяснить.

Охваченная любопытством, Эви повернулась к Марку, и в нескольких

словах он изложил ей суть истории с момента похищения Лейлы пять лет назад до ее таинственного появления.

— Я хотел бы знать, моя дочь рассказала тебе что-нибудь в мое отсутствие?

— Немного...

— То есть?..

— Ну, она задала мне только один вопрос.

— Какой?

— Она хотела знать, что случилось с моей мамой.

— И что ты ей ответила?

15

Эви

Воспоминание второе

Лас-Вегас, Невада

Несколько месяцев назад

Почти полночь

На месте площадки, где раньше стояли автофургоны, разворачивается стройка. Вокруг полная темнота. Только с десятка прицепов остались еще на территории, занимая места незаконно.

В жилище семьи Харпер горит свеча. Этим вечером Эви не работает. Растянувшись на диване, она листает старый журнал, втихомолку слушая радио. Ее мать спит рядом. Перед ней — заставленный лекарствами ночной столик из клееной фанеры. Эви борется с зевотой и готовится лечь, как вдруг в комнате раздается звонок. Это ее мобильный, работающий по карте предварительной оплаты, которую она бережливо расходует.

— Алло?

Звонят из больницы. Доктор Крэйг Дэвис, координатор графика по трансплантации печени, сообщает хорошую новость: есть трансплантат, появилась возможность сделать ее матери операцию. Нужно приехать немедленно!

Одно мгновение — и Эви у постели матери:

— Мама! Проснись, мама!

Тереза с трудом поднимается на ноги, Эви в нескольких словах объясняет ей ситуацию и помогает собраться. Не прошло и пяти минут, как они уже у фургона ближайшей соседки.

— Это мы, Кармина! Нам нужна твоя машина, срочно!

После бесконечного ожидания дверь наконец открывается, и кто-то выходит. Не их подруга, а ее муж Родриго, который встречает их потоком ругательств:

— Pero qué coño pasa? Esta gente siempre jodiéndome... [\[60\]](#)

На Эви это не производит никакого впечатления, она с вызовом смотрит на мексиканца. Подумаешь, ругательства на испанском, она их знает не меньше его! После обмена любезностями Родриго, пытаясь

загладить свое не слишком пристойное поведение, все-таки соглашается их сопровождать. Вот они, все вчетвером, в старом «Понтиаке Фаерберд» 1969 года, с прогнутыми сиденьями и выхлопной трубой, намного выше нормы загрязняющей атмосферу. Машина выписывает кренделя. Раз десять она чуть не разносит тротуар, защитный барьер. Десять — это как раз то количество бутылок «Короны»,^[61] которые Родриго выпил, прежде чем сесть за руль...

К счастью, все благополучно добираются куда следует — до паркинга больницы. Бывают вечера, когда удача на нашей стороне.

Хоть бы и дальше было так!

* * *

Эви и Тереза проходят в вестибюль. Доктор Крэйг Дэвис лично ожидает их в приемном отделении.

— Нужно действовать быстро! — объявляет он, входя с ними в лифт.

Специалист по биомедицине, заведующий распределением органов, позвонил в больницу только поздно вечером.

А на самом деле все началось в середине второй половины дня: супружеская пара, ехавшая на мотоцикле по дороге из Эппл-Вэлли, попала в аварию. Оба были в защитных шлемах и ехали не очень быстро. Мужчина отделался легко. Его жена пострадала гораздо сильнее — черепно-мозговая травма. «Скорая помощь» отвезла ее в реанимацию больницы в Сан-Бернардино. Там сделали все для ее спасения. Но было уже слишком поздно. Смерть мозга врачи установили довольно быстро, но потребовалось еще какое-то время, чтобы уговорить семью дать разрешение на забор органов. Ведь всегда верится в чудо. Врач постарался объяснить мужу, что если мозг погиб, все функции нервной системы разрушаются. Мужчина слушал его, держа руку своей жены, но не понимал, что ему говорили. Она еще дышала, хотя и искусственным путем. Кожа была еще теплой, было слышно, как бьется ее сердце. И все-таки это была уже не жизнь.

А всего лишь иллюзия.

В конце концов муж уступил — около девяти часов вечера, когда он решил, что единственный способ продлить ей жизнь — это, быть может, дать ей возможность жить в других. Немедленно бригада медиков изъяла сердце, легкие, поджелудочную железу, кишечник, чтобы отправить их в разные города страны: Лос-Анджелес, Сан-Диего, Санта-Барбару...

А печень поместили в стальной контейнер, погруженный в ледник с толченым льдом для поддержания определенной температуры. Охлаждаемую камеру на вертолете доставили в Лас-Вегас.

Тереза была первой в листе ожидания. Этот трансплантат она прождала более двух лет. Нехватка органов для пересадки, а также редкая группа крови затянули срок ожидания. Еще месяц-другой, и болезнь унесла бы ее...

— Операционный блок только что освободился, — объясняет Крэйг Дэвис. — Мы сможем прооперировать вас через час, и как раз за это время проведем биологическое исследование.

— Я бы хотела, чтобы со мной осталась моя дочь, — просит Тереза.

— Она может побыть с вами до момента поступления в операционный блок, — соглашается врач, сопровождая пациентку в отдельную комнату.

Все идет своим чередом: медсестра берет кровь, анестезиолог проводит беседу и уверяет: «Вы почувствуете себя словно заново родившейся». Потом — предоперационный душ с бетадином, и — ожидание.

Эви витает в облаках. Страх потерять мать, от которого у нее долгие годы скручивало в тугой узел живот, мало-помалу рассеивается. Она физически чувствует, как что-то в ней высвобождается. Сегодня вечером она страстно верит, что все пройдет хорошо.

В трансплантат она верила всегда. Месяц за месяцем она следила за форумами и сайтами, чтобы понять истинную природу болезни матери. Она знает: операция — это последнее, что может вылечить мать. Конечно, при пересадке гепатит не исчезнет как по волшебству. Существует риск заражения пересаженного органа вирусом, но статистика выживаемости по отдаленным результатам демонстрирует очень высокие показатели.

Последние недели Эви несколько раз посещала церковь в Риверсайде. Тайком.

Впервые за долгие годы она молилась.

Что еще можно сделать, если нет другого выхода?

Когда она была маленькая, то находила утешение, уверяя себя, что ангел-хранитель присматривает за ней. Потом, когда Эви повзрослела, она больше ни во что не верила. Ни в ангелов, ни в богов, ни в карму.

С некоторых пор она вновь задается вопросами.

Часто у Эви возникает впечатление, что ее преследует какой-то рок. Ей кажется, что ее прошлое и будущее были давно predeterminedены и записаны в одну большую книгу судьбы...

Истек час после визита анестезиолога.

Потом час с четвертью.

Почему так долго?!

Опять она чувствует, как в животе завязывается узел. Передышка была так коротка. Когда доктор Дэвис в сопровождении медсестры наконец возвращается в комнату, Эви инстинктивно догадывается, что новости будут плохие.

— Мы получили результаты ваших анализов, Тереза, — говорит он с досадой.

Эви потрясенно смотрит на врача, который машет перед глазами матери листком бумаги.

— Вы совсем недавно пили алкоголь! — горячится Дэвис. — И вы знаете, что это аннулирует договор!

В течение нескольких секунд фраза словно повисает в воздухе...

Этого не может быть.

Подавленная Эви поворачивается к матери.

— Я совсем ничего не пила, доктор, — клянется Тереза ошеломленно.

— Мы провели исследования по двум разным образцам. И по каждому из них — результат положительный. Тереза, вы нарушили контракт, который гласит: строгое, по меньшей мере, шестимесячное воздержание от алкоголя до трансплантации. Вы взяли на себя обязательства.

— Я ничего не пила, — вновь защищается Тереза.

Но врач ее больше не слушает.

— Вызовите следующего по списку, — приказывает он медсестре. — Нельзя потерять орган.

— Я не лгунья, — негодует Тереза.

На этот раз она смотрит на Эви, а не на Дэвиса Крэйга. Это свою дочь, а не его, она старается переубедить. Тереза понимает, что бой с врачом уже проигран. А впрочем, она никогда не доверяла этой истории с пересадкой. Она чувствует, что скоро умрет, но ей необходимо сохранить доверие Эви.

— Клянусь тебе, я не пила, дорогая моя, — говорит она, вставая с кровати.

Потрясенная Эви отступает назад.

— Эту фразу ты повторяла мне, наверное, сто раз с тех пор, как мне исполнилось три года, мама...

— Ты права, но на этот раз...

— Я тебе больше не верю.

— На этот раз это правда.

— Почему ты все испортила, мама? — спрашивает она в слезах.

— Дорогая... — начинает Тереза, протягивая к ней руку.

Но дочь грубо отталкивает ее.

— Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ! — выкрикивает Эви, убегая прочь.

* * *

Сегодня

В самолете

13 часов 45 минут

— Я ТЕБЯ НЕНАВИЖУ! — закончила Эви. — Это последние слова, которые я сказала матери.

— Ты ее больше не видела? — спросил Марк.

— Никогда.

Марк замолчал на некоторое время, глубоко тронутый рассказом девушки. После краткого затишья самолет натолкнулся на новую волну турбулентности. Раскачиваемый невидимой силой, гигант трясся в лихорадке и лязгал железом, будто больной.

— А потом? — после небольшой паузы вернулся к разговору Марк.

— Потом она умерла.

16

Эви

Воспоминание третье

Лас-Вегас, Невада

Ветры и дожди не щадят кладбище в Маунтин-Вью.

Гроб Терезы Харпер только что опустили в землю. Вокруг пустынно. Священник давно уехал из этих мест. Только Эви и Кармина стоят у могилы, печально склонив головы.

Молния полосует небо, и тут же раздается гром.

— Я подожду тебя в машине, — предлагает Кармина.

А дождь все усиливается.

Оставшись одна, Эви встает на колени перед могилой и вытирает слезы ярости, текущие по ее впалым щекам. Девушка не видела мать с той самой размолвки в больнице два месяца назад. Без операции Тереза прожила всего несколько недель. Конечно, рак, алкоголь, наркотики убили ее, это был ее образ жизни — сгорать, а не жить. Но именно сейчас Эви не может отделаться от чувства вины. Когда она возвращается на стоянку в промокшей одежде, ей очень холодно, ее бьет озноб...

Спрятавшись под зонтик, женщина смотрит на приближающуюся к ней Эви. Она наблюдала церемонию издали, не осмелившись участвовать в ней. Ее серый плащ, брючный костюм и модная стрижка придают ей вид благополучной дамы, хотя заметно, что ей нездоровится. Она открывает багажник темно-серого автомобиля, достает платок и протягивает его девушке, когда та подходит к ней.

— Вытри слезы, а то можешь заразиться смертью, — советует она. В ее голосе проскальзывает легкий итальянский акцент.

Удивленная Эви принимает из ее рук чистую ткань и не отказывается от предложения укрыться от дождя под широкими полями ее зонтика. Вытирая лицо, она внимательно всматривается в свою собеседницу и делает заключение, что она слишком «шикарная», чтобы быть подругой матери.

— Меня зовут Мередит Де Леон... — произносит женщина.

На секунду запинаясь, а затем заканчивает фразу:

— ...это я убила твою мать.

— Год назад мне поставили диагноз «рак печени».

Мерedit и Эви сидят одна против другой в кафе «Хевен» на краю дороги, ведущей к кладбищу. Перед ними дымятся чашки обжигающего чая.

— Болезнь прогрессировала, и вскоре стало очевидно, что только трансплантация может спасти меня. К несчастью, у меня нулевая группа крови, для которой срок ожидания самый долгий.

— Та же, что у моей матери, — говорит Эви.

Мерedit кивает головой, соглашаясь с ней, и продолжает:

— Два месяца назад ранним вечером доктор Крэйг Дэвис позвонил нам. Я и Поль, мой муж, мы неоднократно встречались с ним во время моих визитов в больницу. Он объяснил, что имеется соответствующий трансплантат, но все не так просто.

— И что же было не так просто?

— Твоя мать, она была передо мной в списке на получение...

Эви вдруг почувствовала ледяной душ, хотя в ее сознании срабатывает блокировка, не дающая ей осознать весь ужас произошедшего.

— Крэйг Дэвис в разговоре с нами ясно дал понять, что, если мы готовы предпринять некоторое «финансовое усилие», он сможет вычеркнуть твою мать из листа ожидания.

Застывшая от ужаса Эви наконец поняла: анализы крови Терезы были фальсифицированы, для того чтобы заставить поверить в то, что она продолжала пить!

В ее голове ясно звучит мольба матери, которая пытается оправдаться:

— Я НЕ ЛГУНЬЯ!

— КЛЯНУСЬ ТЕБЕ! Я НЕ ПИЛА, ДОРОГАЯ.

Ее мать сказала правду, а Эви ни на секунду не поверила ее словам...

Лицо Мерedit искажает гримаса страдания, но она решила пройти свой крестный путь до конца:

— Сначала я отказалась. Мне это было отвратительно. Но я ждала так долго, а органов было так мало... И, в конце концов, я дала согласие. На этой стадии заболевания я уже не вставала с постели, ужасно страдая от боли, я была скорее мертвой, чем живой... Поль хорошо зарабатывает. После переговоров Дэвис и он договорились насчет суммы в двести тысяч долларов. Но до самого конца Поль предоставлял мне свободу выбора. И я сделала то, чего не пожелаю никому...

Мерedit замолкает и погружается в свои мысли, будто вновь переживает те мучительные моменты.

— Я очень хотела бы сказать тебе, что сделала это ради моих детей, — признается она. — Но это было бы неправдой. Я сделала это, потому что боялась умереть. Вот и все.

Мерedit откровенна. Это мучило ее с самого момента операции.

— Иногда жизнь ставит нас в такие ситуации, из которых мы можем выпутаться, только отказываясь от общепринятых ценностей, — заключает она, как будто для самой себя.

Эви зажмуривает глаза. Слеза стекает по ее щеке, но она не пытается смахнуть ее.

Мерedit в последний раз решается заговорить:

— Если ты захочешь обратиться в полицию, я повторю все, что рассказала тебе, и отвечу за свой поступок. Теперь выбор за тобой.

Она встает из-за стола и уходит.

* * *

Старинный «Понтиак» Кармины останавливается перед автовокзалом. Эви хлопает дверцей автомобиля, берет в багажнике чемоданчик и рюкзак. Автобус «Грейхаунд»^[62] на Нью-Йорк вот-вот отправится. Продав жалкие пожитки матери, Эви удалось выручить всего двести долларов: как раз чтобы оплатить дорогу до Манхэттена.

Крэйг Дэвис теперь работает там.

Вначале она искала его в Лас-Вегасе, но негодяй покинул Калифорнию и поселился на Восточном побережье сразу же после смерти ее матери.

— Ты уверена, что хочешь уехать? — спрашивает Кармина, провожая ее до остановки автобуса.

— Конечно.

Всю свою жизнь толстая мексиканка недоверчиво относилась к чувствам. Она воспитывает детей в строгости и терпеливо создает вокруг своего мирка защитный кокон, помогающий ей казаться невозмутимой при любых обстоятельствах.

— Береги себя, — говорит она, слегка потрепав девушку по щеке. Этим жестом, по ее мнению, она в высшей степени выражает свою привязанность.

— О'кей, — отвечает Эви, залезая в автобус.

Они обе знают, что никогда больше не увидятся. Кармина протягивает

ей багаж и в последний раз машет рукой.

Эви только потом обнаружит в своем рюкзаке триста долларов, которые мексиканка сунула ей в рюкзак.

* * *

Наконец автобус отправляется.

Сидя в автобусе, Эви прислоняет голову к окну. Она в первый раз покидает Вегас.

Через несколько часов она будет в Нью-Йорке.

Тогда она сделает то, что ей кажется справедливым.

Она убьет Крэйга Дэвиса.

Временами в нас обитает будущее, а мы этого не знаем, и слова наши, кажущиеся неправдоподобными, на самом деле описывают приближающуюся действительность.

Марсель Пруст

*Сегодня
В самолете
2 часа дня*

— Что же было потом?

И вдруг раздался звуковой сигнал, оповещающий о выходе из зоны турбулентности. Эви моментально вышла из состояния какого-то помрачения, в которое она погрузилась, рассказывая свою историю.

— Что произошло в Нью-Йорке? — настаивал Марк. — Ты нашла убийцу своей матери?

— Я...

Девушка замолчала.

Удивленная тем, что она так распахнула свою душу, теперь она засомневалась: а стоит ли идти дальше? Она знала этого человека всего несколько часов. Как она могла открыть ему свои самые сокровенные тайны, она, которая обычно никому не доверяла! Его взгляд, поведение и умение слушать, казалось, говорили о том, что он сочувствовал ей, а его трогательное участие лишало ее душевного равновесия. Внезапно ощутив опасность, она придумала, как избежать его влияния.

— Мне нужно в туалет, — сказала она (отличная отговорка).

Марк понял, что потерял контакт с Эви. Он приподнялся с сиденья, пропуская девушку, и с сожалением посмотрел ей вслед.

Ее рассказ взволновал и потряс его, сразу же напомнив его собственное детство. И Коннора.

Он еще раз взглянул на свою дочь. Под рокот моторов она крепко спала, склонив голову к свету, льющемуся из иллюминатора.

Теперь самолет спокойно продолжал путь. Зажглась зеленая лампочка, указывая пассажирам, что можно пользоваться мобильными средствами связи. Система GSM, встроенная в корпус самолета, позволяла получать звонки и отправлять смс. Марк с удивлением увидел, что половина пассажиров бросилась к своим телефонам и лихорадочно стала набирать номера своих электронных абонентов. Он тяжело вздохнул. За три года общественные средства коммуникации явно продвинулись вперед. Скоро все захотят трансплантировать себе постоянный наушник и будут перезваниваться, когда спят, мечтают, занимаются любовью. Еще никогда люди так много не общались и так мало слушали друг друга. Проклиная нынешнее время, он, однако, вспомнил, что взял с собой телефон Николь и нащупал его в куртке. И вот парадокс — сделал то же самое, за что несколько секунд назад осуждал других! Сообщений не было, но были пропущенные звонки с одного и того же неизвестного ему номера. Со дня отъезда он несколько раз пытался связаться с женой в Нью-Йорке. Безуспешно. Видимо, Николь не вернулась в их квартиру, и он совершенно не представлял себе, где она могла находиться.

И все же он попробовал позвонить по этому номеру.

Один гудок, два. Потом подключился автоответчик.

— *Здравствуйте, вы позвонили...*

Сообщение внезапно прервалось, и Марк не успел определить абонента.

— Марк?

Он тотчас узнал голос своей жены.

— Николь? Это я.

— С тобой все в порядке?

— Но где ты? Я схожу с ума от беспокойства.

— Я... я не могу сейчас долго разговаривать с тобой, милый.

В голосе жены угадывалось сильное напряжение и глубокое волнение. И, несмотря на гнев, охвативший его, первой произвольной реакцией Марка было успокоить ее относительно здоровья их дочери.

— Лейла со мной. С ней все нормально. Она разговаривала со мной.

Услышав свое имя, девочка открыла один глаз и стала тереть веки, зевая.

— Ты здороваешься с мамой? — предложил Марк, протягивая ей телефон.

— Нет, — ответила ему Лейла.

Удивившись, Марк попробовал еще раз:

— Дорогая, скажи что-нибудь маме, ей будет приятно.

— НЕТ! — повторила она решительно, отталкивая телефон.

Оторопев от неожиданности, Марк несколько секунд пристально смотрел на дочь, пока Николь не заявила ему:

— Послушай, Марк, я сейчас должна попрощаться.

— Подожди! Почему она не хочет с тобой говорить?

— Я знаю, что произошло с Лейлой, — призналась Николь.

Признание прогремело как выстрел.

— Что ты такое говоришь? — задохнулся Марк.

Ярость и отчаяние разом охватили его, пальцы непроизвольно сжались в кулак.

— Ты знала, что она жива?

— Мне жаль, — извинилась она.

— Но что же все-таки происходит, черт возьми? Ты, наконец, скажешь мне правду?!

— Ты не должен на меня сердиться.

— Я чуть не погиб от горя! — взорвался он. — Все эти годы ты наблюдала, как я шел ко дну! Ты видела, как я метался, и ты знала, что она жива?

— Это не то, что ты думаешь, Марк. Я...

«НУ, ХВАТИТ».

В глубине раздался голос мужчины, прерывающий его жену.

— Кто этот тип? — спросил Марк.

— Это не так просто... Я...

«ЗАКАНЧИВАЙ, НИКОЛЬ!» — приказал голос.

— Кто с тобой? — заорал Марк.

— Это не то, что ты думаешь, — повторила она.

«ДОСТАТОЧНО, ИЛИ ТЫ ВСЕ ИСПОРТИШЬ!»

— Я люблю тебя, — только и сказала она.

И на этом все закончилось.

* * *

Застыв на месте, глядя в пустоту, Марк не мог сдвинуться с места. Прошло десять минут после краткого общения с Николь. Он еще раз набрал номер, но на этот раз к его звонку не подключился даже автоответчик. Жена лгала ему насчет их дочери. Ужасная ложь. Это хуже всего. В первый раз губительное сомнение закралось в его душу. А знал ли он по-настоящему свою жену? С недавних пор у него один за другим

возникали вопросы. Но ответов на них не было.

Сначала журналист, которого он отвадил в аэропорту, затем его собственная дочь...

Казалось, они предостерегали его от Николь, но он не прислушался к их предостережениям.

Марк не знал, как быть. В его голове, душе произошел душевный перелом. Всего только двое суток назад он обитал на улице, бродил растерянно по подземельям города, выживая только за счет спиртного.

Охваченный радостью от того, что Лейла нашлась, он посчитал, что выберется из этой ситуации сам. Ему легко удалось совладать с *delirium tremens*,^[64] но его мир опять развалился, его хрупкая победа разбилась о новый удар судьбы.

Марк сцепил начавшие дрожать руки. Он покрылся потом и начал задыхаться.

Ему нужно было встать.

Марк резко поднялся, его взгляд упал на Лейлу, которая опять заснула. Ее дыхание было ровным и спокойным, лицо залито белым светом солнца. Этого было достаточно, чтобы успокоиться.

Он понял: только дочь может спасти его. Лейла была нужна ему, так же как и он ей. Пока Марк был с ней, он каким-то образом защищал ее, а она его.

* * *

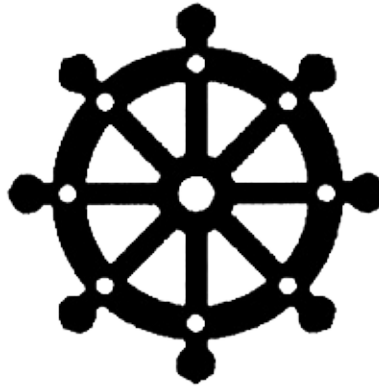
Эви, склонившись над раковиной в туалете, извергала из себя скудный завтрак, съеденный несколько часов назад. С самого утра ее преследовала противная тошнота, а во время путешествия стало еще хуже. Впрочем, неприятностей со здоровьем за последнее время у нее хватало: головокружение, головные боли, шум в ушах... Не говоря уж об этой чрезмерной чувствительности, от которой она становится столь ранимой...

Эви встала, вытерла рот, плеснула водой в лицо. Увидев себя в зеркале, она ужаснулась. Колющая боль охватила лоб, она почувствовала, как в висках пульсирует кровь. Ограниченное и душное пространство маленькой комнаты вызвало в ней чувство клаустрофобии. Срочно выйти, иначе она потеряет сознание! В голове за доли секунды пролетели десятки образов. Воспоминания, страхи, несколько радостных моментов, тут же погасших. На краткий миг ей показалось даже, что она слышит шепот...

Она собралась было покинуть это место, как внезапно почувствовала

зуд на плече и принялась сквозь майку расчесывать его. Это не только не помогло, но еще усилило неприятное ощущение, вскоре перешедшее в боль. Почти помимо своей воли, она расчесалась до крови, внезапно обезумев от этого незнакомого ощущения. Когда она спустила рукав, то заметила фиолетовую метку, появившуюся на ее левом плече.

Девушка изогнулась, чтобы разглядеть в зеркале странное клеймо, которое проступило у нее на плече в виде татуировки.

Бывают воспоминания, словно заряженные электричеством и подключенные к нашим ресницам. Как подумаешь о них, так глаза и загораются.

Матиас Мальзо^[65]

Сегодня

В самолете

2 часа 15 минут

На высоте более двенадцати тысяч метров рейс 714 продолжал выполнять маршрут на Нью-Йорк, проносясь над обширными равнинами, словно гигантская птица.

Эви закрыла дверь туалетной комнаты, потрясенная тем, ЧТО ей только что пришлось пережить. Капли пота покрыли ее лоб, она прерывисто дышала, дрожа всем телом. Кто сделал эту татуировку без ее ведома?! Эта чертова отметина на плече странным образом походила на рисунки девочки, сидящей рядом с ней...

Эви, шатаясь, поднялась по лестнице и стала с трудом пробираться среди стюардесс, разносящих подносы с едой; пассажиров, разминающих ноги во избежание флебита, эмболии легких — этих новых «синдромов экономического класса», о которых СМИ прожужжали им все уши в бесчисленных репортажах.

Добравшись до своего ряда, Эви уселась на место, стараясь не разбудить Лейлу, и поблагодарила Марка за то, что он был так любезен и взял для нее поднос с едой.

— Что-то не так? — спросил он, увидев ее изменившееся лицо.

— Да нет, ничего, я просто устала, — заверила она, прекрасно зная, что его не обмануть.

— Я могу чем-нибудь тебе помочь?

— Вы не могли бы передать мне рюкзак?

Марк поднял ее завалившуюся под сиденье сумку. Застежка молнии была приоткрыта, и когда он приподнял рюкзак, из него что-то

выскользнуло и упало на пол.

Марк наклонился. Это была книга в тисненном переплете с истрепанной обложкой и загнутыми страницами, явно читаная-перечитаная. Из чистого любопытства он не удержался и взглянул на название.

«Выжить» Коннора Мак-Коя.

Он чуть не подскочил от удивления. Несколько лет назад Коннор написал эту книгу, чтобы изгнать демонов своего прошлого. Она представляла собой эклектическое произведение, которое по жанру можно было отнести к психологическому эссе или к воспоминаниям детства. На основе собственного опыта, а также наиболее эффективных сеансов терапии, проведенных им, Коннор подсказывал читателям пути избавления от страхов, объяснял причины их тревог, а также учил сопротивляться страданиям.

Опубликованная в маленьком издательстве и вышедшая в стандартном формате, книга не удостоилась ни рекламы, ни статьи в прессе. Однако благодаря слухам она все же нашла своих читателей и имела теперь многочисленных и верных последователей.

Марк вернул книгу. С фотографии размером в четверть обложки улыбался Коннор — в своей странной меланхоличной манере, которую Марк хорошо знал. Это непредвиденное столкновение «лицом к лицу» с образом друга привело Марка в волнение.

Они были родственные души. До его «схождения в ад» они все делали вместе. Почему он не позвонил ему, чтобы сообщить новости о Лейле? Почему он даже не подумал об этом?

— Это моя любимая книга, — пояснила Эви. — А вы ее читали?

— Она написана моим лучшим другом, — признался Марк.

— Вашим лучшим другом? Так это вы Марк, которого он так часто упоминает?

— Да, мы вместе выросли, в одном и том же квартале Чикаго.

— Я знаю.

— Почему ты сказала, что это твоя любимая книга? — поинтересовался Марк.

— Потому что она мне помогла. Глупо, конечно, так думать, но мне кажется, что она написана для меня.

— Это, несомненно, самый большой комплимент для автора, — заверил ее Марк.

— Но... я все время спрашивала себя... — начала Эви.

— Что?

— То, что он рассказывает в книге, — правда?

— Да, — подтвердил Марк.

Однако после паузы уточнил:

— Но это не вся правда.

Эви нахмурилась:

— То есть?

— Есть важные вещи, о которых Коннор не мог рассказать.

— Почему?

Марк посмотрел Эви прямо в глаза. Иногда он чувствовал, что способен понять человека за долю секунды. Сейчас, по крайней мере, он был в состоянии определить: можно ли ей доверять.

Она из наших, — успокоил его внутренний голос.

— Почему он не все рассказал? — настойчиво повторила Эви.

— Чтобы не попасть в тюрьму, — ответил Марк.

19

Марк и Коннор

Воспоминание первое

Ноябрь 1982 года

Пригород Чикаго

Марку и Коннору десять лет

Квартал Гринвуд на чикагском Сауф-Сайде^[66] — средоточие нищеты и насилия. На много километров растянулся безрадостный пейзаж: выщербленные тротуары, брошенные дома, каркасы обугленных машин, замусоренные пустыри. Магазинов почти нет: только несколько словно находящихся в осаде бакалейных лавок за железными решетками, один супермаркет, один банк и ни одной больницы. Процвечают только ларьки, торгующие алкоголем.

Это разбомбленный Багдад в самом центре Америки.

В Гринвуде почти все черные. И почти все бедные. Уже давно все, кто смог, убежали из этого безнадежного места, которое, казалось, разлагалось на корню.

Маленький Марк Хэтэуэй живет с отцом, который работает сторожем в государственной школе этого негритянского гетто. Мать бросила их, когда мальчику было три года. Когда он спрашивал отца: «Почему мама оставила нас?», тот неизменно отвечал ему: «Потому что она была несчастна».

Да, она была несчастна в этой школе-крепости. Действительно, это место походило на военный гарнизон: замурованные окна, бронированные двери и металлодетекторы, каждое утро издававшие тревожный звон, обнаруживая то винтовку, то нож. Повсюду орудовали банды. Для поддержания порядка были задействованы отряды, набранные из родственников и полицейских на пенсии, но это не помогло. Многие дети приходили в школу, терзаясь страхом. Многие уже были свидетелями перестрелок, убийств и страдали нервными посттравматическими расстройствами.

* * *

Семь часов вечера. Зима. В школе ни души. В одной классной комнате на последнем этаже только что зажегся свет.

Марку десять лет. Он направляется в глубину комнаты к маленькой, находящейся у стены библиотеке. По правде говоря, библиотека — это громко сказано, так как это все лишь маленькая этажерка из клееной фанеры, где стоит с десяток романов, купленных по дешевке. Каждый вечер, после того как его отец принимался за свое пиво, Марк приходил сюда доделывать домашние задания. Ему нравилась тишина. После трех-четырех «Будвайзеров» его отец обычно начинал сыпать оскорблениями в адрес Рейгана, Конгресса, муниципалитета, черных, азиатов, латиноамериканцев. Он поносил свою бывшую жену, а под конец — все общество в целом, обвиняя всех скопом в том, что лично он беден и несчастен...

Марк пальцами пробежал по романам, выстроенным в ряд на полке, и нашел то, что искал: «Убить пересмешника».

Он уже прочитал двести страниц этого романа, но книга ему так понравилась, что он заставляет себя читать только одну главу за вечер, чтобы продлить удовольствие. Это потрясающая история о том, как некий адвокат, один, без жены, воспитывает двоих детей в маленьком городке Алабамы в период Великой депрессии 30-х годов. Жизнь адвоката течет размеренно — до того самого момента, как однажды по долгу службы ему приходится защищать чернокожего, несправедливо обвиненного в изнасиловании белой девушки. Несмотря на нетерпимость и предрассудки своих сограждан, адвокат пытается докопаться до истины...

Марк садится за парту, достает из бумажного пакета сэндвич с арахисовым маслом и погружается в чтение. Эта книга — бальзам для сердца, она позволяет ему надеяться, что интеллект и порядочность могут победить насилие и глупость.

Интеллект...

С некоторых пор он понял, что *этим* его природа не обделила, хотя в школе он учится средне. В его классе не любили слишком хороших учеников, их регулярно избивали на переменах. Поэтому Марк решил скрывать свои способности, делая вид, что уподобляется стаду. А втихую заняться самообразованием.

Вдруг в тишине классной комнаты он слышит глухой шум, какое-то шевеление. Забеспокоившись, Марк поднимает голову. Что это — канализационные трубы? Крыса? Звуки идут из кладовки, где учитель хранит материалы для уроков рисования. Охваченный страхом и любопытством, Марк колеблется несколько секунд и наконец решается

сдвинуть дверь. В глубине шкафа он обнаруживает лежащего мальчика примерно одного с ним возраста. С опаской тот выходит из своей норы и опрометью бросается к двери. Он боится — все здесь пропитано страхом, он поражает всех и лишает дара речи. Однако, добравшись до двери, мальчик оборачивается, какое-то мгновение дети смотрят друг на друга удивленно.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Марк.

Марк никогда с ним не разговаривал, но уже видел его раньше: странный одинокий ребенок с манерами инопланетянина. И, кажется, он даже знает, что его зовут Коннор.

— Я спал, — отвечает он.

Мальчик — вылитый Гекльберри Финн конца XX века: волосы торчком, худой, в грязной и слишком маленькой для него одежде. Коннор собирался уже удрать, и тут Марк спросил его:

— Хочешь есть?

Уже тогда он был наделен своего рода интуицией, позволяющей ему инстинктивно догадываться о том, что беспокоило других.

— Немного, — признается Коннор после паузы.

По правде говоря, он ничего не ел с самого утра. В последней приемной семье ему живется тяжело: унижения и лишения в порядке вещей. Они называют это «учиться жизни».

А ее у Коннора и не было, но он знает, что такое жизнь. Новорожденным его бросили родители. Переходя из одной семьи в другую, он все пережил, все испытал. Но неприятности словно соскальзывали с него, не причиняя страданий. Он нашел защиту от них, взяв привычку укрываться в собственном внутреннем мире, ключи от которого были только у него одного.

— Держи, — говорит Марк, протягивая ему половину сэндвича.

Растерявшись, Коннор медлит, ведь он привык полагаться только на себя. Он был лишен любви и ласки и обычно никому и ничему не доверял.

Он смотрит Марку в глаза, и что-то происходит в этот момент: безмолвное взаимопонимание и обещание дружбы. Коннор хватает половину сэндвича и садится рядом с Марком около стены.

И они опять становятся обычными детьми.

1982, 1983, 1984...

Навсегда, на всю жизнь...

Марк и Коннор теперь каждый вечер вместе, в этой самой классной

комнате. За ее стенами — хаос, наркотики, горящие машины, истребляющие друг друга банды и переходящее из рук в руки оружие. А здесь — тихая гавань, здесь им не страшно. Неделя за неделей, месяц за месяцем они учатся понимать друг друга и доверять.

Марк обладает интуицией, настойчивостью и умеет сопереживать, но эти качества более всего делают человека слабым и уязвимым.

Коннор спокойный, серьезный и очень скрытный. Он уже сейчас озабочен поисками абсолюта.

Оба решают объединиться в борьбе с превратностями судьбы.

Они вместе делают уроки, читают книги, слушают музыку, а иногда с удивлением ловят себя на том, что... смеются.

Впервые они открывают для себя: жизнь — это не только страдания и одиночество.

Впервые в жизни они понимают: отношения между людьми опираются не только на насилие.

Они обретают друг в друге духовную защиту, уверенность и силу.

Силу, которая всегда пребудет с ними.

* * *

Февраль 1984 года

В Чикаго шесть часов утра, а небо уже начинает голубеть. Как всегда, Коннор просыпается от холода. Он спит в столовой, матрас прямо на полу, без простыней. Мальчик встает, бредет на кухню, умывается и уходит из дома, не дожидаясь, когда проснутся остальные. Город холоден, словно хрусталь. Наиболее удобный путь к школе — надземное метро, там, внизу, около его дома. Но станция закрыта. Надеются, что это поможет в борьбе с преступностью. Это одна из особенностей Гринвуда, здесь и автобусы ходят только в сопровождении полицейских. Поэтому Коннор идет по улицам пешком, собирая на ходу пустые алюминиевые банки. Он продаст их потом за несколько десятков центов штука. Иногда ему случается проводить вечера со своими ровесниками около заправок Сауф-Сайда, предлагая клиентам залить бензин, помыть машину либо протереть ветровое стекло. Он выручает за это несколько долларов.

Постепенно он научился понимать жизнь квартала: это насилие, беспредел и неписанные правила. Увы, можно знать, но никогда не смириться с ними.

Когда он добирается до 61-й улицы, солнце только что встало, а Гайд-парк уже залит его лучами. Это странное место: здесь — все еще гетто, но и престижный Университет Чикаго тоже здесь. Он совсем рядом. Здесь учатся студенты из богатейших семей, год учебы стоит тридцать тысяч долларов. Гетто и университет: третий мир и «храм знаний» в нескольких десятках метрах друг от друга...

Каждый раз, пересекая эту улицу, Коннор бросает взгляд на запад, в сторону университетского городка. Почему жизнь такая разная по разные стороны забора? У одних — такая легкая, а у других — такая трудная? Есть ли во всем этом смысл, логика? Может быть, это Бог подвергает нас испытаниям?

Коннор ни черта в этом не понимает. Он уверен только в одном: в нем есть сила, которая поможет ему перейти на «другую сторону». Однажды он и Марк покинут этот квартал.

Но куда идти?

И что делать?

Этого он еще не знает, но в его сознании уже начинает рождаться ответ: помогать таким, как он.

* * *

Август 1986 года

Марку и Коннору четырнадцать лет

— Двадцать очков у каждой команды!

На баскетбольной площадке, изнывая от жары, Марк и Коннор, голые по пояс и блестящие от пота, обсуждают результаты ожесточенной схватки. Из поставленного прямо на землю мощного радиоприемника с ободранными колонками звучит «*Living in America*» — последний хит Джеймса Брауна.^[67]

Коннор ведет мяч, а затем пытается попасть в корзину из неудобной позиции. Мяч отскакивает от металлического обруча, зависает на мгновение над ним, но не попадает. Марк подхватывает мяч и акробатическим гасом выигрывает партию, а затем исполняет танец индейцев племени сиу прямо перед товарищем, подтрунивая над ним.

— Я дал тебе выиграть! — настаивает Коннор.

— Ну, да! А ты видел этот гас а ля Маджик Джонсон?^[68]

Без сил оба плюхаются возле решетки. Нагревшаяся на солнце бутылка кока-колы переходит из рук в руки.

Они молчат некоторое время, а затем начинают обсуждать свою излюбленную тему: как выбраться из гетто?

С некоторых пор это их навязчивая идея. В Сауф-Сайде нет будущего, нет перспектив. Единственное, что им остается — выживать либо уезжать.

Марк и Коннор мечтают получить стипендию для поступления в один из колледжей, расположенных в деловой части города. У них хорошие отметки, но этого недостаточно. Жалкая репутация их школы не забывается.

Они быстро сообразили, что проблему решить могут только они сами и нечего ждать помощи от социальных учреждений. Но для начала нужны деньги, много денег. И единственная возможность заработать их — наркотики.

В их квартале эта дрянь повсюду. Власть, бизнес, социальные отношения строятся на торговле наркотиками. Они властвуют над всеми. Почти в каждой семье есть либо наркоман, либо дилер. А за наркотиками следуют четыре всадника Апокалипсиса: насилие, страх, болезнь и смерть. Даже некоторые полицейские не пренебрегают этой деятельностью: часть конфискованных доз они перепродают, а часть оставляют для собственного употребления.

Марк и Коннор знают, что ловкий торговец зарабатывает несколько тысяч в неделю. Некоторые их товарищи уже бросили школу, предпочтя влиться в банды и заняться этим прибыльным делом. И вот так, помимо их воли, однажды идея вызревает в сознании.

— Почему бы нам не заняться этим? — изрекает Марк.

— «Этим» — чем? — спрашивает Коннор, помрачнев.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Мы умные и находчивые. Мы можем обратить в свою пользу эту систему. Жарго уже предложил нам работать на него. Ты знаешь, сколько выходит за неделю?

Коннор нервничает:

— У меня нет желания сидеть, уткнувшись носом в кокаин.

— Я говорю о торговле, а не об употреблении. Если мы не попадемся, за два года можно заработать на учебу. Это ведь уважительная причина.

— Я не думаю, что это хорошая идея.

— Мы не первые! А знаешь, чем занимался папаша Кеннеди во время сухого закона? Он нелегально ввозил спиртное. Вот так он сделал себе состояние. Только благодаря этому его сын стал президентом и мы

получили гражданские права!

— Ты все валишь в одну кучу!

На это раз уже Марк вышел из себя:

— Ну, в таком случае придумай что-нибудь другое, чтобы выбраться отсюда! Как еще мы сможем учиться? Еще два года здесь — и мы отправимся либо на кладбище, либо в тюрьму!

— У меня нет чудо-решения, — признается Коннор, — но если мы откажемся... — Неожиданно его голос дрожит от охватившей его застенчивости. Он молчит, а затем заканчивает фразу, глядя в глаза своему другу: — Если мы откажемся от наших моральных ценностей, мы отступимся от всего.

Марк хочет ответить, но вместо этого сжимает кулаки, поворачивается лицом к решетчатой ограде и колотит в нее изо всех сил.

Стыд и гнев обуревают его, он зол на себя за то, что мысль о торговле наркотиками могла прийти ему в голову.

Понимая, что Марк в отчаянии, Коннор кладет ему руку на плечо.

— Не расстраивайся, — успокаивает он его, стараясь говорить как можно убедительней, — вот увидишь, однажды нам повезет. Я не знаю как, но клянусь тебе: мы выберемся отсюда!

* * *

13 октября 1987 года

19 часов 36 минут

Сидя по-турецки с книгой на коленях, руками зажимая уши, Коннор пытается не обращать внимания на творящийся вокруг него хаос. Но сконцентрироваться невозможно! Вокруг столько шума: в комнате отдыха орет телевизор, который никто не смотрит и никто не выключает, музыка в комнатах, крики дерущихся и обзывающих друг друга детей...

Негде заниматься. Негде укрыться от шума. Классная комната, в которой они с Марком делали уроки, теперь недоступна. Однажды слишком усердный ночной сторож выгнал их оттуда.

Потеряв терпение, Коннор вываливается из квартиры, хлопая дверью. Выходит на лестничную клетку, но не задерживается там: это место облюбовали торговцы наркотиками. В конце концов он устраивается в камерке для мусора, где стоят металлические контейнеры. Место темное и холодное. Коннор осматривает каждый бак и, выбившись из сил, наконец

находит пристанище возле одного из них, пустого и не так дурно пахнущего. Есть от чего прийти в отчаяние, когда ты вынужден делать уроки среди помойных баков! Однако он поклялся себе никогда не сдаваться и продолжать учиться. Кто знает, а вдруг однажды удача все изменит...

Он быстро погрузился в чтение книги, которую ему посоветовал учитель: «Народная история США» Говарда Зинна.^[69] Захватывающая панорама исторических событий в США, основанная на свидетельствах угнетенных этносов: индейцев, рабов, военных дезертиров времен войны Севера и Юга, рабочих текстильных фабрик. Написано так, что понимаешь: история глазами людей часто отличается от официальной версии из школьных учебников.

Поглощенный чтением, Коннор не услышал шума приближающихся шагов. Подняв голову, он увидел, что два каких-то малознакомых типа подошли вплотную. Это были главари одной из мелких банд его квартала. Они усмехались:

— НУ, ЧТО, ПЕДРИЛА, КОПАЕМСЯ В ОТБРОСАХ?

Коннор одним прыжком выпрямился и попытался убежать, но слишком поздно! Бандиты хватают его и бросают в контейнер.

— А ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ С ОТБРОСАМИ? — спрашивает голос, звучащий над ним.

Коннор пытается встать, подносит руку к своему лицу — она вся в крови.

— МЫ ИХ СЖИГАЕМ! — вопит один из них.

Коннор поднимает голову на своих мучителей. У них в руках канистры с бензином, и не успевает мальчик даже вскрикнуть, как его тело и ноги уже облиты.

— А не хочешь ли огоньку? — предлагает один из бандитов, чиркая спичкой.

В смертельном ужасе Коннору хочется думать, что они только пугают его, но он хорошо знает, что для таких подонков человеческая жизнь — ничто.

И спичка падает на него сверху. Бензин моментально вспыхивает. Коннор видит, как его тело превращается в факел, а крышка мусорного бака с тяжелым грохотом захлопывается.

Он задыхается, бьется внутри металлической клетки, пытаясь выбраться наружу. И контейнер... переворачивается, высвобождая Коннора, но языки пламени продолжают пылать, причиняя невыносимую боль. Он беспорядочно мечется, врывается во двор дома, катается по земле,

пытаясь погасить пламя...

Пелена заволакивает его глаза.

Вот как обернулась удача. Не так, как надеялся он.

В одно мгновение он осознает, что его жизнь изменилась и ничто никогда уже не будет по-прежнему.

Потом он теряет сознание.

Ему пятнадцать лет.

Он всего лишь хотел сделать домашние задания.

20

Марк и Коннор

Воспоминание второе

13 октября 1987 года

21 час 18 минут

Не останавливаясь на светофорах, под вой сирены «Скорая» влетает на стоянку службы неотложной помощи Чикагской пресвитерианской больницы. Коннор без сознания лежит на носилках, его немедленно обмывают водой, чтобы охладить обожженные участки. К его коже прилипли куски обгоревшей одежды, чтобы их удалить, потребуется наркоз. После интубации^[70] врачи «Скорой помощи» под капельницами везут его в отделение для больных с тяжелыми ожогами. Там его передают доктору Лорене Мак-Кормик.

Она начинает первичный осмотр: пятьдесят процентов поверхности тела поражено: обе руки, обе ноги, вплоть до грудной клетки — сплошная рана. Нижняя часть шеи и правая рука затронуты также. Некоторые из ожогов — глубокие и сопряжены с опасностью для жизни. Каким-то чудесным образом огонь пощадил лицо.

Лорена и бригада врачей подключают Коннора к аппарату искусственного дыхания для поддержания общего обезболивания. Далее — курс лечения антисептическими ваннами и антибактериальными средствами. Но прежде ожоги покрывают стерильными компрессами, сменяемыми на протяжении всей ночи — для максимального увлажнения и обеззараживания.

Превращенный в мумию, обвешанный капельницами, обложенный компрессами Коннор с закрытыми глазами лежит в больничной тишине.

Лорена Мак-Кормик молча смотрит на него.

Этот мальчик годится ей в сыновья.

Время ее работы давно истекло, но она не может решиться покинуть палату. Мир вокруг нее кажется все более и более враждебным, бесчеловечным и жестоким. Ей только что исполнилось 44 года, и она знает, что никогда не станет матерью. И во всем виновата ее карьера, заменившая ей любовные свидания, а также вечный непреодолимый страх,

что она не сможет защитить свое дитя в этом обезумевшем мире.

Она сидит, глубоко задумавшись, как вдруг дверь широко распахивается, и в палату врывается подросток.

— Можно мне увидеть его, это мой друг! — кричит Марк, а охранник, вбежавший следом, в три раза превосходящий его по весу чернокожий великан, хватает его за шею.

Лорена вмешивается и убеждает представителя службы безопасности отпустить молодого человека.

— Это мой друг! — повторяет Марк, протискиваясь к кровати Коннора.

— Где его родители? — спрашивает Лорена. — Ты знаешь их?

— У него нет родителей.

Лорена подходит к Марку.

— Я доктор Мак-Кормик, — объясняет она. — Это я лечила твоего товарища.

— Он умрет? — спрашивает Марк со слезами на глазах.

Лорена подходит к нему ближе и видит мольбу в глазах мальчика.

— Он умирает? — вновь повторяет Марк. — Скажите мне правду, пожалуйста.

— Он в критическом состоянии... — признается Лорена.

Она молчит несколько секунд, затем уточняет:

— ...но, может быть, он поправится.

Она рукой указывает Марку на стул и приглашает сесть.

— Ты хочешь знать правду? Ну, тогда слушай: у твоего друга обожжено более половины тела. В течение двух дней мы продержим его на аппарате искусственного дыхания. Это означает, что он погружен в сон и не страдает. Он молодой и у него хорошее здоровье, у него нет ожогов дыхательных путей, и он не вдохнул токсичный газ. Это все — хорошие новости.

— А плохие?

— Существует опасность инфицирования ран. Когда у человека обожжена кожа, она не защищает его от бактерий. И тогда организм лишен средств защиты от мощного нападения микробов. У твоего друга могут возникнуть осложнения: ухудшение состояния ран или сепсис. Это...

— ...заражение крови, я знаю, — вставляет Марк.

— В общем, надо набраться терпения и усердно молиться, чтобы все было хорошо.

— Я не верю в Бога, — заявляет Марк. — А вы, вы верите?

Лорена смотрит на него растерянно:

— Я... я уже не знаю.

— Я буду верить в вас, — решает Марк, — спасите его, я умоляю.

* * *

В сознании Коннора

Между жизнью...

...и смертью

Я лечу.

Нет, я падаю. Вечно длящееся свободное падение к небесам.

Я легкий. Я встаю. Я скольжу по ватному ковру. Я плыву в лучах света.

Мне хорошо.

Я все вижу. Я все понимаю.

Как будто все уже написано.

Как будто все имеет один смысл: Добро, Зло, Страдание...

Мне хорошо.

Но я знаю, что это ненадолго.

И я знаю, что все забудется.

* * *

15 октября 1987 года

Сейчас, когда критический период первых часов прошел, Лорена Мак-Кормик приступает к срочному иссечению поврежденных тканей. Тело Коннора очищено от струпьев. Висящую клочьями, задубевшую кожу заменила сочащаяся сукровицей шкурка. Пока сложно дать точную оценку глубины поражения тканей. Клиническое состояние пациента стабильно, но еще остается реальная опасность развития сепсиса и пневмонии.

Лорена скальпелем делает надрезы на грудной клетке и шее подростка, чтобы избежать напряжения отечных тканей и углубления некроза. Затем она срезает пару квадратных сантиметров кожи с нижней части ягодиц Коннора. Она пошлет этот образец в лабораторию Бостона, где два года назад была разработана методика выращивания клеток на базе маленького кусочка кожи. Технология еще на стадии эксперимента, но Лорена хочет

рискнуть, хотя знает, что лечение займет годы, а последствия могут быть серьезными.

Наконец она решает уменьшить дозу седативных препаратов — для того, чтобы Коннор постепенно начал приходить в сознание.

* * *

*В сознании Коннора
Между жизнью...
...и смертью*

*Я все лечу, но уже не так быстро, не так стремительно.
Постепенно мое тело становится тяжелым, как свинец.
Я покидаю высоты, чтобы вернуть себе ощущения земные.
Я опять боюсь. Страдать. Умереть.
Вокруг меня облака теряют свою белизну и превращаются в
пурпурный туман, обжигающий, удушающий.
Как мне больно. Я пылаю.
Теперь все красное, вокруг меня лава, все плавится.
Все так мучительно.
Конец путешествию. Я открываю глаза и...*

* * *

16 октября 1987 года

Коннор открывает глаза. Он в огромной и светлой палате отделения тяжелых ожогов. В голове гудит глухой смутный шум. Он пытается пошевелиться, но сразу понимает, что не стоит этого делать. Он наклоняет голову и обнаруживает свое упакованное в повязки тело. В одно мгновение в его сознании всплывает воспоминание о пережитом, и он погружается в кошмар.

— Привет, старик, — произносит Марк взволнованно.

— Здравствуй, Коннор, — приветствует его Лорена. — Как ты себя чувствуешь?

Мальчик смотрит на нее, открывает рот, но не может ответить.

— Не беспокойся, — успокаивает его Марк, — тебя будут хорошо

лечить.

* * *

17 октября 1987 года

Лорена с помощью медсестры снимает одну из повязок, покрывающих грудную клетку ее молодого пациента. Коннор сам попросил ее об этом — «посмотреть». То, что он видит, вызывает у него отвращение. Если в начале у него и были робкие попытки изображать из себя мужчину, то при виде всего этого они мигом испарились. Теперь ему кажется, что он стал чудовищем, своего рода Elephant Man,^[71] гниющим заживо. Ему хочется плакать. Он в отчаянии. Сможет ли он когда-нибудь стать прежним?

— Это нормально, что тебе страшно, — говорит ему Лорена.

Коннор еще не слишком хорошо представляет себе, что ему думать об этой женщине-враче. Она порой бывает резка, а иногда и вовсе не церемонится с ним, когда ей нужно что-то сделать. Но похоже, что Марк ей доверяет. Друг даже заверил его: «Она из наших».

— Я сейчас объясню, — начинает Лорена, садясь у кровати. — Мы сделали тебе пересадку кожи животного происхождения на самых глубоких повреждениях.

— Кожу животного?!

— Да, кожу свиньи, это общепринятый метод. Иммунная защита твоего организма отторгнет ее, но некоторое время она послужит тебе в качестве биологической повязки, чтобы избежать инфекции.

— А потом?

— Потом попробуем пересадить тебе кожу человека.

— А где вы ее возьмете?

— У тебя. Это называется аутопластика. Тонким лезвием я сниму некоторые участки кожи в тех местах твоего тела, где она не пострадала. А затем я пересажу ее на поврежденные зоны.

— Но ее будет недостаточно! — восклицает Коннор. — Я весь обгорел!

— Ты должен доверять мне, — настаивает Лорена.

— Как я могу доверять вам, если вы скрываете от меня правду?

— Ты прав, — соглашается врач, — ее будет недостаточно. Вот поэтому я отправила образец твоих клеток в лабораторию Бостона, где они будут размножены для получения большей поверхности твоей собственной

кожи. Ты понимаешь?

— Я понимаю, что я сдохну.

* * *

Ноябрь 1987 года

Первая пересадка.

Невыразимое, не поддающееся обезболиванию страдание.

Правая рука Коннора зажата шиной, шея заключена в ортопедический аппарат.

Марк каждый день навещает его. Он читает ему «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма — о беспощадной мести человека, ставшего жертвой предательства и упрятого в тюрьму на пятнадцать лет.

Беспощадная месть...

* * *

Рождество 1987 года

Коннор такой худой, что на него страшно смотреть.

А разве такое бывает: потерять пятнадцать килограммов за два месяца?

Лорена объясняет ему, что, несмотря на введение значительного количества калорий, пациенты с тяжелыми ожогами подвержены внутреннему катаболизму,^[72] истощающему организм и делающему их уязвимыми для инфекций.

Его правая рука глубоко поражена.

25 декабря ему вынуждены ампутировать палец.

Счастливого Рождества!

* * *

Январь 1988 года

С момента нападения полицейские приходили допрашивать его только

один раз. Он все им рассказал. Он сообщил им даже имена и адреса, но ничего за этим не последовало.

Марк провел собственное расследование: два наркодилера до сих пор околачиваются в квартале, даже не думая скрываться или хотя бы вести себя осторожнее.

* * *

В голове у Коннора зарождается мысль.
Мысль о беспощадной мести.

* * *

Февраль 1988 года

В некоторых местах трансплантаты не приживаются.
Плоть остается без кожи.
Нужно все начинать сначала.

* * *

Его правая рука не действует. Он вынужден пользоваться левой, чтобы писать.

Он часами рисует в блокноте эскизы и портреты, чтобы натренировать эту руку.

Всегда одно и то же лицо. Лицо, которое его успокаивает.
Лицо женщины, возникшее неизвестно откуда.
Женщины, которую он еще не знает.

* * *

Весна и лето 1988 года

Пересадка следует за пересадкой, и постепенно кожа рождается заново на месте переплетения шрамов. Пока ее приходится прижимать с помощью

эластичных тканей.

С некоторых пор Коннор возобновил свои занятия, он получает заочное образование, организованное для молодежи, находящейся в больничных условиях. Продолжает развивать себя. Это единственное, что успокаивает его, кроме постоянного присутствия Марка.

* * *

Осень 1988 года

Ожоги на ногах все еще вынуждают его лежать.
Вот уже год, как он пребывает в состоянии нестерпимых мучений.
Ни единого дня без боли.
Ни единой ночи без кошмаров.
Только убежденность в том, что после такого ты становишься другим.
Не становишься лучше.
Но становишься сильнее.

* * *

*Декабрь 1988 года
Рождественское утро*

Лорена Мак-Кормик открывает дверь палаты Коннора. За последние четырнадцать месяцев впервые его кровать пуста. Накануне мальчика перевели в центр реабилитации, что на другом конце города, но выписку курировала не она.

Лорена неподвижно стоит несколько минут в холодном голубом свете, разлитом в комнате. Иногда, когда один из ее пациентов покидает ее отделение, она чувствует глубокую опустошенность. И сегодня именно такой случай. На подушке она нашла конверт, оставленный для нее Коннором. На нем сначала было написано — «Доктору Мак-Кормик», а затем зачеркнуто и подписано просто: *Лорене*.

Она кладет конверт в карман халата, чтобы открыть его дома.

Ящик его ночного столика переполнен листочками. Лорена рассматривает их: десятки рисунков, на них — одно и то же лицо, как наваждение, — облик молодой женщины, которую она не знает.

Она долго всматривается в эскизы.
Затем она решает поместить их в историю болезни Коннора.
А вдруг однажды она что-нибудь об этом узнает.

Июнь 1989 года

Коннор получает аттестат об окончании средней школы.
Он покидает реабилитационный центр и переселяется в общежитие для молодежи.

В течение шести месяцев он постоянно ходит на сеансы лечебной гимнастики и массажа, чтобы восстановить подвижность конечностей. Его шея и грудь красно-фиолетового цвета. Шрамы заживают, стягивая ткани, и это вынуждает его выполнять только самые простые действия: ходить, питаться, садиться, писать...

Но другие шрамы, невидимые, горят в его душе и причиняют ему иные страдания.

Впервые за два с половиной года он выходит на улицу.

Его пугает все: машины, люди, жизнь... Он вздрагивает от малейшего шума.

Все движется слишком быстро. Вокруг только агрессия.

Чтобы унять боль, он уверяет себя, что существует только одно средство — беспощадная месть.

* * *

Октябрь 1989 года

Ему понадобилось немного времени, чтобы найти их: оба наркоторговца устроили себе пристанище в заброшенном здании за железной дорогой. Несколько дней подряд он следил за ними, изучая их привычки и собирая сведения. За два года оба преуспели. Они теперь не перекупщики второго ранга, а настоящие воротилы, контролирующие жирный кусок героинового бизнеса в Южном квартале. Так как они редко перемещались в одиночку, Коннору пришлось дожидаться удобного момента для осуществления своего замысла.

И этот момент настал однажды вечером.

Он увидел, как оба парня выходят из бара. Они были пьяны. На парковке они уселись в старый «Мустанг» красно-коричневого цвета.

Коннор пропустил их вперед, предпочитая следовать за ними пешком, чтобы испытать себя в движении.

Когда он наконец добирается до разрушенного здания, уже два часа ночи. Коннор входит в вестибюль, где выдраны все почтовые ящики. В темноте он поднимается по лестнице. Он больше не испытывает страха. Он останавливается перед дверью, которая, казалось, вибрирует: так громко звучит музыка по ту сторону двери. Ударом ноги он распахивает дверь — жестом, который он сотни раз отрабатывал в центре реабилитации.

Оба негодяя, сидя на продавленном диване, с изумлением смотрят на него. Они пьяны и накачаны наркотиками до одурения. Коннор продвигается вперед по комнате. Это жалкое помещение, залитое мрачным желтоватым светом. На ящике, служащем низеньким столом, валяются шприцы, пакет с порошком и пистолет с серебристой рукояткой, брошенный на распахнутый, полный долларов, чемоданчик.

Один из дилеров тянет руку, чтобы схватить оружие, но слишком поздно. Коннор опрокидывает чемодан и овладевает револьвером.

Он наводит оружие на торговцев, готовый выстрелить.

Те смотрят на него, недоуменно качая головой.

— Черт, да ты кто? — спрашивает один.

— Кто я?..

Коннор застывает на месте. Эту сцену он проигрывал в голове десятки раз, но не мог представить себе, что бандиты даже не узнают его.

Он кладет руку в карман своей куртки и достает две пары наручников, купленных у продажного полицейского за пятьдесят долларов.

— Пристегнитесь к батарее! — приказывает он.

— Подожди, пого...

Вспышка прерывает фразу торговца. Тот дотрагивается до своего бедра, его рука в крови.

— Пристегнитесь, — повторяет Коннор.

Преступники повинуются, пристегиваются наручниками к чугунной батарее, уже давным-давно не дающей тепла.

Кто я?

Коннор выключает приемник, плюющийся агрессивным рэпом.

Кто я?

Он снимает куртку и расстегивает рубашку.

Он стоит с голым торсом перед ними — теми, кто хотел уничтожить его. Он демонстрирует им свои ожоги, словно в священном первобытном обряде.

В глазах обоих — полное непонимание. В их взглядах сквозит страх и

ошеломление.

Коннор выходит в коридор, берет принесенную канистру бензина и возвращается в комнату.

Кто я?

Теперь роли поменялись.

Жертва стала палачом, а палачи жертвами.

Добро становится злом, зло становится добром.

— *Кто я?* — спрашивает он себя, выливая бензин на своих бывших мучителей.

Они вопят, но он не слышит. Он слышит другие крики, которые эхом взрываются в его голове:

— НУ, ЧТО, ПЕДРИЛА, КОПАЕМСЯ В ОТБРОСАХ? А ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ С ОТБРОСАМИ? МЫ ИХ СЖИГАЕМ!

«*Кто я?*» — задает он вопрос себе, чиркая спичкой.

В тот момент, когда огонь начинает разгораться, он вспоминает слова, сказанные им когда-то Марку: если мы отказываемся от наших моральных принципов, мы отрекаемся от всего.

В ту же ночь

5 часов утра

Красно-коричневый «Мустанг» припарковывается у тротуара, рядом с муниципальной школой.

Из машины выходит Коннор, подбирает горстку гравия и кидает в одно из окон квартиры сторожа.

Не проходит и нескольких секунд, как появляется голова Марка.

— Что творишь, Коннор? Ты знаешь, который час?

— Одевайся, Марк. Бери портфель, деньги и документы.

— А зачем?

— Потом объясню.

Через пять минут Марк уже стоит рядом с Коннором.

— Что случилось? — спрашивает он. — С тобой что-то не так.

— Садись, — приказывает Коннор, указывая на «Мустанг».

— Но чья она, эта машина?

— Быстрее. Я объясню тебе по дороге.

Коннор садится за руль и направляется в сторону центра города. Проходит пять минут, он поворачивается к Марку и спрашивает его:

— Ты помнишь, как я тебе говорил, что однажды тебе повезет и ты выберешься отсюда и будешь учиться?

— Конечно, помню.

— Ну вот, сегодня вечером удача на твоей стороне, — говорит он, протягивая другу металлический чемодан, отобранный у дилеров.

Марк открывает его и издает протяжный свист.

— Откуда все эти деньги?

— Это тебе на учебу.

— Но...

— Послушай, у нас мало времени, не осложняй ситуацию.

Коннор шарит в кармане и протягивает ему билет на поезд.

— Я отвезу тебя на Грэнд-сентрал. Поезд в Нью-Йорк отходит в шесть пятнадцать. Ты берешь деньги с собой, и ноги твоей здесь больше никогда не будет. Понял?

— А ты? Когда ты приедешь ко мне?

— Никогда, — отвечает Коннор, въезжая в подземную стоянку вокзала.

* * *

6 часов утра

Мальчики сидят рядом в машине на платной стоянке.

Коннор только что закончил свой рассказ. Марк в состоянии шока.

— Ты должен идти, — говорит Коннор, глядя на часы. — Поезд сейчас отправится.

— А ты, что ты собираешься делать? — спрашивает потрясенный Марк.

— Я сдамся полиции, — отвечает он, выходя из «Мустанга».

Марк тоже выскакивает и хватается друга за руку.

— Я не уеду без тебя!

— Кончай ныть! — прикрикивает Коннор. — Мне не уйти, это все, конец. Я повсюду оставил следы. Не пройдет и двух часов, как полицейские выйдут на меня.

— Это как сказать, — возражает ему Марк, — огонь, он уничтожает все. А потом, эти типы... Кто будет о них сожалеть? Никто! Полиция посчитает, что это сведение счетов между бандами, и все.

Мальчики стоят на платформе вокзала. Несмотря на раннее утро, пассажиров много, все торопливо движется по перронам.

— Давай, — говорит Коннор, — удачи тебе, старина.

— Едем со мной! — кричит Марк, залезая в вагон. — Мы всегда говорили, что будем вместе.

Он хочет добавить еще что-то, но его голос перекрывает пронзительный свисток, объявляющий о немедленном отправлении поезда.

Стоя на перроне, Коннор кричит:

— Послушай, Марк, ты должен быть сильным. Ты можешь начать новую жизнь, но для меня уже слишком поздно, у меня ни на что нет больше сил, я уже ничто.

— Это пройдет, я помогу тебе! Мы всегда боролись вместе. Только так мы смогли выстоять!

Начальник вокзала проверяет, закрыты ли двери.

Коннор делает несколько шагов по платформе. Вдруг весь накопленный внутри его страх вырывается наружу. Он чувствует, что дрожит, его бьет лихорадка. Все путается у него в голове. Звуки искажаются, а затем он и вовсе перестает их слышать.

Внезапно наступает полная тишина. Он шатается и падает.

Марк уже на платформе.

Он наклоняется над другом, берет под руки и с силой заталкивает внутрь вагона.

Последний свисток — и поезд трогается, вздыхая и подрагивая.

* * *

Когда состав вышел из вокзала, в него ударили первые лучи солнца. Марк посмотрел в стекло. Пурпурно-оранжевый свет проглядывал сквозь облака.

Всю свою жизнь он будет помнить, каким был цвет неба в то утро.

В то утро, когда они уехали вместе.

*Мы подобны орехам,
Нас нужно вскрыть,
дабы уяснить нашу суть.*

Халиль Джебран

*Сегодня
В самолете
15 часов*

Вдали.

Очень далеко над самолетом плотный слой облаков закрывал пейзаж внизу, еще более отгораживая «Супер-Джумбо»^[73] от земли людей.

Марк никак не мог опаматоваться после своей исповеди.

Путешествие в детство моментально заслонило собой предательство Николь и... повлияло на него благотворно.

Он открыл душу, и ему стало легче.

Теперь, на расстоянии, он лучше видел и понимал пройденный путь. В их прошлом, с интервалом в пятнадцать лет, разорвались две бомбы: сначала в жизни его друга, а затем в его собственной. Одна едва не уничтожила Коннора, сделав из него преступника, другая — похищение Лейлы — довела Марка до саморазрушения, приведшего его на порог смерти. В обоих случаях их спасение не было результатом чего-то особенного: просто борьба — часть удачи.

Эви была очарована рассказом Марка.

В детстве Коннора она уловила отголоски своей собственной истории. В молодости он столкнулся с теми же вопросами, которые сегодня стояли перед ней.

Как пережить боль?

Мсть — лучший ли это ответ на тяжкое оскорбление?

Она придвинулась к иллюминатору: перед ней простирался океан облаков, и Эви охватило чувство бесконечности.

Она закрыла глаза и тоже погрузилась в воспоминания...

Нью-Йорк

Рождественская ночь 2006 года

2 часа 30 минут ночи

Воздух ледяной и колючий.

Окоченевшая от холода, Эви мечется по центру Гринвич-виллиджа. Она с утра ничего не ела, слышно, как урчит живот. Ноют мышцы и суставы, каждый выдох моментально превращается в водяной туман. Она в Нью-Йорке уже три недели, ее жалкие сбережения растаяли, как снег на солнце, в кармане пусто. По приезде она нашла пристанище в убогом отеле Гарлема, затем — в общежитии на Амстердам-авеню, но этим вечером ей негде ночевать. Ей нужно еще дней десять — столько времени понадобится, чтобы убить Крэйга Дэвиса.

Она ходила в больницу, где работал убийца ее матери, но ей сообщили, что врач уехал на новогодние праздники к семье, живущей в Европе, а вернуться намеревался только в первую неделю января.

Ну, что ж, Эви подождет. *Revenge is a dish best savored cold...* [\[74\]](#)

Ее окружали добротные привилегированные дома, люди, живущие в них, заканчивали праздновать Новый год. Из окон доносились обрывки праздничного веселья: музыка, громкий смех. На 6-й авеню она наткнулась на световую рекламу, призывающую: «Впустите в дом дух Рождества!» И дальше: «В этот вечер возможно все!» Она посмотрела на небо. Семья, традиции, надежды — всего этого никогда не было в ее жизни. А этот так называемый «дух Рождества» — чушь, навязанная старыми фильмами. Да он никогда и не существовал! Или давным-давно исчез, уступил место ненасытной гонке потребительства...

Серебристый «Астон-Мартин», сверкая новизной, промчался мимо нее и остановился на красный свет в нескольких метрах поодаль. Когда Эви подошла к нему, она заметила на пустом переднем сиденье небрежно брошенную кожаную сумку. Лампочка индикатора блокировки дверцы не светилась. Девушка остановилась и отступила на три шага назад, чтобы ее

не заметили. В машине, сгорбившись над рулем, сидел мужчина, явно расстроенный. Он тер глаза. Эви трудно было решиться. Она никогда ничего не крала. Но сейчас это казалось так просто: открыть дверцу, схватить сумку и убежать! Такая тачка стоит целое состояние, а кожаная сумка, отделанная знаменитой тканью «Монограмма»^[75] с инициалами LV,^[76] — явно не подделка. Она готова была отдать руку на отсечение, что найдет в ней несколько сотен долларов наличными. И это не считая кучи денег, которую она выручит, продав сумку, если, конечно, все пройдет удачно. На это она сможет прожить по крайней мере недели две.

И осуществить свою месть.

Тип, сидящий в машине, взял мобильный телефон — ему кто-то позвонил. В считанные доли секунды Эви открыла дверцу, схватила добычу и побежала прочь. Через пятьдесят метров она обернулась и скорчила гримасу, думая, что преследователь давно отстал.

К несчастью, он оказался молодым и быстро бегущим.

Да чтоб ты провалился!

А снег все падал крупными хлопьями, и было скользко. Когда Эви поняла, что ее нагоняют, она решила воспользоваться последним шансом — внезапно свернуть на проезжую часть и пройти сквозь машины, рискуя жизнью. Но не тут-то было. Мужчина шел за ней по пятам, и через несколько секунд бросился на нее, грубо прижав к заиндеветой земле. Ее голова ударилась о тротуар, но выпавший снег смягчил удар.

— Отдай! — приказал мужчина, заводя ей руку за спину.

* * *

2:37

— Отпустите меня! — закричала Эви, отбиваясь.

Мужчина завладел сумкой, но и руку по-прежнему держал крепко. Он потащил ее к свету фонаря, и тогда Эви смогла хорошенько рассмотреть его. Это был высокий темноволосый, шикарно одетый тип. Тонкий силуэт и утомленное лицо. Если бы не его грустный взгляд и нахмуренные брови, выдающие обеспокоенность, можно было подумать, что он сошел со страниц последнего каталога Хьюго Босс.

Этот человек... Она уже где-то видела его. Но где?

— Как тебя зовут? — спросил он.

— FUCK OFF! [\[77\]](#)

* * *

2:40

— Послушай, я могу найти тебе на ночь жилье.

— Я хочу исчезнуть, ты понимаешь?

— Я хочу тебе помочь.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи.

* * *

2:42

— Я куплю тебе горячей еды? — предложил он.

* * *

2:43

— Я пошла, не нужна мне твоя еда.

* * *

3:01

Сидя на диванчике из молескина, Эви заканчивала свой гамбургер, глядя через стекло на мужчину, который курил сигарету. Он назвался врачом, а правда ли это? Он говорил, что хочет помочь, но не обманывает ли? У нее было достаточно опыта, чтобы не доверять людям, а в его поведении все приводило ее в замешательство. Она бы очень хотела довериться ему, но слишком опасалась разочарования.

— Ну, как гамбургер? — спросил он, возвращаясь.

* * *

3:14

— Подожди! — крикнул он ей, пытаясь удержать. — Ты не можешь вот так уйти. Холодно, опасно. Я найду тебе пристанище на ночь.

Она смотрела, как он приближался, но лишь покачала головой, даже не удосужившись ответить ему.

— Возьми хоть это, — сказал он, засовывая ей в карман свою визитную карточку. — Если когда-нибудь передумаешь...

Но Эви знала, что этого не будет.

* * *

3:45

Она ушла от него час назад и уже сожалела.

Ей было так холодно, что, казалось, кости стучали друг о друга в ее хрупком теле. Мигрень — ее заклятый враг с малых лет — вновь напомнила о себе с такой силой, что ее затошнило. Пришлось остановиться посреди тротуара: она была так слаба, что не могла двигаться дальше.

Она осмотрела несколько зданий в округе. В некоторых были ночные сторожа, несшие вахту в вестибюле. В других — таких, как это, перед ней их не было, но, несомненно, вход был оснащен кодом доступа. Нет, ничего, она подождет: во многих квартирах сейчас засидевшиеся гости решают наконец распрощаться. Во всяком случае, нечто подобное происходит в 37 по Фэнвит-стрит: три хорошо подвыпившие пары вместе выходят из высотки Парадизио.

Эви придерживает им дверь, и в суете ей удастся обмануть их, заставить поверить, что она здесь проживает. Она делает вид, что вызывает лифт, и, когда они уже достаточно далеко, начинает искать уголок, где можно поспать несколько часов. Она находит укромное место около двери, ведущей в подвал. Там не очень тепло, но это лучше, чем ничего. Эви садится около стены, заворачивается в пальто и закрывает глаза, уносясь мыслями к человеку, которого она только что встретила на своем пути. Как только он заговорил, она сразу почувствовала к нему странную близость, как будто давно его знала. Ни разу в разговоре он не упомянул своего

имени, но Эви помнит, как она вздрогнула, увидев его визитную карточку. Она роется в кармане, достает ее и подносит к глазам. Несмотря на слабое освещение, ей удастся разглядеть имя врача — и она как будто получает удар!

Этот тип и есть Коннор Мак-Кой!

Эви встает, включает фонарик и достает из сумки книгу, которую подобрала однажды ночью в комнате отеля «Оазис» в Лас-Вегасе. С тех пор она всегда носит ее с собой как талисман, способный отвести беду.

«Выжить» Коннора Мак-Коя.

Она смотрит на его фотографию на задней стороне обложки, подтверждающую личность ее таинственного собеседника. Теперь ей понятно, почему его лицо показалось таким знакомым. Вот идиотка! Она упустила единственного человека на этом свете, о котором мечтала. Скорее! Она собирает вещи, твердо решив найти его.

Когда Эви готова уже выйти из здания, она замечает, как у входа останавливается громко ревушая полицейская машина с мигалкой. Она тут же понимает, что это за ней. Жильцы дома, должно быть, услышали шум и позвонили в участок. Привилегия богатых кварталов — NYPD^[78] не станет медлить — тут же присылает наряд.

Действительно, двое вооруженных до зубов полицейских внушительных габаритов выбирают из машины с таким видом, будто приехали на задержание бен Ладана.

— Она здесь! — кричит один из них, направляя фонарь в сторону входа.

Они набирают код и проникают в вестибюль, держа наготове оружие.

— Ну, мисс. Следуйте за нами, и без глупостей.

Знать секреты других — опьяняющая власть.

Майкл Коннелли

*Сегодня
В самолете
16 часов*

Большая часть пассажиров рейса 714 сладко дремала, переваривая поданную в самолете еду: ризотто со сморчками, блинчики с печеными яблоками. Другие — наушники на голове — смотрели фильм или слушали музыкальные программы, предложенные авиакомпанией.

Эви закрыла глаза, ее дыхание стало ровным, и она вслед за Лейлой отправилась в страну снов. Марк ерзал в кресле, то и дело поглядывая на часы. Нетерпение владело им. Он не мог дожидаться, когда же наконец Нью-Йорк, когда же появится возможность проникнуть в тайну непонятного поведения Николь!

Нужно что-то придумать.

Немедленно.

Он высунул голову в центральный проход. Перед ним — два ряда кресел: стресс и галстуки, это служащие компаний, лихорадочно сверяющие биржевые курсы по Интернету. Внезапно Марк вскочил со своего места и пошел по проходу, держа в руке стакан апельсинового сока, из которого Лейла отпила всего чуть-чуть. Добравшись до своей жертвы, Марк притворился, что споткнулся, и опрокинул стакан фруктового сока на рубашку и брюки бизнесмена.

— Вы не могли бы быть повнимательней! — закричал тот, осматривая масштабы нанесенного ущерба.

— Мне очень жаль, — извинился Марк сухо.

Он достал из кармана бумажный носовой платок, но вместо того, чтобы промокнуть жидкость, стал энергично растирать ее по поверхности, увеличивая пятно, которое вскоре стало липким.

— Прекратите! — приказал пострадавший, стараясь поскорее

избавиться от этого растяпы. — Я сам замою водой.

Бизнесмен встал, тщательно вытер несколько капель, упавших на клавиатуру компьютера, и спрятал его в багажную полку. Затем направился к туалету, причитая:

— ...костюм от «Кензо» за тысячу долларов... переговоры с японцами... возможность оптовой скидки...

Марк сделал вид, что продолжает свой путь, но сразу вернулся назад. Большинство штор иллюминаторов было опущено, чтобы лучи оранжевого солнца не проникали внутрь. В самолете царил полумрак, подходящий для сиесты и просмотра фильмов.

Непринужденным движением Марк открыл багажное отделение, достал компьютер и взял его. Он бросил взгляд в глубь самолета. У туалета очередь, и, если немного повезет, у него в запасе около десяти минут, прежде чем этот тип заметит пропажу ноутбука.

Марк вынул компьютер из чемоданчика и осторожно открыл. Он прочитал в брошюрке, розданной пассажирам, что технологический прогресс за последние годы достиг такого уровня, что способен обеспечить беспроводной выход в высокоскоростной Интернет. Марк задействовал программу доступа к ресурсам Сети.

Открылся Google. В поисковую строку Марк вбил «annuaire inverse»^[79] и оказался на одном из сайтов, предложенных оператором. В открывшемся окошке он напечатал номер телефона, по которому ему удалось ранее связаться с Николь. Результата пришлось ждать всего несколько секунд. Ответ ошеломил:

Коннор Мак-Кой, психиатр, доктор наук
Тайм-Уорнер-центр
10, Коламбус-серкл
Нью-Йорк 100119

Так это телефонный номер нового кабинета Коннора! Голос, приказывающий Николь прекратить разговор, был голосом его лучшего друга. Теперь он уверен в этом. Как он мог не узнать его?! И что могла делать его жена у Коннора?

Озадаченный, он посидел несколько минут, не зная, в каком направлении продолжать поиски. Николь использовала для проверки своей почты Hotmail. Он перешел на сайт оператора и набрал «Николь Хэтэуэй» в окошке для поиска.

Мигание курсора призывало его ввести пароль жены, но он его не

знал.

В течение тех лет, которые он прожил с Николь, Марк никогда не ревновал ее. Их совместная жизнь была основана на доверии. Он и не подумал бы покопаться в ее в сумке или выискивать в записной книжке записи ее встреч.

А быть может, надо было...

Он мало понимал в информатике, но точно знал: «Крекинг»^[80] помог бы ему открыть доступ к почте Николь. К сожалению, его не было под рукой. У него была только голова, а этого недостаточно. Даже самый искусный психотерапевт не смог бы проинтуичить пароль, основываясь на простом психоанализе. Во всяком случае, не за пять минут.

Однако Марк решил не отступать и сделать несколько попыток.

Как люди выбирают пароль? Здравый смысл подсказывал: собственные имя и фамилия, имя-фамилия их супруга, их детей, их любимого животного...

Он попробовал поочередно:

николь
хэтэуэй
лейла
марк
пьевакет (кличка их сиамской кошки)

Безрезультатно.

Затем он обратился к цифрам:

06.06.74 (день рождения Николь)
19.08.72 (его собственный день рождения)
15.05.96 (день их встречи)
10.09.96 (день их свадьбы)
11.01.97 (день рождения Лейлы)

Он попробовал без «.», затем поставил «/» вместо точек. Попытался написать годы рождений четырьмя цифрами.

Безуспешно.

Что дальше?

Он попробовал другие данные, пришедшие ему на ум: номера телефонов, машины, социального страхования... Он даже вписал рост своей жены, размер груди и ее вес.

А также:

Ее любимый цвет?

ярко-красный

Ее любимый роман?

«Повелитель-приливов»^[81]

повелитель. приливов

повелительприливов

Ее любимый фильм?

«Могила светлячков»^[82]

Могила. светлячков

Могиласветлячков

«Размечтался», — подумал Марк.

Тогда он закрыл глаза.

Образ Николь предстал перед ним: сияющая, она стояла на сцене, принимая аплодисменты после концерта.

скрипка

Он вспомнил любимых композиторов жены и тех, кого она записывала или исполняла в концертах:

МОЦАРТ

БАХ

БЕТХОВЕН

МЕНДЕЛЬСОН

ШОСТАКОВИЧ

БРАМС

БАРБЕР

СТРАВИНСКИЙ

Нет, нужно идти другим путем!

Направь ход твоих мыслей в другое русло.

Его мозг работал с бешеной скоростью. Исходя из принципа, что

пароль неизбежно открывает часть интимной стороны личности его создателя, та Николь, которую он знал, выбрала бы слово, имеющее эмоциональную окраску: код, имеющий отношение к семье или ее истории любви с Марком.

Но Николь была также натурой очень осмотрительной. Несколько лет назад имела место попытка взлома ее банковского счета в Интернете, и она восприняла это болезненно. Чтобы обезопасить свой пароль, она наверняка выбрала бы достаточно длинную и сложную комбинацию букв, цифр или символов, что-нибудь такое, что им посоветовал в свое время банкир...

И в то же время она ежедневно проверяла свой почтовый ящик, так что код не мог быть слишком абстрактным.

Нужно искать слово, которое трудно подобрать, но легко запомнить.

Наиболее простой ключ — пословица, строка стихотворения или песни...

Нет, Марк готов был поспорить, что его жена выбрала нечто более личное. Но что? Может быть, фразу, выражающую суть их любви?

Внезапно Марк почувствовал, что теряет нить размышлений. Ужасная головная боль стучала в висках. В его голове все смешалось: цифры, буквы, коды, сообщения, воспоминания...

Он закрыл глаза, чтобы вновь сконцентрироваться.

В затуманенном сознании всплыло лицо жены.

Затем череда образов разом нахлынула на него, как будто невидимая сила решила пронзить его мозг сотнями мощных коротких вспышек: первая встреча, первый поцелуй, в первый раз они занимаются любовью, первая ссора, первые каникулы любви...

Париж, Франция

Один из летних вечеров.

Маленькая площадь на острове Сите.

Терраса ресторана.

Ужин вдвоем.

Предложение вступить в брак.

Площадь Платанов.

На одном из них нацарапана ножом дата. И надпись...

Это сделала влюбленная пара, опередившая их на несколько лет.

Марк и Николь дают обещание друг другу — выгравировать эти слова на обратной стороне своих обручальных колец.

Марк положил правую руку на указательный палец левой. Его обручальное кольцо всегда было там. Оно выдержало все: разлуку, жизнь на улице...

Он с трудом снял его и прочитал:

Там, где любят друг друга,
никогда не наступает ночь.

Слеза упала на клавиатуру.

Марк понял, что нашел.

Так как фраза была слишком длинной и не входила в отведенное для этого пространство, он написал только первые буквы каждого слова:

Тглдднннн

Неверно.

Все правильно, нужно добавить дату. Он подумал немного и решил, что это будет день их первой встречи. Все больше и больше нервничая, он попробовал еще раз:

Тглдднннн150596

Затем она нажал ENTER. И сайт принял пароль.

Веб-страница загрузилась, и открылся почтовый ящик Николь Хэтэуэй.

* * *

Сообщений было море — большинство от Сони, агента Николь, которая занималась организацией ее гастролей и распоряжалась рабочим временем. Более трети — спам: «свобода с виагрой», «удлини свой пенис», «дай денег жертвам цунами» и другие фальшивки, выманивающие деньги. Несколько сообщений от благодарных поклонников, побывавших на ее концерте. Несколько критических замечаний, таких было мало: «Вы не достигли высот Анны-Софи Мюттер»,^[83] или: «Компании звукозаписи выпустили ваши диски не потому, что вы талантливы, а потому, что сексапильны», и еще: «На вашем месте я постыдился бы делать деньги на исчезновении дочери».

Очень мило, но... нет ничего нового под солнцем.^[84] Николь получала подобные послания и два года назад. Марк поискал письма от Коннора, но их не было. Лишь одно послание привлекло его внимание — оно содержало видео, на что указывал прикрепленный файл. Отправитель неизвестен, сообщение текста не содержало, а только файл Quick Time, который запустился автоматически.

Марк придвинулся к компьютеру. Окошко для просмотра было маленького размера, а черно-белое изображение плохого качества. Очень быстро стало понятно, что это фильм, снятый камерой наблюдения.

Когда лицо Лейлы появилось на экране, Марку стало дурно.

Все вокруг замерло.

Лучшее в жизни проходит мимо, сначала приговаривая: «Слишком рано», а затем: «Слишком поздно».

Гюстав Флобер

Марк не отрывался от экрана. Его глаза горели. Перед ним разворачивался фильм, словно в замедленной съемке. Он сразу же догадался, что кадры сделаны в день похищения дочери. Он без труда узнал хлопчатобумажный свитер с капюшоном, который был на Лейле в тот день, а также маленького плюшевого Шрека, которого он купил ей за неделю до трагедии.

На Марка словно упало небо: ведь полиция постоянно утверждала, что в поле камер слежения его дочь не попала. Теперь он осознавал, что белые пятна в расследовании скрывали что-то еще, кроме похищения его дочери. И это видео было прямым доказательством того, что полицейские знали об этом, но никогда ему не говорили.

Чем дольше длился фильм, тем более зернистым и прерывистым становилось изображение. Марк уже даже не мог определить, где именно находилась Лейла. Она вышла из магазина, так как было темно. Помехи делали лицо дочери нечетким...

На несколько секунд страх оторвал его от экрана, он не мог не повернуться к Лейле, которая все еще крепко спала на сиденье рядом с ним. Он даже склонился над ее лицом, чтобы удостовериться — дышит ли она, так его сжигал страх вновь потерять ее.

Успокоившись, он опять вернулся к «своему» компьютеру — проверить, почему видео, заявленное на две минуты и десять секунд, остановилось через минуту тридцать. Сначала Марк решил — что-то с ноутбуком. Он несколько раз нажимал PLAY, вновь запустил файл целиком, но без толку: изображение останавливалось за сорок секунд до конца.

Разрываясь между гневом и досадой, он издал долгий вздох отчаяния.

Кто играл на его нервах? Что произошло за эти сорок секунд?

— Э, да вы не теряетесь! Это мой ноутбук!

Марк вскинул голову, словно его внезапно разбудили. Резким движением господин Апельсиновый Сок вырвал компьютер у него из рук.

— Я только взял его на время, — попытался оправдываться Марк.

— На время, какого черта!

— Я хотел убедиться, что все работает хорошо, — объяснил Марк, продолжая изображать простака. — Я испугался, что испортил ваш компьютер из-за своей неуклюжести, и поверьте, если бы это случилось, я бы...

Но бизнесмен не был простаком.

— Я подам жалобу, — кричал он, пытаясь привлечь других пассажиров в качестве свидетелей.

К ним уже спешила стюардесса, чтобы успокоить их. Инстинктивно Марк понял, что ему лучше прикинуться мирным и держаться скромно. А его оппонент кипел на взводе и путался в объяснениях.

— Я хочу заявить об инциденте капитану! — отчеканил он несколько раз.

— Очень хорошо, мистер, мы немедленно сообщим ему об этом, — пообещала ему стюардесса.

Она проводила господина Апельсиновый Сок на место и послала ему вымученную улыбку, на самом деле означающую: *«Сядь на место, дружище, и перестать орать. Инцидент исчерпан»*.

* * *

— Папа, а где мое эскимо?

Этот незначительный эпизод разбудил Эви и Лейлу.

Марк повернулся к ним, мгновенно отбросив все свои проблемы, и приветливо улыбнулся.

— Ну, девочки, — сказал он, хлопнув в ладоши, — будем есть мороженое!

— Да! — радостно закричала Лейла.

Марк взял дочь за руку и сделал Эви знак следовать за ними. Их маленькая компания переместилась к середине верхней палубы в поисках свободного столика во «Флоридите». Уютный бар, в котором Марк побывал чуть раньше, сейчас больше напоминал чайный салон. Посетителей было много, чтобы всех вовремя обслужить, бармену Исааку помогали еще двое официантов. В этой приятной обстановке Марк и девочки принялись с удивительной скоростью поглощать коктейли и мороженое из емкостей,

одна внушительней другой.

Лейла завладела десертной картой и держала ее так, словно это был святой Грааль. Девочка с наслаждением рассматривала фотографию шоколадного мороженого с кремом шантильи и другого — с банановым десертом. Марк и Эви умилялись, глядя на нее. Врач пробежался взглядом по толпе посетителей, надеясь найти Элисон, но ее не было.

Они заказали Frozen Hot Chocolate,^[86] который им подал Исаак лично, — с тремя ложечками и тремя соломинками. Огромная стеклянная чаша размером с аквариум, установленная в центре стола, была наполнена Десятками шариков мороженого — все шоколадные, и все разные. Они плавали в соусе какао, увенчанные горками взбитого крема.

— Не торопись, — посоветовал Марк при виде того, как девочка с жадностью набросилась на свою порцию. — Никто не отберет его у тебя!

Держа соломинку во рту, носом уткнувшись в шантильи, девочка с явным удовольствием вдыхала аромат расплавленного шоколада. Эви добродушно потешалась над Лейлой, а затем тоже присоединилась к дегустации. Впервые Марк увидел улыбку на губах девушки, и это доставило ему удовольствие.

Рассказ Эви о ее жизни и желании отомстить произвел на него сильное впечатление. Он сожалел, что она не успела дорассказать свою историю, но что-то подсказывало ему, что до приезда в Нью-Йорк он узнает об этом больше.

Путешествие получилось впечатляющим, богатым на встречи и полным сюрпризов.

Как плохих, так и хороших...

* * *

Наслаждаясь десертом, Эви с некоторым умилением смотрела на Марка и Лейлу. Что-то в отношении врача к дочери волновало ее душу. Она, которая никогда не имела настоящей семьи, была растрогана тем, как этот, по ее мнению, сильный и в то же время чувствительный человек сумел обрести прежнее доверие ребенка.

Исаак сделал музыку чуть громче. В баре царила приятная спокойная атмосфера. Эви взяла еще ложечку соуса и закрыла глаза, чтобы лучше насладиться им. С закрытыми глазами она раскачивалась в ритме сакса Джона Колтрейна,^[87] сознавая, что сейчас переживает мгновения

безмятежности, которые не испытывала уже давно.

И опять она почувствовала, что все ее мысли возвращаются к Коннору, который стал ей еще ближе после того, что Марк рассказал о нем. В ее возрасте Коннор не сдался. У него хватило мужества совершить задуманное. Он сумел смыть оскорбление — отплатил око за око, зуб за зуб, а потом нашел в себе силы стать одним из самых передовых врачей страны. Прекрасная победа над жизнью.

Но смягчила ли месть его боль?

Этот вопрос она задала Марку, когда открыла глаза.

1989–1995: *The fresman years*^[88]

Марк и Коннор очутились на Манхэттене после полудня в дождливый октябрьский день.

Им было ровно по семнадцать.

Нью-Йорк... Они так часто мечтали о нем, затерянные в трущобах своего города, твердя друг другу магические и манящие слова: Сентрал-парк,^[89] Вашингтон-сквер,^[90] Всемирный торговый центр, статуя Свободы...

Картина, представшая перед их глазами, совсем не походила на те, которые показывали в кино.

Когда они сошли с поезда, сероватый цвет неба, придающий городу грустный и холодный вид, неприятно поразил их.

А холод проникал до самого сердца.

Они были всего лишь мальчишки, скрывающиеся от полиции, абсолютно не представляющие, что будет с ними завтра. А вдруг полицейские отправятся за ними в погоню?! А вдруг их поймут раньше, чем они думают, и все завершится в мерзкой тюремной камере?..

Но пока — надо выживать.

Марк взял на себя руководство дальнейшими действиями. Пришло время доказать то, чем они любили хвастаться: что они умные и находчивые. В отличие от растерявшегося и все более впадающего в уныние Коннора, Марк твердо решает бороться. Он начинает искать маленькую квартиру неподалеку от студенческого городка Нью-Йоркского университета. Затем с присущей ему энергией сражается с администрацией, препятствующей им в подаче заявления о поступлении в университет. К счастью, они не испытывают материальных затруднений. Благодаря свалившимся с неба деньгам (изъятым Коннором у наркоторговцев), они в состоянии оплатить и общежитие, и часть учебы. Через месяц они наконец получают страстно желаемый предмет — личную карточку студента и, забыв все на свете, с головой окунаются в учебу.

Они точно знают, чего хотят: им нужна докторская степень в области психологии.

И тогда однажды они откроют свой собственный кабинет.

* * *

Три часа утра.

Коннор заходит в ванную комнату и зажигает свет. Затем тихо прикрывает дверь за собой, чтобы не разбудить Марка, спящего в соседней комнате. Коннор роется в шкафчике для хранения лекарств, натывается рукой на тюбик с таблетками, достает две и заглатывает их с небольшим количеством воды.

Это уже пятый или шестой раз за день.

Инструкция рекомендует — не более четырех, но ему так плохо...

Он стоит, одуревший, плохо соображая, смотрит на себя в зеркало и не узнает. При тусклом свете Коннор расстегивает пуговицы пижамной куртки, обнажает грудь, испещренную шрамами, и смотрит на нее. Зрелище завораживает и одновременно вызывает у него отвращение. Только совсем недавно он полностью осознал, что всегда будет жить с этим истерзанным телом. Большая часть верхних конечностей и грудная клетка перестали болеть, но ноги продолжают причинять ужасные страдания, они сделали его зависимым от болеутоляющих препаратов. К физической боли присоединилась бессонница, которая постоянно преследует его. Ему казалось — он освободился от наркодилеров, но почти каждый вечер они являлись ему в кошмарах. Он думал, что страданиям пришел конец, но на их место пришло еще большее мучение — жить в шкуре убийцы.

Этой ночью он с ужасом понял, что всю свою жизнь будет нести тяжкий груз своей мести.

* * *

В один из вечеров Коннор, подавленный тоской, увидел Марка, входящего в комнату с телефоном в руке.

— Алло?

На конце провода — успокаивающий голос Лорены Мак-Кормик. Инициатива позвонить ей в Чикаго принадлежала Марку. Лорена была взволнована, услышав голос Коннора, и посоветовала ему обратиться к одному из своих коллег в Нью-Йорке, где он смог бы продолжить процесс восстановления.

В одиночку люди редко справляются с этим...

* * *

Коннор постепенно приходит в себя, по мере возможности отказывается от болеутоляющих, заменяя их ваннами, массажами и тепловыми процедурами.

Благодаря Марку и советам Лорены к нему возвращается некоторая уверенность в себе, но он по-прежнему чувствителен к реакции других. Ожоги пощадил его лицо. Оно настолько же привлекательно, насколько тело отвратительно. И это стало его проклятием. В отношениях с девушками у Коннора проблемы: он с ходу очаровывает их, однако его не покидает ощущение, будто он обманывает их. Он не такой, каким кажется. Убежденный, что они в конце концов бросят его, он часто не идет дальше первых объятий, и торопится уйти, предпочитая бросать самому, нежели быть брошенным.

* * *

Годы идут.

Коннора продолжает мучить бессонница, он пытается обратить ее в свою пользу. Чтобы избежать кошмаров, в которых ему являются убитые им наркоторговцы, ночью он учится, с жадностью поглощая учебники по психологии. Его трудолюбие и самодисциплина в учебе поражают преподавателей. Один из них, влиятельное лицо в психиатрии, приглашает Коннора на работу в качестве ассистента. За эти годы молодой психиатр стажирруется в тюрьмах, больницах, интернатах для инвалидов... Везде его высоко ценят. Его тайный недуг сделал его очень чувствительным к страданиям других, и он намеренно поддерживает в себе состояние чрезвычайной эмоциональной чувствительности. Это позволяет ему глубже проникнуть в страдания пациентов, лучше понять их и, как следствие — оказать им лучшую помощь. Он осознает, что рискует, работая на износ, но готов платить за успех собственным здоровьем.

Очень быстро, однако, он понимает, что секрет человеческой души таится в мозге и он должен пополнить свое образование изучением неврологии. И он хватается за это, подгоняемый стремлением понять процессы, происходящие в мозге, проникнуть в основы сознания,

добраться до сути снов и бессознательного.

* * *

1991–2001: *The golden years*^[91]

Женщина моей мечты

15 мая 1996 года

Однажды весенним утром Марк входит в аптеку рядом с Вашингтон-сквер. Он с трудом бормочет «здравствуйте» и встает в очередь. С похмелья болит голова, ему требуется аспирин. Накануне нью-йоркские «Никерсы»^[92] наконец выиграли у «Буллз» Майкла Джордана, и теперь до конца сезона придется нервничать, ожидая дальнейших результатов. Марк там был! Он заплатил за билет целое состояние на черном рынке, но зрелище того стоило. Он праздновал победу своей команды всю ночь.

Ему двадцать четыре года, и счастье улыбается ему: он только что получил диплом, только что нашел место психолога в центре реабилитации. Годы каторжного труда в Чикаго далеко позади. Он обожает свою работу, свою жизнь, свой Манхэттен...

Погрузившись в «Нью-Йорк таймс», Марк не замечает молодую женщину, стоящую перед ним. С футляром для скрипки в руке, Николь наблюдает сцену: на кассе молодая продавщица обслуживает женщину с ребенком на руках. Та попросила коробку детского питания и упаковку памперсов. Женщина сжимает в руке купюру в десять долларов, вид у нее усталый.

— 14.95, — объявляет продавщица.

Молодая мать замешкалась. Видно, что она не рассчитывала на такую сумму. Нервничая, она ищет в кошельке, надеясь (не особенно), что сможет заплатить.

— Ну, что там, побыстрее нельзя? — сетует продавщица, тяжело вздыхая.

— Да-да, — извиняется женщина, выкладывая на прилавок свой кошелек.

В очереди все понимают, что у нее нет нужной суммы. Одни начинают терять терпение, другие молча сочувствуют ей.

И тогда Николь подает голос:

— Я думаю, вы уронили это, — говорит она, низко присев, и

протягивает женщине купюру в двадцать долларов.

Та смущенно смотрит на нее и несколько секунд не решается, а затем берет деньги — ее репутация спасена.

— Спасибо, — говорит она, опустив глаза.

* * *

— Мисс!

Марк бежит за Николь по тротуару.

Что происходит?!

Как только он оторвался от газеты и встретился взглядом с глазами незнакомки, как сердце у него бешено заколотилось. Сразу стало ясно, что он не может потерять эту женщину, он должен узнать ее имя.

— Мисс!

— Да? — Николь оборачивается.

— Добрый день, — бормочет он, переводя дыхание.

Он не чувствует под собой ног. Руки вспотели.

Скажи что-нибудь, Марк! Не стой как истукан!

— Меня... меня зовут Марк Хэтэуэй. Я стоял за вами, в аптеке. Я видел, как вы помогли той женщине...

— Не стоит поднимать из-за этого шум, — отвечает она, пожимая плечами.

— Вы живете здесь?

— А вам какое дело? — спрашивает она недоверчиво.

— Я хотел бы предложить вам выпить кофе.

— Нет, спасибо, — говорит она, продолжая идти.

— Пожалуйста! — настаивает он, следуя за ней.

— Я вас даже не знаю.

— Хорошая причина, чтобы принять приглашение: мы могли бы познакомиться.

— Вы просто теряете время.

— Чашка кофе ни к чему не обязывает!

— Спасибо, нет. И потом, я и так уже достаточно понервничала и ни к чему мне теперь ваш кофеин.

— Ну, тогда чашку шоколаду — это афродизиак. [\[93\]](#)

— Вы говорите, сами не знаете что... — вздыхает она, поднимая руку,

чтобы остановить такси.

— Нет, это правда, король ацтеков Монтесума выпивал по пятьдесят чашек в день, прежде чем посетить женщин своего гарема.

— И вы полагаете, это забавно.

Желтое такси останавливается около них. Николь не раздумывая садится в машину.

— Дайте мне хотя бы номер вашего телефона! — умоляет ее Марк.

— Он в справочнике, — отвечает она коварно.

— Но я не знаю вашего имени.

— Оно тоже в справочнике, — бросает она, хлопая дверью.

Такси отъезжает. Марк бежит несколько метров за машиной, вокруг него начинают раздаваться клаксоны автомобилей, едущих ему навстречу.

Запыхавшись, он неподвижно стоит посреди тротуара, как оглушенный боксер после нокаута.

Он совершенно уверен, что только что упустил женщину своей мечты. Он клянет себя за то, что повел себя как пятнадцатилетний подросток...

Неудивительно, что она не захотела со мной общаться: я для нее — жалкий клоун, недоразвитый подросток, отпускающий дешевые шутки...

Он, верящий в знаки судьбы, он, верящий в свою удачу, — он, черт побери, не смог показать ей, каков он на самом деле! А хуже всего то, что он даже не сумел узнать ее имя, и теперь нет никакой надежды встретить ее когда-нибудь.

Он ни с кем не осмелился поделиться этим, даже с Коннором. С самых ранних лет он верил в то, что у него есть ангел-хранитель, оповещающий его о важном событии, которое вот-вот должно произойти.

Но сегодня никто не помог ему поймать удачу.

«Какой же ты негодяй, ангел-хранитель, — кипятился он про себя, — почему ты меня бросил?!»

— Эй! Куда ты? — кричит ему тип на роликах, мчащийся навстречу.

Марк отскакивает, но уже слишком поздно, и они сталкиваются. Его достаточно сильно отбросило назад, и Марк растягивается на тротуаре.

— Ты как? — беспокоится спортсмен, протягивая ему руку и помогая встать.

Марк поднимается — и видит прямо перед глазами столб, стоящий на краю проспекта.

На нем — афиша.

На афише — лицо.

А ниже — объявление о предстоящем спектакле:

Николь Копланд
Карнеги-Холл
Концерт для скрипки
В программе Прокофьев и Стравинский
Бостонский симфонический оркестр
Четверг, 13 мая

Спасибо, ангел-хранитель...

* * *

— Ну, как она тебе?

С высоты самого последнего балкона концертного зала Марк и Коннор внимательно наблюдают за оркестром и солисткой, исполняющей концерт Прокофьева. Престижный концертный зал вибрирует в ритме меняющихся мелодических линий пьесы, написанной для истинных виртуозов.

— Ну, скажи, она тебе нравится? — повторяет Марк.

Волна неодобрительного шепота прокатывается по залу в сторону друзей.

— Ну, играет она хорошо, — шепчет Коннор.

— Да что ты понимаешь в классической музыке?!

— Ничего, — соглашается Коннор. — Ну, я думаю, она красивая.

— Ты полагаешь, у нее кто-нибудь есть?

— У такой девушки? Наверняка...

— Как ты думаешь, у меня есть шанс?

— По-честному?

— Да, конечно.

— Это будет очень трудно, старик! — признается Коннор.

— ТИШЕ-ТИШЕ!

* * *

22:57

Николь (свысока): К чему устраивать сцены, я не приняла ваше приглашение только потому, что пропустила бы ужин с моими коллегами.

Марк (весело): Я все понял.

Они сидят за маленьким столиком друг напротив друга под звездчатым куполом отеля Мэнсфилд. Заведение обито красным деревом и сверкает тысячами похожих на звезды лампочек, создающих интимную и приятную атмосферу. Бармен торжественно приносит заказ: коктейль фиалкового цвета для Николь и «Корону» Марку.

Николь (чуть менее высокомерно): Итак, вы говорите, вы психолог?

23:08

Николь (насмешливо): Для психолога вы много рассуждаете о любви...

Марк (убежденно): Потому что любовь — это самая интересная вещь на свете.

Николь (сомневаясь): Это очень спорно.

Марк (уверенно): Представьте себе жизнь без любви — умрешь со скуки! По крайней мере, любовь убивает время...

Николь (печально): А время убивает любовь...

Он смотрит на нее. У нее утонченное лицо, слегка впалые щеки, во взгляде что-то грустное и неотразимое.

23:12

Марк (невозмутимо): А в вашей жизни кто-нибудь есть?

Николь (задумчиво): Как вам сказать...

Марк (заинтригованный): Вы как будто не знаете?

Николь (улыбаясь): Ну, скажем, в данный момент я сплю со своей скрипкой.

Марк (с облегчением): Я надеюсь, она ласковая.

Николь (потягивая коктейль): Это Гварнери. [\[94\]](#)

Марк (с наигранной ревностью): Итальянец...

Николь (смеется): Он немного хулиган, но очень привлекательный. Я постоянно ухаживаю за ним — и это взаимно.

Она смотрит на него, улыбается, убирает прядку волос с его лица. Николь пока еще не знает, что уже почти влюблена.

23:24

Марк (искушающе): Мы увидимся?

Николь (внезапно отдалается): Я не думаю.

Марк щурит глаза и напряженно смотрит на нее. Тень пробегает по лицу молодой женщины. Ее губы только что произнесли «не думаю», а глаза сказали «надеюсь».

Марк (задушевно): Вас что-то беспокоит?

Николь (колеблется): Вот сейчас, когда вы спросили меня, есть ли у меня кто-то... Я вам солгала...

Марк (удрученно): А кто-то есть?

Николь (в смятении): Да.

Марк (неуверенно): Такая женщина, как вы, конечно...

Пауза.

Николь (берет что-то в своей сумке): Это он.

Марк подумал было, что она покажет ему фотографию мужчины. Но вместо этого она протягивает ему тест на беременность в пластиковой оболочке. Тест положительный.

Марк (с нежной и спокойной улыбкой): Он или она.

Пауза.

Николь (недоверчиво): И вы все еще хотите встречаться со мной?

Марк (твердо): Более чем когда-либо.

* * *

Это девочка!

Лейла

появилась на свет 11 января 1997 года в 15 часов.

Она весит 2,990 кг, ее рост 48,5 Мы бесконечно счастливы!

Марк и Николь Хэтэуэй (рисунок коляски) 10, Грин-стрит
Бруклин, NY, 11238-6050

* * *

The family man^[95]

10 сентября 2001 года

Марк и Николь празднуют пятую годовщину свадьбы. По этому случаю они пригласили несколько друзей на барбекю в саду. Прекрасный вечер уходящего лета плавно протекает в типично *American life*^[96]

атмосфере с Марвином Геом,^[97] Леонардом Коэнном^[98] и Джоной Кэшем,^[99] создающими музыкальный фон.

Марк, стоя у жаровни с лопаткой в руке, преподает Лейле науку приготовления мяса на барбекю, а также навыки осторожного обращения с огнем.

— Это тебе! — говорит он, кладя зажаренную куриную ножку на картонную тарелку девочки.

— Я добавлю кетчуп! — отвечает она и бежит через лужайку.

Праздник в самом разгаре, и тут Марк замечает Коннора, стоящего в стороне с отсутствующим видом, погруженного в свои мысли. Марк покидает компанию и подходит к другу.

— Отведай этот нектар, — говорит он, протягивая ему стакан вина.

— Что это?

— «Шато шеваль блан»^[100] 1995-го, сен-эмильон высшей категории.

Вот уже несколько месяцев, как Марк увлекается виноделием. Он восторженно восклицает:

— Посмотри, у одежды вина^[101] рубиновый отблеск. А танины^[102] — мягкие и элегантные. А аромат, ты чувствуешь аромат? Черная смородина, лакричник, малина, сочная вишня...

— Сочная вишня, ты уверен? Дай попробовать! — просит Коннор и, громко хохоча, идет с Марком, иронизируя по поводу их притязаний изображать из себя истинных знатоков вин.

— За твоё здоровье, старик!

— И за твоё, старина! — отвечает Марк, чокаясь.

Два года назад они открыли частный кабинет, и теперь он процветает. Коннор — несравненный практик и, кроме того, исследователь-новатор, постоянно ищущий новые способы лечения. Его метод избавления от курения с помощью гипноза произвел фурор на Манхэттене и обеспечил кабинету приличный доход. Вдохновленный этим успехом, Коннор адаптировал этот метод для лечения других нарушений: алкогольная зависимость, депрессии, хроническая тревожность и фобии. В отличие от него, Марк большую часть времени посвящает связям с общественностью. СМИ очень быстро обратили внимание на молодого психолога с привлекательной внешностью и убедительными речами.

— Ты помнишь, как мальчишками мы разбавляли водой бутылки с кока-колой, чтобы их хватило надолго?

— Ну, конечно, — отвечает Марк, — это было отвратительно.

— Не более отвратно, чем твой, как его там, швальблан.

— Ты представляешь себе, какой путь прошли мы? И все-таки своего добились.

— Я не знаю, — отвечает Коннор задумчиво.

— Как это ты не знаешь?

— Иногда у меня возникает впечатление, что я никогда не покидал Чикаго.

— Это из-за твоих кошмаров?

— Это гораздо глубже. Если бы ты знал, как я сожалею, что убил этих типов.

— Они были преступниками, самыми последними подонками.

— Возможно, но я уподобился им. А самое ужасное — я воспользовался их деньгами! Я уверен, что можно было бы найти другой выход.

— Нет, — отрезал Марк. — Ты прекрасно знаешь, что без этих денег мы все еще были бы там. Это цена, которую надо было заплатить, хотя я очень сожалею, что тебе пришлось нести это бремя. Послушай, Коннор, это все в прошлом. Посмотри в другом направлении, в будущее...

— Для меня — словно все случилось вчера.

— Самое трудное позади. Теперь уже ничего не может с нами случиться.

Лейла прервала их разговор, бросившись в объятия отца.

— Послушай, папа, я принесла тебе пирожное. Ты мне сделаешь самолетик?

Марк сжимает дочь в объятиях, но продолжает смотреть в глаза Коннору.

— С нами ничего не может случиться, — повторяет он, словно убеждая себя самого.

— Случиться может все, — поправляет его Коннор.

— Нет, мы сейчас сильнее, увереннее.

— Наоборот, потому что нам есть что терять.

Марк раздумывает всего секунду, затем выпаливает:

— Ты должен сделать как я: жениться, иметь детей...

— Я не согласен. Когда любишь, слабеешь.

— Нет, — уверяет Марк, — становишься сильнее.

Но это не убеждает Коннора.

— Когда боишься потерять любимых, становишься уязвимее. Тебе легко причинить боль, стоит только подвергнуть опасности твоих близких. А я не могу позволить себе стать незащищенным.

— Почему?

— Потому что мною владеет прошлое, — сказал он, опустошая бокал.
Марк хочет возразить ему, но Лейла уже вовлекает его в свои игры:
— Ну, папа, ты будешь делать со мной самолетик?

* * *

2002–2006: The darkness years^[103]

Где вы были в то утро?

На следующий день, 11 сентября 2001 года

— Лейла, возьми свой портфель! Ты опоздаешь в школу, а я на работу.

— Но я хочу еще поспать...

— Крошка моя, тебе надо было вчера вечером лечь пораньше, о чем папа тебя и просил.

— Но я хотела праздновать, я...

— Я знаю. Ну, давай, надевай свитер и иди скажи маме «до свидания».

Пока его дочь поднимается по ступенькам, Марк выключает ноутбук, кладет его в чемодан, допивает апельсиновый сок.

— До свидания, милая! — кричит он в сторону комнаты.

— До вечера, — отвечает ему Николь, а Лейла тем временем со скоростью молнии скатывается по лестнице.

Вот они вместе, в Бруклине — солнечное утро.

— А где машина? — спрашивает Лейла, шагая по тротуару.

— Подальше, малышка. Ну, давай, иди сюда, я тебя понесу.

— Я уже слишком тяжеленная, — говорит она шутливо.

— Сейчас увидим, какая ты тяжеленная!

Марк подхватывает одной рукой дочь, а другой ранец.

— Ты не знала, что я Мусклор,^[104] а?

— А кто это — Мусклор?

— Самый сильный человек во Вселенной.

— И это ты?

— Конечно! Я сражаюсь против сил Зла, и мне помогает волшебная формула: «Магическое свойство древнего черепа придает мне всемогущую силу...»

— Это правда? — спрашивает она недоверчиво.

— Почти, дорогая, почти.

Марк бежит по тротуару со своей ношей, вспоминая то, что накануне

сказал ему Коннор. Сейчас его друг находится в смятенном состоянии духа. В отличие от Марка, который радовался их успешной работе, Коннору она не помогала обрести спокойствие. Его продолжало терзать прошлое, угрызения совести и убеждение, что опасность однажды еще покажет свое лицо.

— Я вижу машину! — кричит Лейла. — Можно мне открыть ее?

Глядя на дочь, управляющую автоматическим открытием дверей, Марк спросил себя, откуда может прийти опасность.

Воздух был так мягок, а небо никогда не казалось ему таким голубым...

Прежде чем сесть за руль, он взглянул на часы: 8:46.

Менее чем через минуту первый самолет врежется в северную башню.

Менее чем через минуту Нью-Йорк растеряется и потеряет веру в себя.

26 марта 2002 года

Экстренное сообщение CNN/США

«После трехдневных поисков мы по-прежнему не имеем сведений о маленькой Лейле Хэтэуэй, пяти лет, пропавшей в среду в коммерческом центре округа Ориндж.

Лейла — дочь скрипачки Николь Копланд и нью-йоркского психолога Марка Хэтэуэя. Впрочем, отец девочки, вопреки рекомендациям ФБР, пожелал выступить перед камерой с обращением к потенциальным похитителям его дочери».

Марк появляется на экране, мертвенно-бледный, с изменившимся лицом и кругами под глазами.

«Я хотел бы сказать тем, кто похитил мою дочь: не надо делать ей ничего плохого... Попросите у меня выкуп, я заплачу. Попросите у меня все, что угодно, и я сделаю это. Но не трогайте ее. Я вас умоляю...»

* * *

Всему свое время, и время всякой вещи под небом
Время рождаться, и время умирать [...]

Время убивать, и время врачевать
Время разрушать и время строить
Время плакать, и время смеяться [...]
Время раздирать, и время сшивать
Время молчать, и время говорить
Время любить, и время ненавидеть [...]

Экклезиаст, глава 3

* * *

10 января 2005 года

— Я ухожу, Коннор.

Марк только что прошел в кабинет друга. Несколько месяцев назад их кабинет переехал в великолепное здание Тайм-Уорнер-центра. Переезд был запланирован давно, но Марк не принимал в нем участия. Эти три года, с тех пор как исчезла Лейла, он не ходил на работу, посвящая все свое время поискам дочери.

— Ты уходишь, куда?

— Я не знаю. Во всяком случае, ты можешь убрать мое имя с таблички кабинета. Если хочешь выкупить мою долю, поговори с Николь, она не будет против.

— Возьми себя в руки, старик! — отвечает Коннор, обнимая друга. — То, что с тобой сейчас происходит, это ужасно, но ты не одинок. У тебя любящая жена, и я с тобой, я рядом. Сейчас более чем когда-либо мы должны держаться вместе.

— Я знаю, — говорит Марк, высвобождаясь, — но я не могу больше притворяться, это выше моих сил.

Коннор не сдается:

— Мы все всегда преодолевали, ты и я! Ты помнишь? Навсегда вместе, на всю жизнь! Позволь теперь мне помочь тебе, как ты помог мне когда-то.

Но Марк не слышит его. Тогда Коннор выкрикивает ему, как будто пытается убедиться в этом сам:

— Мы все-таки выжили, но никогда ничего не забывается: боль, она затаивается внутри нас — в сердце, но всегда в конце концов мы возвращаемся к жизни. Я делаю это все эти годы, я учусь делать это!

Но Марк уже не слушает его.

В отчаянии Коннор делает последнее предупреждение:

— Не совершай глупостей: если ты зайдешь слишком далеко, ты не выберешься.

Марк пожимает плечами и направляется к двери. Он уже не здесь.

— Если я когда-нибудь вернусь, то только с ней, иначе...

Живите хорошо. Это и есть самая лучшая месть.

Талмуд

Сегодня

В самолете

17 часов 10 минут

— Не могу больше! — вздохнула Лейла, положив ложку.

Марк, Эви и Лейла засиделись во «Флоридите». Наевшись до отвала, девочка с досадой смотрела на остатки огромного мороженого, с которым ей не удалось справиться. Отец ласково взъерошил ей волосы и склонился к иллюминатору. Под ним простирался теряющийся в бесконечности ковер из облаков. Признания, которые он только что сделал Эви, вернули его к истокам прошлого, вновь наполнив множеством затаившихся в глубине души воспоминаний.

Но сейчас ему нужно только одно из них:

— Ты не должна поступать, как Коннор, — твердо произнес он, поворачиваясь к Эви. — Ты не должна портить свою жизнь, желая отомстить.

Девушка посмотрела на него скептически:

— Я думаю, вы не можете понять...

— Ну, почему же, — прервал ее Марк. — Я могу понять твои страдания, они ведь подобны моим! Тебе плохо, и это неизбежно. То, что случилось с твоей матерью, — преступление, и это естественно, что тебя переполняет гнев...

— ...и ненависть, — добавила Эви с горящими глазами.

Марк положил ей руку на плечо:

— Гнев может быть полезным, если направить его в положительное русло.

— Это болтовня психиатра! — воскликнула девушка.

Марк подумал над ее аргументом несколько секунд, затем ответил:

— Мсть не утолит боли, можешь мне поверить, и это тебе говорит не

психиатр.

— Если бы Коннор был здесь...

— Если бы Коннор был здесь, он сказал бы тебе, что перенесенное горе мстью не вылечить. У него есть опыт.

— Но этот человек... — забормотала Эви с болью в голосе, — этот Крэйг Дэвис... я хотела бы причинить ему в десять, сто раз больше зла, чем он сделал мне!

— Если ты убьешь его, это не вернет тебе мать, а твой поступок будет преследовать тебя всю жизнь. Все изменится, и никогда уже не будет прежним...

Марк налил девушке стакан воды. Эви только коснулась ее губами, а затем призналась взволнованно:

— Всю нашу жизнь мою мать и меня всегда презирали и унижали такие типы, как он...

— Я понимаю, — ответил врач.

— Я не хочу больше позволять топтать меня!

— Ты права, — согласился Марк, — но, кроме мести, есть и другие средства.

Эви подняла на него глаза, в них стояло недоверие.

— И что я, по-вашему, должна делать?

Марк помолчал, сознавая, что вызовет недоброжелательную реакцию у девушки.

— Простить.

— Нет! Я не хочу прощать! — возмутилась Эви. — Я не хочу забывать!

— Простить — не значит забыть, — объяснил он терпеливо. — Прощать — не значит отпускать грехи. Мсть только разжигает ненависть, прощение освобождает нас от нее.

Она тоже помолчала немного, а затем ответила дрожащим голосом:

— А если бы это была ваша дочь и ее бы убили, вы простили бы?

— Не знаю, был бы я на это способен, — признался Марк, — но я уверен, что попытался бы.

Он посмотрел на Лейлу, которая играла бумажными зонтиками, украшавшими мороженое.

— Я думаю, простить — это самое трудное на свете, — продолжил Марк, — по крайней мере, это тот случай, когда требуется очень много силы.

Далее он заговорил более спокойно:

— Но простить ты должна — ради тебя самой, Эви. Тебе нужно

освободиться от прошлого и наконец начать нормальную жизнь.

Эви пожала плечами:

— Для меня это уже невозможно. У меня ничего нет: ни семьи, ни денег, ни перспективы...

— Черт побери, — воскликнул Марк, — перед тобой вся жизнь! Не придумывай всяческие отговорки по поводу того, что у тебя нет будущего!

— Но этот человек — убийца! — взвизгнула девушка на грани нервного срыва.

И Марк наконец сказал девушке то, что хотел сказать с самого начала:

— Ты знаешь, Эви, я думаю, что за этим Крэйгом Дэвисом стоит другой человек, которого ты хочешь наказать...

Эви затихла.

Марк продолжил:

— ...и этот человек, которого ты хочешь убить, — ты.

— Нет! — потеряла самообладание Эви, слезы брызнули у нее из глаз.

Но Марк тверд.

— Конечно, да. Ты винишь себя в том, что не поверила словам матери. Ты чувствуешь себя ответственной за то, что произошло, и не можешь этого пережить.

— Неправда! — защищается Эви, однако слезы, текущие по ее лицу, стоят больше признания.

— Не воображай себе, что все могло бы быть иначе, — успокоил ее Марк. — Ты ни в чем не виновата, Эви, ни в чем.

— Почему я это сделала? Почему я не поверила ей?!

— Это пройдет.

Он обнял ее.

— Она всегда обманывала меня, но не в тот раз, не тогда...

— Это пройдет.

Эви уткнулась головой в его плечо. Она не ожидала, но Марк освободил в ней что-то, глубоко запрятанное внутри.

Целую минуту она молчала, пока Лейла не спросила тихо:

— Папа, а почему Эви плачет?

— Потому что у нее горе.

— Это из-за мамы?

Марк молчаливо покачал головой в знак согласия, а Лейла, в свою очередь, обняла Эви.

— Не грусти, — сказала маленькая девочка, лаская волосы своей старшей подруги.

Немного успокоившись, Эви подняла глаза на Марка. Врач протянул

ей бумажный носовой платок.

— Папа, я хочу писать, — вдруг объявила Лейла голосом младенца.

— Я пойду с тобой, — предложила Эви.

Марк согласился.

Они заверили его, что вскоре вернутся на место. Оплачивая счет, он с благодарностью смотрел на удаляющихся Эви и Лейлу.

Они держались за руки как две сестры.

* * *

Марк уже собрался покинуть «Флоридиту», оставив Исааку чаевые, пропорциональные размерам вазы с мороженым.

Вот тогда он и увидел ее.

Одна, сидя на задворках зала, Элисон Харрисон заканчивала второй бокал «Дом Периньон».

— *Розовое шампанское...* — произнес Марк, приближаясь к столу наследницы.

Элисон сняла солнечные очки и посмотрела на него:

— Вы снова скажете, что это любимый напиток Хемингуэя? Я бы скорее подумала о виски...

— Во всяком случае, это был любимый напиток Кэри Гранта и Деборы Керр.

Жестом она пригласила его сесть. После их предыдущей беседы, очень для нее значимой, она надеялась, что он вернется. Этот человек, лицо которого почему-то было ей знакомо, обладал странным магнетизмом, не имеющим ничего общего ни с обаянием, ни обольщением. Беседа была недолгой, но когда она исповедалась ему несколькими часами ранее, то почувствовала себя освобожденной от ужаса, поселившегося в ней давно...

— Почему у меня такое впечатление, что я знаю вас? — спросила она.

— Это еще срабатывает, эти трюки, чтобы продолжить знакомство? — удивился он шутливым тоном.

— Нет, я серьезно.

Марк признался:

— Скажем, несколько лет назад у меня было пятнадцать минут медийной славы.

— В какой области?

— Психология. Меня много показывали по CNN и MSNBS.^[106] Я был дежурным психологом — тем, кто успокаивает телезрителей после каждого

трагического события: массовое убийство в школе Колумбайн, теракты 11 сентября, распространение сибирской язвы...

— И вы больше не практикуете?

— Больше никогда.

— Почему?

— По причине как раз трагического события. Которое коснулось меня. В таких случаях осознаешь, что все советы, которые ты давал другим не допускающим возражений тоном, в конечном счете не помогают твоему собственному горю.

Тень пробежала по лицу врача. Элисон сгорала от нетерпения узнать больше, но последовало молчание, которое окунуло ее в собственные тревоги. От алкоголя, который она выпила за время всего путешествия, у нее разболелась голова. Несмотря на это, она выпила еще бокал шампанского, проглотив его залпом, через силу. Она хотела повторить, но Марк остановил ее:

— Если придется выносить вас из самолета, боюсь, ваши друзья папарацци очень обрадуются. Не делайте им этого подарка.

Она пожала плечами:

— Одним унижением больше, одним меньше.

— Почему вы так жестоки к себе?

— Потому что это единственная свобода, которой я располагаю, — ответила она. — Потому что моя жизнь не стоит ничего.

— Я знаю, что мужчинам не дозволено спрашивать об этом, но сколько вам лет, Элисон? Двадцать четыре? Двадцать пять?

— Двадцать шесть.

— Как можно говорить, что жизнь ничего не стоит, в двадцать шесть лет?!

— А это уже моя проблема.

Умышленно Марк спровоцировал ее:

— Не рассчитывайте, что будете плакаться мне в жилетку. У вас есть все, что можно пожелать: деньги, молодость и, несомненно, здоровье... Вы думаете, что ваша жизнь ничего не стоит — так измените ее! Делайте что-то другое, с другими людьми. Вы можете даже начать с нуля: купить себе новое лицо, новое имя, новую жизнь.

— Жизнь переделать нельзя, ее можно только продолжить. Все знают это, господин психолог.

— Сегодня утром я задал вам один вопрос, но вы мне не ответили.

— Я уже не помню, — заявила она, смутившись.

— Я хотел узнать, за что вы хотите себя наказать.

Элисон почувствовала, как ее захватывает неодолимая потребность все выложить этому человеку, которого она знала всего несколько часов. Желание немедленно избавиться от мучившего ее секрета было слишком велико. Конечно, последствия могут быть ужасны: тюрьма, бесчестье... Но если хорошенько подумать, уже долгие годы ее жизнь — тюрьма. А что касается бесчестья...

Встретив взгляд молодой женщины, Марк задал свой вопрос в последний раз:

- За что вы наказываете себя?
- Потому что я убила мальчика.

Бeverли-Хиллз, Калифорния

Весна 2002 года

Два часа после полудня

В роскошной комнате средиземноморской виллы Элисон открывает один глаз и тут же смыкает его.

О, моя голова!

Накануне вечером она организовала небольшую вечеринку по случаю дня рождения своего очередного мимолетного дружка. Сборище гламурной молодежи Беверли-Хиллз продолжалось до поздней ночи. Элисон слишком много выпила и в отвратительном состоянии легла спать только рано утром.

Когда наконец она решилась посмотреть на часы, выругалась от досады и подскочила на кровати.

А, черт!

Элисон обещала присутствовать на открытии нового спортивного зала для VIP-персон в Хантингтон-Бич, но уже опоздала. Она сделала несколько шагов к туалету, но просыпаться тяжело: тиски сжимают голову, в желудке изжога, во рту сухость, ресницы слиплись. Теперь она сожалела о каждом стакане водки, о каждой текиле, которые накануне с улыбкой опрокидывала в себя. За последние несколько лет такие тяжелые похмельные пробуждения стали привычными. И каждый раз она клялась себе, что это больше никогда не повторится, но ее добрые намерения были тщетны...

Она ополаскивает лицо водой, тащится на кухню, где Грасиелла, старая гувернантка из Пуэрто-Рико, хлопочет с утра, дабы навести порядок после вчерашнего погрома.

— Почему ты меня не разбудила? — упрекает ее Элисон.

— Ты меня не просила.

— И чего ты ждала? Уже два часа!

Латиноамериканская служанка вынимает из духовки тарелку и кладет на стол.

— Смотри, я приготовила тебе блинчики с лимоном и сахаром, как ты любишь.

Элисон со злостью отталкивает тарелку:

— Жир и сахар! Ты сошла с ума? У меня нет желания стать такой же жирной, как ты!

Грасиелла невозмутимо проглатывает упрек. Она уже двадцать лет служит у Ричарда Харрисона и знает Элисон с рождения. Раньше они ладили. Элисон рассказывала ей обо всем, что с ней случалось за день, делилась своими заботами и секретами. Но с некоторых пор они отдалились друг от друга.

В плохом настроении молодая женщина накладывает себе немного овсяных хлопьев и запивает их апельсиновым соком.

— У меня болит живот, — жалуется она, открывая стеклянную дверь.

Дверь кухни выходит на великолепный игровой домик, устроенный около бассейна в форме гитары, наполненного до краев. Элисон ненадолго усаживается на стул из тикового дерева, но начинает накрапывать дождь, и она убегает.

— *И погода против меня!* — злится наследница.

Вернувшись в кухню, она находит две шипучие таблетки, которые растворяет в стакане воды.

— Тебе бы надо сначала принять парацетамол, — замечает ей Грасиелла. — Аспирин только усилит изжогу.

— Что ты в этом понимаешь? — выходит из себя Элисон. — Ты не врач, ты служанка.

С этим оскорблением на губах она выходит из комнаты, закрывается в ванной и обрушивает на себя холодный душ, который скорее доводит ее до исступления, нежели успокаивает. Уже в комнате она натягивает облегающие джинсы Blue Cult, римские сандалии от Феррагамо, затем в раздражении перетряхивает все свои шкафы в поисках майки.

— Куда ты ее засунула? — рычит она, вылетая на кухню.

— Что? — спрашивает Грасиелла.

— Мою майку!

— У тебя их сотни.

— Моя розовая майка от Stella McCartney!

— Если ее нет в шкафу, значит, она в стиральной машине.

— Я что, просила тебя стирать ее?!

— Ты мне вообще ничего не говорила. И хватит капризничать, Эли. Тебе уже двадцать два, а не двенадцать.

— А ты не разговаривай со мной так!

— Я с тобой разговариваю, как это делала бы твоя мать, если была бы здесь.

— Но ты не моя мать, ты — моя домработница.

— Я, может быть, и твоя служанка, но все-таки выложу тебе всю правду: ты становишься невыносимой, Элисон. Ты ведешь себя как избалованный ребенок, глупый и эгоистичный. Ты бессердечна и бесчеловечна. Ты отравлена всем самым пагубным, что дают деньги: презрением и потерей истинных ценностей. Ты все еще не поняла, что богатство — это не только права, но и обязанности. Ну а уж на обязанности тебе плевать! У тебя нет никаких планов в жизни. Да, конечно, я твоя служанка, малышка моя, но даже мне с некоторых пор стыдно за тебя...

Задетая жестокой правдой Грасиеллы, Элисон хватается стоящую на столе чашу с хлопьями и наотмашь швыряет ее в лицо домработницы.

Грасиелла — женщина старая, но сноровку вовремя уклониться от летящего в нее снаряда еще не потеряла, и чаша разбивается о стену.

Несколько секунд обе пребывают в оцепенении, одна перед другой, парализованные яростью и внезапностью их ссоры.

Первой сдается Элисон, она убегает из дома и забивается в свою машину, огненно-красный внушительных габаритов внедорожник. Дрожащая, с затуманенными глазами, она поворачивает ключ зажигания, нажимает на газ и вылетает из ворот своего владения.

* * *

Зачем я это сделала?

Сильный дождь попеременно с молниями и громом обрушивается на дома, выстроенные в аккуратную линию, на цветущие, безупречно ухоженные сады. Джип «Вранглер» летит на полной скорости вдоль улиц, обсаженных пальмами и смоковницами.

«Почему я была такая отвратительная?» — спрашивает себя Элисон, заливаясь слезами.

Все, что только что ей высказала Грасиелла, — правда. С некоторых пор она ведет себя как маленькая идиотка. Она употребляет слишком много алкоголя и наркотиков, и это мешает ей держать себя в руках, из-за своей импульсивности она ходит по краю пропасти.

Дождь усиливается.

Она покидает роскошные холмы Беверли-Хиллз и въезжает в переплетение железнодорожных путей Калифорнии. Машинально она едет в направлении Хантингтон-Бич, хотя уже знает, что не поедет на открытие спортзала.

Раздавленная стыдом, она пытается привести в порядок свои мысли. Нужно изменить образ жизни, и срочно. Иначе ее когда-нибудь так занесет, что случится непоправимое!

Элисон тормозит, вытирает слезы. Дождь хлещет так, что дворники едва успевают удалять воду с ветровых стекол.

Молодая женщина пытается приободрить себя: она молода и потеряла всего лишь несколько лет. У нее есть еще время исправить положение, вернуться к учебе, не ходить больше по друзьям, которые и не друзья вовсе, перестать водиться с этими пустоголовыми выскочками...

От порывов ветра джип сотрясается. На шоссе сигнальные панели призывают быть осторожнее.

Элисон уже вся во власти надежды. Вот сейчас она вернется домой, извинится перед Грасиеллой и скажет «спасибо» за то, что та открыла ей глаза! Она проведет с ней всю вторую половину дня, поделится своими добрыми намерениями и поможет приготовить еду, как когда-то в детстве...

Сегодня вечером она сообщит хорошую новость отцу. Как раз на этой неделе Ричард находится в Лос-Анджелесе. У него всегда имелись большие планы на ее счет, но она по глупости и упрямству отдалилась от него. Ну ладно, теперь-то он опять сможет гордиться своей дочерью!..

Охваченная желанием поскорее осуществить свой план, Элисон протискивается между автомобилями в надежде проскользнуть в первый открывшийся просвет. Дорога выходит на типичное для Лос-Анджелеса пространство, где парковки чередуются с торговыми зонами. Элисон щурит глаза, стараясь сквозь пелену дождя разобраться в дорожных указателях. По правде сказать, ориентировалась она всегда неважно — вот и теперь проскочила боковую дорогу, по которой хотела поехать. И в конце концов оказалась на уличном паркинге. Яростный ветер, потоки дождя — Элисон вспоминает фильм «Магнолия»,^[107] который заканчивается таинственным и ужасающим дождем из падающих с неба жаб...

Многие машины приткнулись к обочине, пережидая грозу, но Элисон продолжает путь.

Внезапно раздается мелодичный телефонный звонок. Аппарат в ее сумочке, а та — внизу, под пассажирским сиденьем.

Все знают, что нельзя отвечать на телефонный звонок, ведя машину, но все это делают.

Элисон наклоняется за мобильным телефоном, говорит себе, что только посмотрит номер, глянет, кто звонит. А потом перезвонит попозже, когда...

ЖЕСТКИЙ И ВНЕЗАПНЫЙ УДАР.

Элисон подсакивает, охваченная паникой. Она наехала на что-то. Бордюр тротуара? Животное? Она жмет на тормоза, останавливается и открывает дверцу джипа. Сердце бешено колотится. Как только она выходит из машины, ее худшие опасения подтверждаются: она наехала не на что-то.

Это кто-то.

Это ребенок.

* * *

— Эй, ты как, с тобой ничего не случилось?

Элисон бросается к мальчику, но при виде его безжизненного тела застывает от ужаса. Ребенок малюсенький и хрупкий. На его одежде и на шоссе следов крови не видно, но положение головы ребенка заставляет опасаться, что он ударился об один из многочисленных бетонных ящиков для цветов, стоящих вдоль дороги.

В смертельном ужасе Элисон вертит головой во все стороны, отчаянно ища поддержки.

— На помощь! Помогите мне!

Но вокруг — ни души. Сильнейшая гроза с ударами грома и сверканием молний опустошила улицы.

Не паникуй! Только не паникуй!

Она возвращается к машине, подбирает телефон, намереваясь набрать 911, но номер службы спасения занят — конечно, в связи с ненастьем.

Она пробует во второй раз, затем в третий. Безуспешно.

Исхлестанная потоками дождя, она решает сама отвести ребенка в больницу.

Бережно она приподнимает его и несет к джипу.

— Ты должна выпутаться! Не теряй голову!

Она трогается с места, и, несмотря на панику, ей удается вырулить на шоссе. Больница находится на востоке центральной части города, это не очень далеко.

— Только не умирай!

Залитая слезами и дождем Элисон, не верящая в Бога, умоляет его:

— *Пожалуйста, сделай так, чтобы он остался живой! Чтобы он выкарабкался!*

На дороге тьма, и все расплывается в потоках ливня. Три часа дня, а кажется, что стоит глубокая ночь.

— *Не наказывай меня через этого малыша!*

Наконец она въезжает на парковку для машин «Скорой помощи», но основной проезд перегорожен двумя пожарными автомобилями, которые как раз разворачиваются. Вместо того чтобы дождаться, когда освободится проезд, Элисон предпочитает поехать по световым указателям, ведущим к общей стоянке. Припарковав джип, Элисон рывком открывает дверцу, огibt машину и берет ребенка на руки. Но когда она приподнимает его, перед ней предстает ужасающая картина: маленький мальчик мертв.

Она страшно кричит, затем в невменяемом состоянии сильно прижимает его к себе.

Проходит много времени, прежде чем она захлопывает дверцы машины.

Отупевшая, не соображающая, что ей дальше делать, Элисон впадает в протрацию. И в этот момент она непроизвольно, почти рефлекторно набирает номер своего отца.

* * *

Через полчаса

Дождь закончился, влажный туман окутал стоянку.

Огромный «Хаммер» с тонированными стеклами вторгается на территорию больницы. Первым из него выходит Ричард Харрисон в сопровождении высокого негра внушительного телосложения. Куртис — телохранитель Харрисона, а по совместительству — исполнитель его темных дел. Во время своего восхождения бизнесмен позаботился окружить себя узким кругом лиц, обязанных ему всем и готовых отдать за него жизнь. Куртис из их числа.

Мужчины сразу же обнаруживают Элисон. Она сидит около стенки, обхватив голову руками. Одежда на ней вымокла, лицо мертвенно-бледное. Она дрожит, стучит зубами и, кажется, находится в состоянии, близком к

психозу. Руки ее судорожно сжаты, и в одной из них она сжимает серебряную цепочку ребенка, упавшую в машине. Ричард наклоняется к дочери, дотрагивается до ее лица и ощущает, что она горит как в лихорадке.

— Отвези ее домой, — просит он Куртиса. — Грасиелла о ней позаботится. Вызови доктора Дженкинса, если ей станет хуже, и держи наготове самолет.

Пока Куртис закутывает Элисон в одеяло и несет к «Хаммеру», Ричард открывает дверь джипа, обнаруживает там труп ребенка и тут же захлопывает ее.

— А остальное? — спрашивает Куртис бесстрастно.

— Остальным займусь я, — отвечает Ричард.

* * *

Пустыня Мохаве

Восточная часть Калифорнии

Ричард Харрисон три часа гонит джип своей дочери. Он покидает мегаполис-спрут и намеревается углубиться в пустыню. Путешествие на грани безумия: на переднем сиденье — труп ребенка, завернутый в шотландский плед, словно в саван. Даже в самых страшных снах Ричард не мог представить себе, что однажды он подвергнется такой пытке.

В жизни он прошел через многие испытания: Вьетнам 1965-го, тогда он был молодым офицером; жена, больная раком, все стадии которого он прошел вместе с ней; ежедневные экономические баталии в мире бизнеса... Подростком, чтобы преодолеть страхи, он постоянно старался опередить события, проворачивая в сознании свои наихудшие опасения — в надежде усмирить их. С годами он очерствел, но привычку сохранил. В последнее время он и сам готовился к болезни, к смерти и чувствовал, что способен мужественно предстать перед ними. Но никогда он не был готов к *этому* — хоронить собственными руками ребенка, убитого его дочерью. И он спрашивал себя: способен ли он совершить это?..

С тех пор как Ричард выехал, он несколько раз останавливался, его рвало. Он ехал с широко открытыми окнами, так как воздух казался ему невыносимо удушливым. И все равно он задыхался и чувствовал, что его может хватить удар.

Но он не мог не позаботиться о дочери. Несколько недель назад ее уже лишили прав на три месяца за вождение в состоянии опьянения. Если

сейчас ее задержат за убийство при отсутствии водительских прав, она долгие годы проведет в тюрьме, и он, несмотря на все его связи, ничего не сможет для нее сделать.

Он попытался убедить себя в том, что еще может спасти положение: Элисон избежит заключения! После Палм-Спрингс он остановился в магазине садового инвентаря, купил лопату и мотыгу, заплатил наличными, избегая смотреть в сторону камеры наблюдения, и был почти уверен, что его никто не узнал. Он был самым богатым человеком в этой стране, но о нем писали только экономические издания, он не светился на обложках журналов, как Билл Гейтс или Уоррен Баффет, и был готов спорить на что угодно — красotka, обслужившая его за кассой, читала скорее «Телегид», нежели «Бизнес-уик».

С Элисон все было иначе: ее похождения создали ей скандальную известность у читателей желтой прессы, а это означает — у каждого жителя Лос-Анджелеса. С другой стороны, несмотря на то, что ему рассказала дочь по телефону, Ричарду с трудом верилось, что не было ни одного свидетеля несчастного случая, и он опасался, что полиция вскоре доберется до нее. Ему нужно было действовать быстро.

Очень быстро.

* * *

Еще целый час джип продолжал свой путь через горные массивы и скалистые равнины, поросшие лишь кактусами. К ночи Ричард Харрисон добрался до совершенно дикого пространства, недалеко от границы с Невадой. Он съехал с главной дороги, намереваясь углубиться в местность, состоящую из замшелых булыжников и развалившихся скальных пород. Среди этой бесплодной пустыни он заметил лежащий немного поодаль небольшой участок растрескавшейся земли, осененный «деревом Иисуса».

[\[108\]](#) Место приглянулось ему, он остановил машину, оставив зажженными фары.

В семь часов вечера он вонзил мотыгу в землю.

В десять он опустил тело в могилу.

В полночь — последний взмах лопаты.

В час ночи Ричард произнес молитву по покойнику, сел в машину и проделал путь в обратном направлении.

В три часа утра посреди совершенно пустынной местности Куртис сидел в джипе, ожидая сигнала хозяина поджечь машину.

В шесть часов Ричард вернулся в Беверли-Хиллз и отвез дочь в аэропорт.

Через два часа частный самолет миллиардера оторвался от земли и направился в сторону Швейцарии с Элисон на борту.

* * *

Ричард остался в Соединенных Штатах, ожидая последствий.

В первый день не произошло ничего. И на второй, третий и четвертый.

В конце недели он понял, что до них никогда не доберутся и что его дочь выпуталась из этого дела.

Но может ли он вычеркнуть такое из своей памяти и заставить себя поверить в то, что этого никогда не было?

Будущее — это настоящее, вышедшее из прошлого.

Андре Мальро^[109]

Сегодня

В самолете

Шесть часов вечера

— Дамы и господа, наш самолет начинает снижение и вскоре приземлится в аэропорту Нью-Йорка. Займите, пожалуйста, ваши места, спинки кресел приведите в вертикальное положение и пристегните ремни.

Объявление командира корабля резко прервало рассказ Элисон.

Словно вырвавшись из страшного сна, молодая женщина подняла глаза и оглянулась вокруг. «Флоридита» быстро пустела, и две стюардессы приглашали последних клиентов занять свои места.

— То, что я совершила, нельзя простить, — сказала Элисон, стирая с глаз остатки туши. — А худшее — это то, что я позволила отцу заняться этим. После той трагедии я осталась в Швейцарии и лечилась от депрессии. Когда я вернулась, все было так, будто ничего не произошло.

Потрясенный и повергнутый в ужас рассказом Элисон, Марк все же попытался найти нужные слова:

— Нет ничего, что нельзя было бы простить, но в жизни есть вещи, которые нельзя изменить. Сколько бы вы ни старались мучить себя, это не вернет ребенку жизнь.

— Это меня не утешает.

— А я и не пытаюсь. Вы должны нести ответственность и быть готовой к тому, что вам может стать еще хуже. Но ваша жизнь не кончена. Есть множество дел, которые вы можете совершить: прийти на помощь другим детям, участвовать в социальных и гуманитарных акциях. И не только вкладывая деньги. Вам решать, но не оставайтесь пленницей вашего прошлого. И потом — может быть, мы не все понимаем...

Он не закончил фразу.

Он подумал о своей чудом вернувшейся дочери и своих собственных

страданиях.

Элисон взглядом призывала его продолжать.

— Возможно, страдание не всегда бесполезно, и оно открывает путь к чему-то другому, — предположил он. — Быть может, смысл всего этого от нас ускользает.

Наследница опустила глаза и спросила:

— Какой смысл может иметь смерть ребенка?

Марк открыл рот, но не нашелся, что ответить.

* * *

— Вам пора идти на место, господа, — одна из стюардесс настойчиво приглашает их встать из-за стола.

Марк автоматически встал. Ему хотелось бы пообщаться с Элисон подольше, уговорить ее создать себе будущее даже с таким прошлым.

Самолет начал раскачиваться и пошел вниз, к облакам. Стюардесса поспешила проводить врача к лестнице, ведущей к главной палубе.

В спешке он забыл свой бумажник на одном из столиков «Флоридиты». Когда Элисон заметила это, Марка уже не было. Она осмотрела портмоне, отметила потертость кожи, но с искушением открыть его все-таки справилась. Вместо этого она положила бумажник в карман и дала себе слово вернуть его позже.

Словно сама себе пообещала увидеть его вновь.

* * *

В этот самый момент на Манхэттене Коннор бросил взгляд на часы в стиле ультрамодерн, украшавшие стену его приемной в клинике Моцарта. Здесь он занимался самыми серьезными пациентами, которых не мог лечить в своем кабинете. Менее чем через час он увидит Марка. Он ждал этого момента со смешанным чувством нетерпения и опасения.

В нескольких метрах от него, в глубине изящного дивана, сняв обувь и поджав ноги под себя, сидела Николь. Коннор заметил, что она дрожит, и принес ей одеяло. Она положила его себе на колени, поблагодарив врача взглядом. Он опустил ей руку на плечо, и на мгновение они погрузились в безмолвие, каждый в свое. Солнце садилось над Баттери-парком, наполняя комнату теплым, чайного оттенка светом, создавая контраст с голубыми

холодными тонами клиники...

— Как, ты думаешь, он отреагирует, узнав правду? — спросила Николь.

Он тоже задавал себе этот вопрос.

Дружба, которая связывала его с Марком, — сохранится ли она после того, что произойдет? Он вспомнил ту страшную рождественскую ночь, когда три несчастных создания приехали к нему...

Ночь, когда все началось

*Если не знаешь, куда направляешься, вспомни,
откуда идешь.*

Африканская пословица

*Рождественская ночь 2006-го, в центре Манхэттена...
3 часа 30 минут — Коннор и Элисон*

Снег сверкает под уличными фонарями Сохо.

Поставив на стоянку «Астон-Мартин», Коннор возвратился в свои апартаменты, холодные и неуютные, в которых только спит. Когда он нажал на выключатель, зажглась простая, висящая под потолком лампочка, создающая впечатление, будто в квартире идет ремонт. С отсутствующим видом Коннор пересекает большую гостиную с белым паркетным полом. На нем разбросаны несколько картонных коробок, которые он так и не удосужился распаковать. Кухня — такая же неустроенная, как и гостиная. Шкафы пусты, на стеклокерамической плитке — ни единой царапины. Из хромированного холодильника Коннор достает бутылку шардоне, наливает стакан вина и возвращается в гостиную. В комнате леденящий холод, и Коннор прибавляет градусы на термостате, но аппарат продолжает выплевывать холодный воздух. Чтобы согреться, врач залпом проглатывает стакан, наливает другой. Может быть, взять всю бутылку с собой в гостиную?.. Зачастую, когда он не занят работой, Коннор ощущает внутри пустоту — бездну, которую нельзя заполнить: никем, ничем, даже наркотиками.

Вот почему его личная жизнь подобна его квартире.

Она безнадежно пуста.

Он развязывает галстук и делает несколько шагов в сторону широкого окна. Внизу на тротуаре Коннор замечает такого же одинокого, как и он, снеговика, которому отдал свой шарф. Мак-Кой поднимает стакан в направлении своего товарища по несчастью, потом падает на диван и машинально включает большой плоский экран, висящий на стене. Он убирает звук и начинает перескакивать с одного канала на другой: на

специальном «Кинозале» показывают отрывки из старых фильмов, события в которых происходят в Рождественскую ночь: «*It's a wonderful life*», [110] «*Miracle on 34th Street*»...

В народных поверьях она считается особенной. Это ночь, когда все может произойти...

Так оно и будет!

Коннор закрывает глаза.

Образ Эви, странной и грустной девочки, попытавшейся украсть у него сумку, продолжает всплывать в его сознании: он знает, что она проведет ночь в холоде и страхе. Он почувствовал, что она была на грани срыва, снедаемая тяжестью своей ненависти, но не сумел помочь ей.

Коннор до сих пор продолжал упрекать себя в этом. И в этот момент звонит телефон. Коннор хмурится. Это, несомненно, Николь, которой он забыл перезвонить. Он проверяет, но на экране высвечивается «частный номер».

— Алло?

— Вы... вы... Коннор Мак-Кой?

— Да.

— Я знаю, что уже поздно, а я беспокою вас, но...

Это голос женщины, похоже, молодой, она охвачена паникой:

— ...мой отец, он направил меня к вам... Он говорит, что вы единственный, кто может помочь...

Каждое слово прерывается икотой.

— Что с вами произошло? — спрашивает врач.

— Я кого-то убила.

Коннор на мгновение растерялся. На другом конце провода — только рыдания и вздохи.

— Успокойтесь, пожалуйста, мисс, — советует он. — Могу я узнать кто вы?

— Меня зовут Элисон Харрисон.

Коннор подходит к окну. Внизу, на улице, он замечает молодую женщину, прислонившуюся к капоту автомобиля.

— Где вы, Элисон?

Одинокая, засыпанная хлопьями снега молодая женщина поднимает глаза к окну последнего этажа. Ее взгляд устремляется на Коннора, она видит его и в этот самый момент произносит:

— Я здесь, внизу, у вашего дома.

Через час

Комната погружена в сумерки. Элисон заснула на диване в гостиной. Поломка нагревательного устройства вынудила Коннора наконец включить камин, и в гостиной уютно пылает огонь. Стоя у окна, психолог в замешательстве смотрит на свою новую «пациентку».

Он знает, кто она. Он даже видел ее фотографии в газетах и журналах. Он слышал о ее похождениях и знает, что ее имя стало синонимом скандала и таблоидов. Но молодая женщина, с которой он только что разговаривал, не показалась ему ни высокомерной, ни избалованной. Заблудившаяся, в плену у прошлого, каждый день толкающего ее к краю пропасти, она смиренно пришла просить у него помощи...

В течение часа Элисон рассказывала ему свою историю: о происшествии на дороге, которое стоило жизни маленькому мальчику, трупке ребенка, который спрятал ее отец, о попытках вытеснить этот кошмар из памяти, потом о невозможности «с этим жить», о все больше и мощнее раскручивающейся спирали саморазрушения и попытке самоубийства.

Во что бы то ни стало она хочет избавиться от этого ужаса, хотя и опасается, что выхода из этого ада не существует. Сегодня вечером она была готова сдать полиции, но у нее не хватило мужества. Коннор — ее последняя надежда.

Она решила последовать давнему совету своего отца: обратиться к врачу и вручить ему свою судьбу.

Коннор добавляет полено в камин.

Сейчас он вспомнил, что через несколько месяцев после появления его книги он получил отклик от Ричарда Харрисона. Бизнесмен писал, что книга произвела на него глубокое впечатление и что он хотел бы встретиться с ним. Коннор не ответил, но потом пожалел, так как несколько месяцев спустя, на вершине благополучия, миллиардер публично объявил о своей болезни.

«Этот ребенок, которого я убила, — сказала Элисон в конце рассказа, — он каждую ночь является мне во сне».

При этих словах Коннор вздрогнул. Казалось, он услышал самого себя и потому переживал ее страдание, как свое собственное. По этой причине он обещал помочь ей. Он заставил ее принять анксиолитическое средство

[\[111\]](#) и предложил провести ночь у него. Завтра он обсудит с ней новые терапевтические методы лечения, но пока ей надо отдохнуть. Успокоенная словами врача, она улеглась ближе к огню и наконец уснула, завернувшись в одеяло.

* * *

4 часа 45 минут — Коннор и Эви

Глубоко задумавшись, Коннор собрался зажечь сигарету, как снова зазвонил телефон. Удивленный вторым ночным звонком, он быстро берет трубку:

— Доктор Коннор Мак-Кой?

— Да, это я.

— Это полиция...

Вы обвиняетесь в смерти двух человек в Чикаго в 1989 году.

— ...Лейтенант Дэйв Донован, 14-й округ...

— *Вы обвиняетесь в умышленном сокрытии убийцы в вашем доме.*

— ...извините, что беспокою вас среди ночи, доктор.

— Чем могу быть полезен?

— Двое наших сотрудников задержали несовершеннолетнюю девушку, самовольно проникшую в холл здания, расположенного в виллидже. [\[112\]](#) Она заявляет, что ее мать умерла и в Нью-Йорке у нее родственников нет.

— Эви Харпер?

— Да, именно так она и назвалась, девушка утверждает, что она ваша пациентка.

— Да... это правда, — лжет Коннор, — а что с ней?

— У нее переохлаждение организма, но сейчас ей лучше. Теоретически я должен поставить в известность социальные службы, но подумал, что будет лучше сначала предупредить вас.

— Я сейчас буду, — заявляет врач, прерывая разговор.

Коннору сразу становится легче.

Он даже чувствует нечто вроде эйфории при мысли вновь увидеть Эви. А вдруг это была та самая ночь, когда все это должно было произойти?

— Осторожно... Джереми! Осторожно!

Коннор резко оборачивается к дивану. Это Элисон во власти тягостных сновидений отбивается от невидимого врага.

Он присаживается около нее и осторожно будит.

— Мне нужно выйти на некоторое время, — объясняет он Элисон.

— А вы вернетесь? — спрашивает молодая женщина сквозь сон.

— Сразу, как только смогу, — уверяет он ее.

Коннор проходит на кухню, чтобы приготовить ей настой.

— Его звали Джереми, мальчика, которого вы сбили?

— Это все, что я о нем знаю, — подтверждает Элисон. — Это имя было написано на его цепочке.

— Его цепочке?

— На его запястье был маленький браслет-цепочка, застежка сломалась... от удара... Я подняла его.

Объясняя это, она роется в сумке, достает оттуда цепочку с плоскими звеньями и кладет на столик.

Коннор возвращается в гостиную и приносит ей дымящуюся чашу. Взяв в руки браслет, он так потрясен, что ему приходится сделать над собой сверхчеловеческое усилие, чтобы скрыть свое волнение от Элисон. Он надевает пальто, бормочет «до скорого» и покидает квартиру. И только в лифте он дает волю своим чувствам.

Он хорошо знает, кто такой Джереми.

* * *

Полицейский участок 14-го округа

— Вот то, что вы меня просили, пожалуйста, — говорит Коннор, подписывая на глазах полицейского бумагу, согласно которой он как врач берет на себя всю ответственность за пациентку Эви Харпер.

Пока полицейский старательно вычитывает документ, Коннор меряет шагами вестибюль. В эту рождественскую ночь в участке царит необычайное оживление: со всех сторон входят полицейские, ведущие обитателей трущоб, пьяниц, жертв дорожных происшествий. Коннор ненавидит это место, как ненавидит все, что имеет хоть какое-нибудь отношение к полиции. После того, как он посмотрел на Бродвее «Отверженные», он стал ощущать себя Жаном Вальжаном, постоянно опасаящимся появления Жавера. В самых отдаленных уголках сознания он

убежден, что убийство наркоторговцев однажды всплывет на поверхность, и его жизнь закончится за тюремными стенами.

— Все в порядке, — заявляет офицер, складывая документ в папку.

Он говорит по телефону, бормочет какие-то слова, затем поворачивается к Коннору.

— Вам сейчас приведут девочку, — объявляет он с тактичностью хозяина борделя.

— Вы очень любезны.

Однако Коннору приходится ждать довольно долго.

— Привет, — говорит он, увидев Эви.

— Привет, — отвечает она, делая несколько шагов навстречу ему.

Она грязная, ослабевшая, у нее слипаются глаза. Холод, невозможность поспать, содержание в камере стали тяжкими испытаниями для нее.

— Пошли? — предлагает Коннор, забирая рюкзак девочки.

* * *

Они молча едут в комфортабельном «Астон-Мартине», и белый металлический город проплывает перед их глазами. Те немногие снежные хлопья, которые все еще падают, тут же сметаются с ветрового стекла мощными дворниками.

— Спасибо, что пришли, — вздыхает Эви устало. — Мне жаль, что разбудила вас среди ночи.

— Ты правильно сделала, — отвечает Коннор, — я о тебе беспокоился.

Улицы пустынные, но из-за снегопада приходится ехать осторожно. Врач притормаживает на перекрестке улицы Хьюстон и направляется на юг.

— ...ничего, я все равно очень мало сплю, — уточняет он.

— Я знаю, — кивает Эви.

На улице Лафайетт, когда они проезжают Нолита и Маленькую Италию, Коннор мрачнеет:

— Откуда ты можешь знать?

— Потому что это написано в книге.

— Какой книге?

— В вашей, — говорит она, доставая из рюкзака свой потрепанный экземпляр «Выжить».

Коннор качает головой и впервые улавливает на лице девушки

проблеск детской шаловливости: она слегка улыбнулась, едва заметно.

Эви отворачивается к окну.

День еще не занялся, но ночь уже подходит к концу.

Автомобиль едет теперь по узким улицам Нижнего Манхэттена. Машину теснят вертикальные поверхности небоскребов, и она пробирается по каньону из стекла и стали в направлении улицы Храма и Граунд Зиро.
[\[113\]](#)

— Куда мы едем?

— В клинику Моцарта. Я работаю там, когда не принимаю в своем кабинете.

— Я не хочу ехать в больницу, — предупреждает девочка.

Понадобилось всего несколько секунд, чтобы ее опасения и недоверие вырвались наружу: ведь она живет в вечном страхе, что не сможет осуществить мщение, которое носит в себе, словно постоянно гноющуюся язву.

— Ты должна отдохнуть и подлечиться, — отвечает Коннор тоном, не допускающим возражений.

Но Эви ничего не желает слышать.

— Я хочу выйти! — стонет она, судорожно хватаясь за ручку двери, пытаюсь открыть ее.

— Надо было оставить тебя в тюрьме, — вздыхает Коннор, и не думая останавливаться.

Внезапно, когда машина мчится на полной скорости, девочка резко открывает дверь и отстегивает ремень безопасности.

Коннор резко тормозит перед церковью Троицы. В отчаянии он выпрыгивает из машины, обегает «Астон-Мартин» и хватается за воротник.

— Ты что, хочешь убить себя? — взрывается он, вытаскивая ее из машины.

Потрясенная гневной реакцией врача, Эви закрывает глаза и отворачивает голову, словно опасаясь получить удар.

— Посмотри на себя, — рычит Коннор. — На кого ты похожа! Изнуренная, страшная, ты как старушка малолетняя!

Девушка рассматривает свое отражение в стекле автомобильной двери, но быстро опускает глаза, испуганная тем, что увидела.

Коннор продолжает:

— Если хочешь загнаться, продолжай, ты на правильном пути! Ты не знаешь Нью-Йорка. Если я брошу тебя здесь, на тротуаре, ты не протянешь и недели! За это время ты умрешь или станешь проституткой,

обслуживающей клиента за пятнадцать долларов. Вот так ты хочешь закончить свою жизнь?!

От ярости врач врезает кулаком в капот машины, а по щекам Эви, потерявшей дар речи, льются горькие слезы.

* * *

И вот — все сказано.

Ранним морозным утром, в тени мертвых башен, они стоят и смотрят друг на друга, раздавленные, обессиленные, опустошенные.

Затем Коннор медленно садится в машину, поворачивает ключ и запускает двигатель. Эви как призрак неподвижно стоит на тротуаре.

— Не больше недели, — повторяет Коннор будто для себя самого.

* * *

«Астон-Мартин» покидает лабиринт темных улиц Уолл-стрит и выезжает на берега Гудзона. Коннор возвращается назад и въезжает в Бэттерри-парк-Сити. Построенный на берегу океана роскошный комплекс возвышается на дамбе, земля которой была изъята при строительстве Всемирного торгового центра.

С помощью магнитной карты врач разблокировал доступ к зоне многоуровневого паркинга и поставил автомобиль в самом низу. Он выходит из машины, пересекает стоянку. Эви следует за ним на расстоянии нескольких метров. Погруженные в молчание, они доходят до лифта, который доставляет их в вестибюль клиники Моцарта — суперсовременного учреждения, занимающего два этажа Финансового центра.

В приемном отделении Коннор кратко беседует с ответственным дежурным и берется сам заполнить карту поступления Эви в отделение.

Медсестра проводит девушку в палату.

* * *

Через двадцать минут

Коннор тихонько открывает дверь палаты. Ни одна лампа не горит, но комната наполнена светом голубой ночи, который проникает сюда из города. Одетая в больничную пижаму, Эви лежит на кровати с капельницей на руке, взгляд устремлен в пустоту.

— Как дела? — спрашивает врач.

Молчание.

Чтобы как-то завязать диалог, он медленно проговаривает ей все, что накопилось у него на сердце:

— Я полагаю, что тебе никогда не оказывали ни поддержки, ни понимания. И чтобы защитить себя, ты воздвигла крепость из жестокости и недоверия...

Эви не шелохнулась, но Коннор слышит ее дыхание.

— Ты права: именно так можно пересилить жестокость жизни. И очень долго я тоже был таким, как ты, Эви: я не доверял никому.

Она чувствует, что взгляд Коннора устремляется на нее, и сразу закрывает глаза.

— Но оставаться в изоляции и одиночестве — не решение твоих проблем.

Коннор делает несколько шагов к окну. Его взгляд устремляется вдаль — туда, где на кромке воды находится гавань Норт-Коув, роскошный ларец, хранящий в себе около полусотни кораблей, огни которых блещут в ночи.

— Я редко даю обещания, — говорит он, стараясь, чтобы Эви почувствовала его искренность. — Потому что уверенности не существует, когда имеешь дело с областью эмоций и сокровенных страхов. Я никогда не могу гарантировать пациенту, что ему станет значительно лучше после моей консультации...

Неожиданно дверь палаты открывается, и медсестра сообщает Коннору:

— Вам звонят по коммутатору, доктор МакКой. Кажется, это срочно.

Коннор поворачивается к девушке. У нее по-прежнему закрыты глаза, она ровно дышит и кажется спящей. Но он знает — девочка не спит, и продолжает:

— Зато я могу обещать, что сделаю все, на что способен, чтобы помочь тебе. Только если ты сама хочешь получить шанс, хочешь, чтобы у нас получилось, ты должна мне доверять...

Коннор наклоняется над кроватью и шепчет ей на прощание:

— Без доверия я ничего не смогу.

Семь часов — Коннор и Марк

Врач берет трубку, которую ему протягивает дежурный администратор. Он слышит голос женщины, Коннор узнает его. Это Николь.

— Я хотел перезвонить тебе, — начинает Коннор.

Но она пресекает всякие объяснения:

— Мне нужна твоя помощь, это касается Марка.

— Он вернулся?

— Да, но...

Голос Николь меняется:

— Он жил на улице, ты понимаешь? Все это время он был с бродягами! Нужно что-то сделать, он плохо себя чувствует, он обессилен и дышит с трудом.

— Успокойся, — просит ее Коннор, — объясни, в чем дело.

Николь, задыхаясь от рыданий, рассказывает, как Марк, спасший ее от нападения, остался у нее ночевать. Несмотря на ранение, он пожелал уйти на рассвете вместе с лабрадором, который следовал за ним по пятам. Беспомощная Николь стояла и смотрела, как он уходил от нее в холод и неизвестность, дрожа от ужаса при мысли, что во второй раз теряет любимого человека. Долго она стояла неподвижно посреди тротуара, пока не увидела лабрадора, который подбежал к ней с лаем. Она бросилась за ним.

Марк ушел недалеко. Он лежал на снегу, со сложенными крестом руками, без сознания, и не реагировал на жалобное повизгивание собаки.

— Если мы ничего не сделаем, он умрет, — заключила Николь.

— Оставайся с ним, — настойчиво просит Коннор. — Я пришлю «Скорую» как можно быстрее.

Рождественская ночь подходит к концу.

Невзирая на холод, Коннор выходит на крыльцо клиники, чтобы подождать возвращения «Скорой». Позади него Финансовый центр, его башни из стекла и гранита возвышаются над городом. Дует холодный утренний бриз, и, стараясь согреться, Коннор делает несколько шагов по бульвару, окаймляющему реку.

Он только что прожил необычную ночь. В эту ночь судьбы трех

истерзанных человеческих существ сошлись на нем.

Элисон

Эви

Марк

Все трое — на краю пропасти, но еще живые.

Этим утром на него лег давящий груз ответственности.

Способен ли он помочь им?

А если способен, то как?

Задумавшись, Коннор зажигает сигарету и смотрит на сторожевые корабли, патрулирующие порт.

Задул сильный ветер и погнал облака к западу.

День будет прекрасным.

Коннор поднимает голову. Благодаря просвету в облаках он замечает высоко летящий самолет, оставляющий за собой длинный белый шлейф.

И у него возникает идея.

Living is easy with eyes closed... [\[114\]](#)

Джон Леннон

Страх будет всегда. Человек может разрушить в себе все: любовь, веру, ненависть и даже сомнение. Но до тех пор, пока он дорожит жизнью, он не в состоянии уничтожить страх.

Жозеф Конрад

Сегодня

В самолете

18 часов 30 минут

Самолет продолжал снижаться к облакам, отбрасывая огромную тень на хлопковые плантации перисто-слоистых скоплений.

Марк занял свое место около Лейлы и Эви, которая, казалось, дремала в своем углу.

— Ты пристегнула ремень?

Маленькая девочка кивнула головой.

— Скоро прибываем, — объявил он, потрепав ее по щечке.

— Ты рада, что снова будешь дома?

Лейла нежно посмотрела на него и отвернулась к иллюминатору.

Плотные длинные полосчатые облака окутывали самолет, как влажный темный саван. Подобно насекомому, попавшему в ловушку, аэробус бился в небесной паутине.

Наконец Лейла прервала молчание странной фразой:

— Ты знаешь, я видела тебя, когда ты был в темноте?

— В темноте?

— В туннеле, — уточнила она, глядя на отца с грустью. — Туннель в метро...

Туннель, темнота, метро...

Марк далеко не сразу понял, что она говорит о том периоде, когда он

жил в канализации и подземке Манхэттена. Два года ада в беспощадном мире бездомных. Два года в чреве города он бродил по внутренностям метро и туннелям железнодорожных путей. Два года он был живым мертвецом, своим среди маргиналов и наркоманов. Целых два года заливал он свое отчаяние алкоголем...

Внезапно его охватила паника: как Лейла могла быть в курсе всего этого? Кто рассказал ей о том, что он спустился в ад? Николь? Ее похититель?

— Мне было очень грустно, когда ты шел по туннелю, — опять начала девочка. — Не возвращайся туда больше, папа!

— Но... — забормотал Марк, — откуда ты знаешь, что...

— Потому что я тебя видела, — повторила Лейла.

— Ты меня видела, но где была ты?

— Наверху... — сказала она, указывая пальцем на потолок.

Растерянный, Марк поднял голову в поисках этого «наверху», которое он не мог видеть.

— Не нужно тебе больше пить, — умоляет его Лейла. — И не нужно больше уходить. Останься жить с мамой.

Потрясенный Марк пытается оправдаться:

— Я ушел, потому что у меня не было больше сил. Я... я так боялся за тебя. Я не знал, зачем мне нужна моя жизнь... без тебя.

За несколько секунд Марк снова растерял всю свою уверенность и теперь словно плыл в тумане. Он посмотрел на Лейлу. Она свернулась в своем кресле и казалась такой маленькой. Марк прекрасно понимал, что самое главное ускользало от него: что-то очевидное, находящееся у него прямо перед глазами с самого начала путешествия.

— Объясни мне, пожалуйста, одну вещь, дорогая, — говорит он, наклоняясь к Лейле.

— Да?

— Почему ты не хочешь разговаривать с мамой?

Маленькая девочка, казалось, раздумывает. Потом, наверное почувствовав, что время пришло, тихо признается:

— Потому что она уже знает.

— Она уже знает — что?

— Что я умерла, — отвечает Лейла.

В этот самый момент на верхней палубе аэробуса Элисон Харрисон смотрит в иллюминатор: понемногу облака рассеиваются и сквозь них пробиваются островки океана.

С напряженным лицом она сжимает в руке забытый на столе «Флоридиты» бумажник Марка. Почему она испытывает такое непреодолимое желание заглянуть в него? Нет, не любопытство, а жизненную необходимость, глубокую потребность, как будто чей-то голос нашептывает ей на ухо, что от этого зависит ее жизнь!..

Ничего особенного внутри бумажника из глянцевой кожи нет: две кредитные карты, несколько долларов, водительские права, профессиональное удостоверение, а также фотография Марка и его жены. Элисон зачарованно разглядывала Николь. Она показалась ей красивой и изысканной: какая-то особая элегантность, о которой сама Элисон всегда мечтала, но которая никогда не была ей доступна. Элисон уже собиралась закрыть портмоне, как вдруг заметила другую фотографию, прикрепленную позади той, которую она только что изучала. Это был портрет маленькой девочки, лет пяти, со вздернутым носиком и лукавой улыбкой. Спортивная одежда, короткие волосы и бейсболка придавали ей вид несостоявшегося мальчишки. Она подтянула руки под подбородок, а на левом запястье четко виднелась серебряная цепочка с гравировкой «Джереми».

Удар, словно молния, страшной болью прорезал мозг Элисон.

Она поняла все.

Ребенок, которого она сбила машиной, это была... дочь Марка!

Элисон, охваченная паникой, одетую в бейсбольную форму малышку приняла за маленького мальчика. И ее первое впечатление подтвердилось, когда она прочитала на браслете имя.

Потом она узнает, что цепочка принадлежала двоюродному брату Лейлы, и, когда она стала ему мала, он подарил ее девочке...

Умирая от ужаса, Элисон вскочила и бросилась к лестнице, ведущей на главную палубу.

— Почему, почему ты говоришь, что умерла? — восклицает Марк, ошеломленный ответом девочки.

— Потому что это — правда, — отвечает Лейла почти огорченно.

— Но это невозможно, потому что ты здесь.

Она пожала плечиками, будто давая понять: не все так просто.

— А когда ты умерла? — с трудом выговорил отец.

— С самого начала, — призналась спокойно Лейла. — Когда меня

сбила машина.

— Машина?

— Джип, — уточнила она.

— Ты... тебя никогда не похищали?

— Нет, это был несчастный случай. Я вышла из магазина, чтобы поиграть, и заблудилась... из-за грозы.

Марк неожиданно рассердился:

— А почему ты вышла?! Тебе повторяли тысячи раз, чтобы ты никуда не уходила из магазинов. Шел дождь, было опасно...

— Дети резвятся, бегая под дождем, — ответила Лейла обезоруживающим тоном.

Марк чувствовал, как у него жжет глаза. Какой бы нереальной ни была эта история, в глубине души он знал, что Лейла говорит правду, хотя он еще не был готов принять ее.

— Я умерла, но ты не должен печалиться, — сказала маленькая девочка, беря его за руку.

— Но как, как же мне не печалиться?! — спросил Марк умоляющим тоном.

— Иногда происходит то, что должно произойти, — объяснила Лейла-фаталистка.

Марк начал понимать, что его время уходит, и что бы он сейчас ни предпринял, он не в состоянии управлять ходом событий. Он сжал Лейлу в объятиях, так будто этот жест мог вырвать ее из когтей смерти.

— Иногда вещи происходят, потому что просто пришло время, — добавила Лейла тихим голосом, почти заглушенным шумом двигателей.

— Нет! — закричал Марк из последних сил.

Его восклицание смешалось с криком Элисон. Она стояла перед ним, вся дрожа.

— Ребенок, которого я сбила... — начала она глухим голосом.

Фотография, которую она держала в руках, выскользнула, перевернулась в воздухе и упала к ногам врача.

— ...я думала, что это был маленький мальчик, — договорила Элисон, — но это была ваша дочь.

Одновременно Марк и Элисон повернулись к креслу Лейлы.

Девочки не было.

Но исчезла не только она. Стюардессы, стюарды, шестьсот пассажиров: все это, казалось, улетучилось куда-то. Огромный А-380 был пуст. Посреди неба в этом пятисоттонном самолете остались только три человека.

Марк
Элисон
Эви

— Ты принимаешь синюю таблетку — и на этом история заканчивается. Ты просыпаешься в своей постели, и думай, что хочешь.

— Ты принимаешь красную таблетку — и остаешься в Стране Чудес, и я показываю тебе, как далеко вниз уходит нора.

Из фильма «Матрица»

Сегодня

В самолете

— Что это...

Элисон захотелось заорать, но крик застрял в горле.

Эви широко раскрыла глаза, вся во власти безотчетного страха.

Это невозможно...

Совершенно растерявшись, Марк ошалело уставился на сотни кресел, ставших, как по волшебству, пустыми.

Не было больше никого.

В одну секунду исчезли пассажиры, члены экипажа — все.

Врач пошел к центральной лестнице, его спутницы — за ним.

Пустые кресла. На полках ни одежды, ни сумок, ни книг, ни газет. Элисон открыла багажные отделения, намереваясь посмотреть, что там внутри: пусто, пусто, пусто...

— Лейла! — застонал Марк. — Лейла!

Но его крик отчаяния остался без ответа.

Элисон и Эви посмотрели друг на друга.

— Пилоты! — воскликнул Марк. — Что стало с пилотами?

Самолет спокойно, без помех, продолжал снижение к аэропорту Нью-Йорка, но управлял ли им кто-нибудь?!

Врач в сопровождении Элисон и Эви бегом поднялся по лестнице, ведущей к верхней палубе. В первом и бизнес-классе тоже никого не было. Марк смело проник в зону обслуживания. Этот зал, строго

предназначенный для персонала, открывал доступ в кабину пилотов, расположенную между этажами. Входная дверь в кабину пилота была не заперта. Марк толкнул ее.

В передней части огромной кабины пилота восемь контрольных экранов обрамляли вертикальные ручки, напоминавшие большие джойстики. Но места пилота и его помощника были пусты.

Элисон и Эви тоже вошли в кабину. Задыхаясь от ужаса, все трое подошли к стеклянной поверхности. Самолет летел низко. Он только что вышел из облаков и приближался к Манхэттену. День угасал, и все же, несмотря на безнадежность положения, панорама, развернувшаяся перед глазами последних пассажиров рейса 714, заставила их замереть от восторга. Уходящий свет солнца окрасил небо во все оттенки меди, очертив верхние линии небоскребов. Известный на весь мир символ Манхэттена четко выделялся на красновато-коричневом с золотистым отливом фоне неба.

Но самым потрясающим в этом пейзаже было то, что они собственными глазами увидели две башни Всемирного торгового центра, уходящие высоко в небо.

Как тогда...

Тогда, когда Марк не потерял дочь.

Тогда, когда Элисон не погубила Лейлу.

Тогда, когда Эви не потеряла мать.

Это было так странно — вернуться назад и вновь увидеть «старый» Нью-Йорк.

Управляемый невидимой силой самолет замедлил скорость. С легкостью планера он коснулся башен-близнецов, и его белый фюзеляж отразился в серебристых стеклах...

Марк, Элисон и Эви подошли друг к другу.

Их руки, пальцы и плечи соприкоснулись. Они боялись, им не хотелось проходить через это испытание в одиночку.

Что же случилось?!

Каждый пытался найти рациональное объяснение. Сон? Галлюцинации от большого количества кокаина или алкоголя? Нет. Это странное путешествие вернуло всех троих к их самым сокровенным переживаниям. Они предстали пред своими бесами, вновь мысленно пережив самые важные моменты своего существования, оглянулись, чтобы навести порядок в своей жизни и подготовиться к... смерти.

Смерть...

Неужели она и была истинным предназначением этого путешествия?
Этот рейс — своего рода чистилище?

Проход по освещенному туннелю — это то, что рассказывают пережившие клиническую смерть?..

Над Ист-Ривер самолет начал совершать полукруг, возвращаясь к югу острова. Теперь он летел совсем низко, в нескольких десятках метров от земли и воды. Город казался пустынным и неподвижным. Тяжелый лайнер оставил позади Бэттери-парк, пролетел над Нью-йоркской бухтой до острова Эллис^[115] и статуи Свободы.

За несколько секунд до падения Элисон схватила Марка за руку и прошептала ему:

— Я сожалею.

Врач покачал головой. В его затуманенном взгляде сострадание одержало верх над ненавистью.

Его последним жестом было повернуться к Эви. Он прочитал в ее глазах панику, взял девушку за руку и успокоил:

— Не бойся.

Самолет с силой врезался в водную поверхность.

Краткий вскрик.

Потом голубизна.

Потом чернота.

А потом?

А потом...

Чтобы найти счастье, нужно не бояться пережить несчастье. Если вы хотите быть счастливым, не нужно стараться во что бы то ни стало избегать несчастья. Лучше искать, как и благодаря кому можно его преодолеть.

Борис Цирюльник [\[116\]](#)

*Сегодня
Клиника Моцарта
19 часов*

Три тела.

*Марк
Элисон
Эви*

Три тела — рядом в зале больницы.

Три тела. Каждое из них — в отдельной звукоизолированной камере в форме кокона.

На голове у каждого — шлем с электродами, подключенными к компьютеру.

За пультом управления Коннор и Николь с тревогой ждут, когда пациенты выйдут из состояния гипноза, в котором они пребывают уже несколько часов.

Никогда не было этого самолета.

Никогда не было рейса 714.

Не было никакой катастрофы.

Встреча Марка, Эви и Элисон в самолете — не что иное, как сеанс коллективной психотерапии на основе гипноза, нечто вроде лечебной ролевой игры, придуманной Коннором, чтобы спасти этих людей, которые в ту знаменательную рождественскую ночь пришли к нему за помощью.

Коннор и Николь не хотели рассказывать Марку о смерти Лейлы. Он был настолько обессилен и психически подавлен, что правда могла довести его до самоубийства или безумия. Чтобы сообщить Марку эту ужасную новость, Коннор и придумал спектакль, который должен был заставить Эви отказаться от своей мести, а Элисон — признать свою вину в убийстве Лейлы.

Николь смотрела на мужа с беспокойством. Несколько минут назад, казалось, он спокойно спал, но теперь его тело начали пронизывать мелкие движения, знаменующие освобождение от гипнотического транса. Почти одновременно Эви пошевелила головой, а Элисон вытянула руку...

Понимая, что выход из комы близится, Коннор осмотрел экраны компьютера, расположенные перед ним в виде круглой арки. Больница была оснащена самыми передовыми технологиями в области управления информационными ресурсами, что позволяло невропатологу следить в реальном времени за активностью мозга пациентов. В ходе всего эксперимента он наблюдал за мониторами. Во время гипнотического сеанса церебральная активность обычно бывает очень интенсивной за счет ослабления механизмов торможения, что благоприятствует возникновению мысленных образов и создает повышенную чувствительность к эмоциям.

На панели визуального отображения информации Коннор отметил увеличение активности фронтальной доли мозга, отвечающей за управление исполнительными функциями — это указывало на то, что к пациентам возвращался контроль над их телами.

— Вы мне нужны, — объявил Коннор, нажимая на кнопку внутреннего телефона.

Почти мгновенно вбежали две медсестры, готовые присутствовать при пробуждении пациентов и помочь им освободиться от капельниц, которые в течение нескольких часов вводили в их организм максимально допустимые дозы медикаментозных растворов — мощных психотропных галлюциногенов.

Марк первым открыл глаза и снял шлем. Он попытался встать, покачнулся и вынужден был сесть. В его голове тысячи образов и ощущений проносились и сталкивались с молниеносной скоростью: потрясение от обретения дочери; невыразимая радость, когда он узнал, что она жива; страх перед взлетом самолета; галлюцинации; алкогольная зависимость, которую, как он полагал, никогда не преодолет; его странная встреча с Элисон и так взволновавшая его исповедь Эви...

— Как ты себя чувствуешь? — спросил его Коннор.

Марк хотел ответить, но, еще не совсем придя в себя, потянулся рукой

к голове. Образы продолжали возникать в его голове, как болезненные световые вспышки: эпизоды детства, он и Коннор, отрывки его истории любви с Николь, смеющееся личико Лейлы перед огромным зеркалом, ее хрупкий облик, когда она открылась ему, сказав, что умерла...

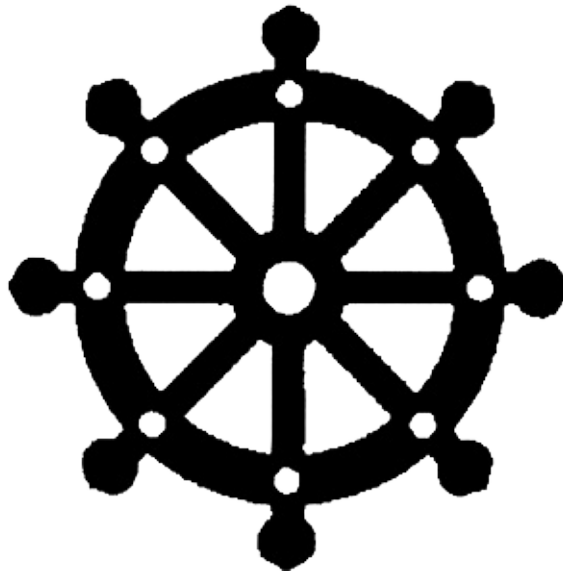
Коннор пошел навстречу другу и положил руку ему на плечо.

— Все пройдет, старик, все будет хорошо.

Поддерживаемая Николь и медсестрой, Элисон с трудом встала. Она избавилась от шлема и положила руки на колени, чтобы не упасть. Голова кружилась, дыхание было затруднено. Гипноз обернулся ужасом, и ей понадобилось много времени, чтобы вернуться в реальность.

А Эви вытянула ноги, руки, потерла затылок. Пока снимали капельницу, на нее вдруг навалилась огромная тяжесть, вызвавшая краткое состояние каталепсии.^[117] Она замигала глазами, потом еще и еще, с трудом различая силуэты вокруг себя. Ее первой реакцией было осмотреть свою руку: татуировка, такая же, как у Элисон, исчезла...

Коннор вновь подошел к пульту управления и постепенного начал увеличивать освещенность комнаты, до сего времени погруженной в полутьму. Вышитая на кармане его халата эмблема клиники предстала взорам всех присутствующих.

Клиника Моцарта

Удалось ли ему то, что он задумал?

Еще слишком рано говорить об этом. Во всяком случае, он зашел далеко, до последнего предела своих знаний, вложив в этот эксперимент опыт всей своей профессиональной деятельности.

Гипноз всегда завораживал его.

Год за годом он использовал этот метод для лечения зависимости от табака и алкоголя, избавления от мигреней и бессонницы, булимии и анорексии. Гипноз давал возможность выявить точки торможения и блокировки защитных процессов психики. Именно в состоянии гипнотического транса врач и пациент могут подобрать ключи к хранилищу «бессознательного», где накоплены тысячи единиц информации, управляющие жизнью каждого человеческого существа. В этом особом состоянии пациент способен погрузиться в забытые воспоминания и жить грезами так, словно они настоящие...

Чтобы вывести Марка, Элисон и Эви на путь выздоровления, Коннор разработал этот сценарий в виде ролевой игры. «Отключив» тело и погрузившись сознанием в некую виртуальную реальность, они должны были предстать перед своими самыми потаенными страхами. В течение нескольких часов Коннор вел их, медленно и постепенно, повторяя внушения, чтобы они лучше ориентировались на путях печали, осознания и прощения. Гипноз стал терапевтическим катализатором, благодаря которому в их сознании за несколько часов произошел такой сдвиг, на который понадобились бы годы классической психотерапии.

Для усиления состояния глубокого транса Коннор использовал магнитный шлем, воздействующий на кору головного мозга височного участка интенсивным магнитным полем, что приводило к помутнению сознания пациентов. В сочетании с максимально допустимой дозой соответствующих препаратов врач спровоцировал мощные галлюцинации, а также вызвал яркие воспоминания детства или психических травм, перенесенных пациентами в жизни.

Уже полностью вернувшиеся к действительности Марк, Элисон и Эви бросали неуверенные взгляды вокруг себя. Начиная с Рождества Коннор вел с каждым из них в отдельности психологические беседы и принял меры предосторожности, чтобы они никогда не встречались друг с другом. Сейчас это произошло впервые — они увидели друг друга в реальной жизни. Хотя никто из них не посмел сказать что-либо другому, но отныне они знали, что связаны между собой навсегда. Физически они все еще полностью не отдавали себе отчета в происходящем. Они были обессилены, вялы, словно несколько часов бежали без передышки. Но в их сознании произошли заметные изменения. Им казалось, что их мозг был перепрограммирован, переформатирован, очищен от вирусов и зараженных файлов по образу и подобию жесткого диска компьютера. Но освободились ли они от тяжести глубокого горя и чувства вины, давившей на них так долго?

Выйдя из клиники, они очутились на бульваре Бэттери-парк-Сити.

По открытому месту гулял сильный ветер. Бульвар, идущий вдоль реки, заполнили бегуны, торговцы из-под полы и любители роликов. Солнце уже склонялось к западу, но небо все еще алело каким-то электрическим отсветом, подчеркивающим весенний цвет лужаек, на которых дети играли в мяч и «летающие тарелки»...

Стоя немного поодаль, Коннор смотрел на троих своих подопечных, спрашивая себя: что готовит им будущее?

Невозможно предугадать последствия такого вида лечения. После гипнотического сна у пациентов всегда возникало чувство свободы и легкости, но отдаленные результаты были неизвестны. У Коннора были больные, которые считали, что они излечились, но потом по какой-то причине кончали жизнь самоубийством. Другие, рассматриваемые некоторыми коллегами как «безнадежный случай», напротив — обретали спокойную и счастливую жизнь.

Так ли случится с Элисон?..

Наследница садится в такси. Через стекло Коннор увидел, как она показывает шоферу, куда ехать, и что-то говорит ему. Желтое авто отъезжает, но до того, как оно исчезает в потоке машин, молодая женщина и врач обмениваются коротким, многозначительным взглядом. Последнее, что видит Коннор, — рука Элисон, которую она прислонила к стеклянной перегородке в знак прощания...

Пока Николь пошла за машиной на стоянку, Марк и Коннор молча стоят рядом, погруженные в свои раздумья.

— Если бы ты знал, как был правдоподобен... — признался Марк после паузы.

Коннор посмотрел на него с сочувствием.

— Лейла... — произнес Марк дрожащим голосом, — она была такой реальной... такой живой...

— Это было единственное средство, которое я смог найти, чтобы помочь тебе, — объяснил Коннор. — Тогда, на Рождество, ты был не в том состоянии, чтобы узнать о смерти дочери. Это тебя убило бы.

— Да, правда, — согласился Марк.

Он задумчиво посмотрел вдаль, в сторону статуи Свободы и острова Эллис.

— Спасибо, что позволил мне поговорить с ней в последний раз, —

сказал он наконец. — Это было так важно для меня...

Коннор посмотрел на друга.

Тот плакал. Мужчины обнялись. Марк произнес:

— Она была так счастлива, там, наверху...

Там, наверху...

Слово странно отозвалось в его сознании, и вновь каждый из них ушел в свои мысли, думая о том, в чем суть этого «*там, наверху*»: чистое творение разума в гипнотическом сне или потусторонний мир?

Перед ними остановился автомобиль Николь. Окна машины открылись, и женщина, с трудом скрывая беспокойство, просто спросила у мужа:

— Куда ты хочешь поехать?

Не раздумывая, Марк сел с ней рядом и ответил:

— Домой.

* * *

Солнце закатилось.

Еще минут десять — и розовый свет башен Баттери-парка окрасится в коричнево-серые тона. Коннор нашел Эви на набережной, стоящей у парапета, окаймляющего оранжерею зимнего сада. Несмотря на то что это место пострадало от терактов, не было видно никаких следов событий 11 сентября. Но все-таки эпицентр взрыва был совсем рядом, и оттого воздух казался насыщенным смертью, ветром и жизнью...

Девушка сидела на одной из стоящих вдоль реки скамеек, поджав под себя ноги, и смотрела невидящим взглядом на элегантные парусники в гавани Норт-Коув.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Коннор, облачиваясь о балюстраду.

— Нормально, — ответила Эви отстраненно.

Коннор зажег сигарету и нервно затянулся. Ему так хотелось, чтобы его эксперимент увенчался успехом — чтобы Эви окончательно отказалась отомстить убийце матери!

— Это вас убьет, — заметила она, помолчав немного.

— Что?

— Сигареты.

Коннор пожал плечами:

— Убить может что угодно...

— Значит, вы не боитесь смерти?

Коннор задумался на несколько секунд, выпуская колечки дыма.

— Жизнь меня пугает больше, — признался он с искренностью, которая удивила его самого.

Однако он бросил окурок в реку и поборол желание тут же закурить другую сигарету.

В последние недели он мало спал. Каждую ночь, с упорством стремящегося к совершенству человека, он беспрестанно работал над осуществлением задуманной им групповой терапии. Теперь вся накопившаяся усталость вырвалась наружу, ослабив его физически и духовно.

Однако он еще свою «миссию» не завершил. Нужно было убедиться, что Эви не вернется к своей навязчивой идее. У него было только одно средство для этого, мощное и необычное, такое, которому не учат в медицинских учреждениях.

Так ведь он и не был обычным врачом...

Его успех, деньги, шикарная машина, квартира стоимостью два миллиона долларов — ничто, и он это знал. Он никогда не входил в узкий круг психиатров Нью-Йорка. Это было не его общество. Его мир — это обветшалые кварталы Чикаго, его мир — это порушенное детство, насилие и страх.

Отбросив последнее сомнение, он подошел ближе к Эви, сел рядом с ней на скамейку и вытащил из кармана пальто пистолет с серебристой рукояткой.

* * *

Это было оружие, которое он двадцать лет назад отобрал у наркоторговцев. Отягчающая улика, от которой он, однако, не избавился, как будто какое-то шестое чувство предупреждало его: однажды это может пригодиться...

Увидев оружие, Эви не дрогнула. Как и Коннор, она вышла из низов: из мира бесчинства, скандалов и выстрелов, где с человеком чаще случается плохое, нежели хорошее.

— Я нашел его, — объяснил Коннор.

— Кого? — спросила она, пристально глядя на него.

— Крэйга Дэвиса, убийцу твоей матери.

Их лица находились совсем близко, всего в нескольких сантиметрах

друг от друга, и Коннор заметил, как Эви слегка вздрогнула, и огонь блеснул в ее глазах.

— Он живет в небольшом доме, прямо за церковью Святого Иоанна Богослова. Вот уже неделя, как я хожу туда каждый вечер. Я знаю номер его квартиры, код, по которому можно войти в подъезд, расписание его дежурств и магазин, где он делает покупки.

Эви чувствовала, что Коннор говорит правду, но ей и в голову не могло прийти, что он вдруг сделает ей такое странное предложение.

— Если ты меня попросишь, я готов пойти и убить его, — сказал он.

Предложение Коннора привело Эви в полное смятение.

— Если ты действительно хочешь отомстить, — продолжил невропатолог, — это можно сделать сегодня вечером. Достаточно одного твоего слова — и через час Крэйг Дэвис покинет этот мир.

Эви растерялась, поняв, что это не пустые слова.

— Решать тебе, — сказал Коннор, прекрасно сознавая, что вручает свою судьбу в руки девушки-подростка.

* * *

Прошла, наверное, минута. Эви подошла к Коннору, стоявшему у балюстрады. Не говоря ни слова, она осторожно взяла из его рук пистолет — последнюю улику случившегося когда-то и мучившего его всю жизнь происшествия.

Она смотрела на оружие несколько секунд с неясным чувством: оно отталкивало и одновременно завораживало ее.

И с силой швырнула пистолет в холодные воды Гудзона.

* * *

Солнце закатилось. Веером стоящие небоскребы светились на фоне почти опустевшего пирса. Долго Коннор и Эви стояли рядом молчаливые, неподвижные, вместе и... порознь.

Неожиданно поднялся ветер, и Эви поежилась.

Когда они возвращались к клинике, врач накинул на плечи девушки свое пальто. Они посмотрели друг на друга: в их глазах было успокоение, и Коннор понял, что спас ее.

И она его — тоже.

Эпилог № 1

Жизнь после...

Марк и Элисон

Марк никогда больше не работал в кабинете Коннора.

Спустя два месяца после лечения он нашел место «уличного психиатра» в ассоциации помощи лицам без определенного места жительства. Целый день он передвигался по городу, наблюдая за сотнями бездомных, которых старался оторвать от алкоголя, вытащить с улицы либо не дать им туда попасть. Он без оглядки ринулся в этот новый бой — и ему многое удалось. Его собственный опыт схождения в ад превратил его в другого человека: молодой амбиционный самоуверенный психиатр уступил место закаленному характером, но более человечному мужчине.

* * *

Порой ему виделась Лейла: на повороте улицы, сидя на ступеньках подъезда, на качелях детской площадки. У нее было то же прелестное личико, серьезное и умиротворенное, как тогда, в самолете...

Она не разговаривала с ним, но делала ему рукой знак, на который он украдкой отвечал.

Это успокаивало его.

Он знал: его дочь рядом с ним, она заботится о нем, как ангел-хранитель из его детства.

Он не сказал об этом ни Коннору, ни Николь, понимая, что эти видения обитают только в его сознании. Ну и пусть! Эта нереальность помогала ему сохранять покой в реальности, которую он сам создал для себя, чтобы вновь встать на ноги.

И только это имело значение.

* * *

Однажды утром в сентябре включив радио, Марк узнал о смерти Элисон Харрисон, погибшей при крушении вертолета в Амазонии. Она

стала главой ассоциации, созданной ее отцом. За последние месяцы молодая наследница вложила много средств в борьбу за чистоту экологии, боролась за сохранение большого тропического леса... Понадобилось несколько недель, чтобы определить местонахождение обломков вертолета, но тела бразильского пилота и молодой наследницы империи Харрисона так и не были найдены.

* * *

В ноябре Марк получил почтовую открытку из Лхассы.^[118]

На ней — скульптура с изображением колеса закона, установленная перед входом в тибетский монастырь.

Послание не было подписано, но он сразу понял, что оно пришло от Элисон.

На открытке стояло всего несколько строк:

«Я часто о вас думаю. Наверное, это правда, что жизнь можно переделать, а не только довольствоваться тем, что просто живешь. Во всяком случае, я теперь цепляюсь за эту надежду.

А пока я хотела бы послать вам одну вещь. Я нашла ее в записной книжке моего отца. Мне хотелось бы верить, что он сохранил это с намерением передать однажды вам...» Далее шли три слова: широта, долгота, высота...

А за ними — ряд цифр, которые вначале озадачили Марка, но потом он понял.

Это были координаты GPS, указывающие место, где похоронена Лейла.

* * *

Декабрьским субботним днем Марк и Николь на машине отправились в путь к пустыне Мохаве. Они мчались по горным массивам и скалистым равнинам.

Солнце в этот день не появилось совсем.

Сразу после полудня они достигли дикой местности недалеко от границы с Невадой. Следуя данным GPS, они съехали с главной дороги и

углубились в зону, состоящую из замшелых булыжников и выщербленных скал. Среди этой бесплодной земли они заметили участок земли с потрескавшейся почвой, на который отбрасывало тень дерево Иисуса.

Она была *там*.

Супруги вышли из машины и, взявшись за руки, пошли к тому месту, где была похоронена их маленькая дочь.

Через шесть лет после ее смерти они смогли, наконец, сказать ей «прощай».

* * *

А жизнь вновь звала их за собой.

Однажды Марк с удивлением заметил, что улыбается и опять заговаривает о будущем.

Со временем Лейла стала приходить все реже и реже...

Это не значило, что он перестал думать о дочери.

Нет, он думал о ней, но по-другому.

Теперь, вспоминая ее, он не испытывал таких жестоких мучений.

В один из вечеров Николь объявила ему, что беременна.

И он обрадовался.

У них родился сын, а через три года — еще один.

* * *

Время шло...

Как-то за полдень в июле, спустя десять лет после этой истории, в аэропорту Хитроу произошла странная встреча.

В то лето Марк и Николь взяли продолжительный отпуск, чтобы показать своим сыновьям — восьмилетнему Тео и пятилетнему Сэму — красоты Старого Света. Они посетили Афины, Флоренцию, Венецию, Париж и Лондон, а теперь семейство собиралось вылететь в Лиссабон.

— Ну, давай Сэмми! — воскликнул Марк, поднимая маленького мальчика на плечи, а Николь подхватила Тео за руку. Все вместе они зашли на эскалатор, ведущий в зону посадки.

На другом эскалаторе, им навстречу, поднималась пара. Мужчина, явно уроженец Южной Америки, глаз не сводил с жены и дочери, маленькой красивой метиски со смуглым личиком.

Когда обе семьи поравнялись друг с другом, взгляд Марка вдруг встретился с глазами женщины, проезжавшей мимо.

Он был уверен — это Элисон Харрисон. Внешне она изменилась: худощавая стройная блондинка с элегантными манерами. Расцвела, загорела, слегка округлилась, что придавало ей вид уравновешенной и спокойной женщины.

Только глаза те же...

Марк часто спрашивал себя, что стало с Элисон. Через несколько месяцев после ее предполагаемой смерти, он прочитал в газете, что вдова Ричарда Харрисона, получив известие об исчезновении своей падчерицы, взяла в свои руки бразды правления империей «Грин Кросс».

И это все.

Элисон, из года в год «украшавшая» первые полосы таблоидов мира, навсегда распрощалась с прессой.

Когда Марк теперь задумывался о чувствах, которые он испытывал к Элисон, то не ощущал горечи и надеялся, что ей удалось обрести покой.

Когда Марк увидел ее на эскалаторе, он понял, что наследница начала новую жизнь, стала другим человеком. Она была не одна, а с надежным, любящим другом — пилотом вертолета, который помог ей заставить всех поверить, что прежняя Элисон умерла. Она и умерла.

И теперь наконец была счастлива.

Элисон тоже узнала его. Они всего лишь обменялись долгими взглядами, но смогли увидеть друг в друге отражение того, что испытали.

Эпилог № 2

Их история...

Эви и Коннор

Чикаго

Эви выбежала из больницы и вскочила в такси, ждавшее ее уже двадцать минут. Она назвала шоферу адрес ресторана на Магнифицент-майл и принялась переодеваться на заднем сиденье автомобиля, так как на ней все еще был белый халат.

Прошло десять лет с тех пор, как она впервые встретила Коннора. Девушка, прошедшая через муки ада, превратилась в красивую молодую женщину. Ей было двадцать пять. Два месяца назад она блестяще защитила диплом по медицине, а на этой неделе начался ее первый год стажировки в отделении тяжелых ожогов Чикагской пресвитерианской больницы. Это было то место, где несколько лет назад лечили Коннора после трагического происшествия.

Совпадение. Да, но не единственное...

Эви сделала все, чтобы получить это место. Она пожелала поехать в город, где родился Коннор, где он провел детство. Она хотела идти по его следам, видеть то, что видел он, выстрадать то, что выстрадал он, чтобы слиться с ним в единое целое.

Она пригласила Коннора отметить получение диплома. Это была своего рода благодарность за все то, что он для нее сделал за эти десять лет: он всегда был рядом, платил за обучение, принимал в лоне своей семьи, состоящей из Марка и Николь.

Кроме того, она хотела сделать ему признание.

Она хотела сказать ему то, что с давних пор томило ее душу.

* * *

Два дня назад, во время ознакомительного визита, предназначенного для новых сотрудников, Эви встретила главного врача больницы Лорену Мак-Кормик, ранее руководившую отделением тяжелых ожогов. Эви знала, кто она, хотя никогда не видела. Коннор рассказывал о ней и ее

самоотверженной борьбе за его жизнь.

— Это благодаря ей я живу еще на этом свете, — признался он в один из редких моментов откровенности.

Эви было очень интересно увидеть Лорену. То, как пристально рассматривала ее Мак-Кормик, очень удивило и смутило девушку, ведь считалось, что они не были знакомы.

Недоумение молодой женщины возросло еще более, когда на следующий день она получила от Лорены Мак-Кормик электронное послание, содержащее только номер истории болезни одного таинственного пациента.

Эви навела справки, но досье было давнишним, и найти его в текущих документах не представлялось возможным. Среди ночи, после дежурства, она отправилась в архив, расположенный в подвале. Несколько часов она бродила по коридорам, заставленным этажерками, провалившимися под тяжестью папок, и в конце концов обнаружила указанную историю болезни.

Это было досье Коннора.

* * *

Она открыла его дрожащими руками. Среди рентгенограмм и отчетов об операциях Эви обнаружила десятки рисунков, сделанных Коннором в то время, когда он лежал в больнице. Затаив дыхание, она внимательно посмотрела первые наброски, затем еще и еще...

На них было одно и то же женское лицо, с чрезвычайной нежностью начертанное карандашом.

И это было ее лицо.

* * *

Она расценила это как знак судьбы. Следовало набраться смелости и признаться Коннору, что она любит его.

Корни привязанности Эви к Коннору уходили очень глубоко.

После сеанса гипноза он почувствовал ответственность за судьбу девушки, так напоминавшей Коннору его самого в те времена, когда он был подростком.

«Она из наших», — признал Марк во время эксперимента.

И это было правдой: одни и те же испытания, одни и те же унижения...

С самого начала они почувствовали близость, и нежность, которую врач испытывал к Эви, с годами только усилилась.

А у Эви не было на свете никого, кроме него.

Принимая его помощь, она вверяла ему свою судьбу, и он стал для нее всем.

Часто она вспоминала список, который составила в дневнике, когда еще жила в Лас-Вегасе. Кое-чему уже не сбыться никогда. Она так и не съездила в отпуск со своей матерью: та умерла, так и не дождавшись пересадки печени. Но Эви все-таки добралась до Нью-Йорка и встретила того, кто ее понимал.

Ну а что касалось ее последнего желания — «*пусть однажды кто-нибудь влюбится в меня*», — она хотела лишь одного: чтобы этот «кто-то» был Коннор.

* * *

Коннор первым подъехал к ресторану. Он передал представителю автомобильной фирмы «БМВ», арендованный в аэропорту, и на лифте поднялся на обзорную площадку с видом на реку Чикаго.

Его усадили за столик, залитый солнцем, откуда он мог с большим наслаждением созерцать грандиозную панораму небоскребов, простирающуюся перед ним, словно лес. Впервые он вернулся в этот город, который видел его рождение и который он покинул при трагических обстоятельствах.

Он уехал изгнанником, а вернулся победителем.

Эти последние десять лет были великолепными. Его эксперименты в области терапии методом гипноза теперь были признаны всеми коллегами и вошли в программы медицинских учебных заведений. С помощью этого метода он вылечил сотни больных и два года подряд удостоивался титула *Best Doctor in America*.^[119]

И семья у него тоже была: он был крестным отцом двух сыновей Марка, которых видел почти каждый день. Теперь они не работали вместе, но все равно были очень близки. Марк был единственным человеком, которому он осмелился доверить свою тайну, не дававшую ему покоя вот уже два года...

* * *

В такси Эви сняла кроссовки и заменила их на красивые туфельки. Покопалась в сумке в поисках маленькой коробочки с косметикой. Раз — немного пудры, два — тонкая линия по контуру глаз, вот и все в порядке!

Она хотела быть такой же красивой, как на рисунках Коннора.

Какова будет его реакция, когда он услышит ее признание в любви? Она совершенно не представляла.

Она не могла больше таиться, ее чувство становилось все сильнее и сильнее, оно душило и разрушало ее...

Все хорошее, что произошло с ней в жизни, случилось благодаря Коннору. Часто она спрашивала себя: что стало бы с ней, если бы она не встретила его на своем пути в тот знаменательный рождественский вечер, когда она попыталась украсть его сумку? Где бы она была сейчас? В тюрьме? На кладбище? Работала бы официанткой в третьеразрядном мотеле?

Порой удача в жизни не зависит от чего-то значительного: случайная встреча, решимость, везение, ход событий...

Все эти годы она старалась удивить его, беспрестанно искала его одобрения. Все, что она совершала, — было для него. Потому что только с ним она чувствовала себя настоящей, самой собой! Коннор был ее недостающей частью.

Он все знал о ней, а она о нем. Эви чувствовала его терзания, страхи, слабые места...

А когда она строила планы на будущее, то всегда видела рядом с собой только его. Только его, и никого другого, представляла отцом своих детей.

* * *

Коннор взглянул на часы и сделал глоток минеральной воды.

Зачем он принял это приглашение? Для чего подвергать себя таким страданиям?

Долгое время Эви и он во всем были заодно, но затем Коннор отдалился, стал чаще ездить на конференции за границу, старался не звонить ей лишний раз. Почему? Потому что понял, что влюбился в молодую женщину, и у него больше не было сил скрывать свою любовь под маской простой привязанности. Он любил в ней все: голос, жесты, улыбку,

каждую клеточку ее кожи...

И то, что она все знала о нем.

Когда Коннор был с нею, он чувствовал, как в его душе пробуждается что-то глубоко затаенное: надежда, желание открыться другим и вера в будущее. Как невролог, он хорошо знал, что любовные переживания — не что иное, как биологическое гормональное и нейромедиаторное [\[120\]](#) явление. Но что толку, раз это не решало проблемы!

Пора было вырваться из тисков этой любви.

Даже если он завоюет сердце Эви, мысль о том, что он может однажды потерять ее, терзала его, и этого было достаточно, чтобы совсем отказаться от счастья. Ему только что исполнилось сорок пять. Он был на вершине своей карьеры и популярности. Сейчас он все еще красив и обаятелен. А потом? Через десять, пятнадцать, двадцать лет?

Внезапно Коннор не выдержал и вскочил.

Зачем он здесь, в этом ресторане для туристов? Ждет женщину, которую никогда не позволит себе любить?!

Он бросил на стол деньги, пробрался сквозь толпу к выходу и вызвал лифт, намереваясь как можно скорее покинуть это место.

* * *

Такси доставило Эви к ресторану.

Она пересекла центральный зал и вызвала лифт, идущий до смотровой террасы.

Две кабины встретились и разминулись, но ни Эви, ни Коннор об этом не знали.

Из-за чего не встретились двое любящих людей?

Доли секунды, нерешительность, невезение, ход событий...

* * *

Коннор вызвал машину и, во власти противоречивых чувств, решил отправиться в аэропорт. Он въехал на скоростную дорогу, но под влиянием какого-то внезапного и одновременно опасного внушения развернулся и направился в квартал своего детства.

В Гринвуде за тридцать лет мало что изменилось. Процесс благоустройства, который затронул часть Сауф-Сайда, не коснулся обветшалых зданий квартала, где он провел свое детство.

Коннор поставил сверкающий новизной автомобиль в центре стоянки. В прежние времена машину такого класса украли бы или сожгли — и пятнадцать минут бы не прошло!

А сейчас — простоит ли она дольше?

Вряд ли, судя по взглядам и усмешкам, которые бросали на нее местные хулиганы, сгруппировавшиеся вокруг парковки. Коннор прошел мимо них, не свернув ни на йоту. К его ногам подкатился баскетбольный мяч. Он наклонился, поднял его и отбросил двум мальчишкам, игравшим «один против одного» на площадке, где когда-то Марк и он сам так часто носились до изнеможения. С трепетом Коннор вошел в подъезд своего бывшего жилища. Теперь только часть почтовых ящиков была выдрана. На оставшихся он прочитал несколько знакомых ему когда-то фамилий, но среди них не было никаких сведений о его последней приемной семье.

В тишине лестничной площадки какой-то мальчуган делал домашние задания.

«Всегда найдется один такой», — подумает Коннор, приветливо кивнув головой в его сторону.

Он ступил на лестницу, ведущую в помещение для хранения мусорных баков. Нетвердым шагом, медленно он спускался, держась за бетонные перила.

Зачем он делал это? Что он искал в этом холодном и темном месте, где расстался со своим детством?

— Ну, педрила, знаешь ли ты, что мы делаем с отбросами?

Он резко повернулся, но вокруг никого не было.

Всего лишь разыгралось его воображение.

Тридцать лет прошло с того трагического вечера, но в его сознании рана была еще так свежа!..

Добравшись до порога, он нажал выключатель. Но комната осталась темной, будто та разбитая лампочка все это время так и висела на прежнем месте.

Он не решался войти.

Что он хотел себе доказать? Что он больше не боится? Что он может встретиться со своими демонами?..

С чувством тревоги он все же проник в комнату и захлопнул за собой металлическую дверь.

«*Педиков мы поджариваем*», — зазвучал голос в его голове.

Но он был один в темноте, и сумерки обступили его.

Он дрожал, и капли пота стекали по спине.

Опять послышался шум, и, несмотря на темноту, ему показалось, что он видит силуэт — призрак пятнадцатилетнего мальчика. Сердце Коннора бешено заколотилось. Он сделал к нему несколько шагов и увидел себя таким, каким был тогда: бледным, худым, выросшим из своей одежды. Маленький Коннор смотрел на него так, будто долго ждал его здесь. И Мак-Кой почувствовал, как в нем пробуждается первобытный страх, который никогда не покидал его и так часто мешал ему жить.

— Ты не должен больше бояться, — прошептал ему подросток.

С грустью Коннор ответил ему:

— Но я ведь боюсь за тебя.

Тот посмотрел на него, стараясь казаться спокойным:

— А со мной теперь все в порядке.

Мак-Кой положил руку на плечо маленького Коннора, потом он закрыл глаза, и страх начал медленно отступать.

И исчез совсем.

Когда Коннор вышел из здания, около машины стояла Эви и ждала его. Она знала, где его искать.

В глубине души она всегда догадывалась, что все закончится здесь, у стен его дома, где он жил в детстве.

Уверенно она потянулась к нему навстречу.

Она знала, что все теперь будет хорошо.

Потому что там, где любят друг друга, никогда не наступает ночь.

Только вам

Дорогие читательницы и читатели!

Я написал четыре книги, ^[121] и вы, прочитав их, продолжаете оказывать мне честь и доверие, оставаясь со мной, моими персонажами и созданными мною мирами.

Многие мне писали и рассказывали, как мои истории увлекли их и стали близкими их сердцу. Я прочитал все ваши письма и все ваши сообщения.

С некоторыми из вас мы встречались на презентациях моих произведений: и были трогательные высказывания, слишком краткие в связи с обстоятельствами; и были теплые слова, которыми мы обменялись на лету...

И после каждой из таких встреч у меня остается всегда одно и то же впечатление: я не сказал вам самого главного.

Я не сказал вам «спасибо».

Спасибо за то, что благодаря вам живут мои романы.

Спасибо за то, что благодаря вам они существуют, их знают и читают другие.

Потому что именно читатели придают смысл моей работе.

Но, безусловно, все это вы уже знаете...

До скорой встречи на страницах нового романа.

Таинственные фразы, появившиеся на стене «Ничего не надо бояться, ведь все можно понять» и «Человека можно уничтожить, но не победить» принадлежат Мари Кюри и Эрнесту Хемингуэю соответственно.

«В тени мертвых башен» — название иллюстрированного альбома Арта Шпигельмана, ^[122] созданного после трагедии 11 сентября.

Примечания

Боб Дилан (1941) — американский автор-исполнитель песен, поэт, художник. По данным опроса журнала Rolling Stones, является второй (после The Beatles) по значимости фигурой в истории рок-музыки. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. перев.)

«Брайтинг» — швейцарские наручные часы.

Авторитетный журнал «Natural Home» включил бруклинский Парк Слоун (Park Slope) в десятку лучших районов Соединенных Штатов.

Бруклин-Хайтс — самый европейский, престижный район Бруклина, с дорогими особняками, кафе и забавными магазинами.

Проспект-парк — большой общественный парк в Бруклине.

Бронкс — район Нью-Йорка.

Монтана — штат на северо-западе США.

ФАА — Федеральное Авиационное Агентство.

«Вэнити фэр» (Vanity Fair) — журнал, издается в Нью-Йорке с 1983 г. Тираж свыше 1 миллиона экземпляров.

Ориндж — один из крупнейших округов в США, расположен в Южной Калифорнии.

Пьер-Франсуа Герлен — парфюмер, в 1828 г. основал в Париже фабрику, которая стала производителем элитной парфюмерии. Парфюмерами «Guerlain» создано более 700 ароматов, некоторые из которых считаются шедеврами.

Бьорк (полное имя — Бьорк Гудмундсдоттир), родилась в 1965 г. в Рейкьявике (Исландия). Исландская певица, актриса, музыкант, композитор и автор песен, лауреат множества премий. Ее песни относят ко многим жанрам и стилям.

На русском языке книга выходила под названием «Девушка, которая играла с огнем»

Джакометти — швейцарский скульптор, живописец и график (1901–1966). Один из крупнейших мастеров XX в.

Роберт Риман — американский художник-авангардист, известен своей серией «Белая линия».

Коламбус-серкл — одна из самых известных площадей Манхэттена.

Шестая авеню — более распространенное название этого проспекта в Нью-Йорке, на Манхэттене. Официальное название — авеню Америк (Avenue of the Americas) непопулярно среди местных жителей.

TriBeCa — жилая и деловая часть Южного Манхэттена в Нью-Йорке. Название происходит от Triangle Below Canal Street.

Стиль альтернативного рока.

Гринвич-виллидж — богемный район в Нью-Йорке, известен с XIX в. как колония художников.

Молескин — плотная прочная хлопчатобумажная ткань, обычно окрашенная в темные цвета. Из молескина шьют спецодежду, рабочие и спортивные костюмы, обувь и т. п.

Брюс Спрингстин — американский рок-певец, родился в Нью-Джерси в 1949 г. Мощью и притягательностью сценических выступлений напоминал молодого Боба Дилана.

Скарлетт Йохансон — американская актриса и певица, родилась в 1984 г. Наибольшую известность получила за роли в фильмах «Трудности перевода», «Девушка с жемчужной сережкой».

Эрик Клэптон — британский гитарист, родился в 1945 г. Командор Ордена Британской империи. Его стиль менялся, но он всегда держался блюзовых корней. Один из самых влиятельных музыкальных деятелей эры рока.

«Каббалисты круче всех».

SoHo — аббревиатура от South of Houston Street, район Южного Манхэттена, где расположены арт-галереи и проживают люди искусства.

Халиль Джебран — американский философ ливанского происхождения, художник, поэт и писатель (1883–1931). Самый читаемый арабский писатель как на Западе, так и на Востоке. Его знаменитое произведение «Пророк» переведено на 100 языков.

Ист-Ривер — рукав р. Гудзон, отделяющий Манхэттен от Бронкса, являющийся судоходным проливом. Длина 26 метров.

Кристиан Бобен — французский писатель. Один из самых модных и популярных романистов Западной Европы. Его книга «Всеменьший» о Франциске Ассизском удостоена премии «Де Маро» и Большой премии за католическую литературу.

Маленькая Италия — район Южного Манхэттена в Нью-Йорке. Традиционное место проживания американцев итальянского происхождения (Italian-Americans). Летом эта часть города превращается в одно большое кафе на открытом воздухе. По аналогии так называют итальянские кварталы и в других городах.

Эд Харрис — американский актер, родился в 1950 г. Роль в картине Джеймса Кэмерона «Бездна» принесла ему мировую известность.

Мутизм — расстройство речи.

Бергамот — гибридный вид растений семейства рутовых, получен путем скрещивания померанца и цитрона.

Флердоранж — белые цветы померанцевого дерева, принадлежность свадебного убора невесты.

Кит Джаррет — американский джазовый пианист, саксофонист и композитор, родился в 1945 г. В три года начал учиться музыке, в семь лет дал первый сольный концерт. Его импровизациям нет аналогов в мировом музыкальном искусстве.

Камилла Клодель — французский скульптор и художник-график (1864–1943). С 1884 г. работала в мастерской Родена и была его моделью, источником вдохновения, ученицей и любовницей.

Мадленки — сорт печенья.

«*Made in Heaven*» — последний альбом рок-группы «Queen», выпущенный 6 ноября 1995 г.

Эмили Дикинсон — американская поэтесса (1830–1886). При жизни опубликовала менее десяти стихотворений из 1800, написанных ею. Стихи Дикинсон не имеют аналогов в современной ей поэзии.

Перевод Н. Лясковской.

Имеется в виду «International Herald Tribune» — многотиражная международная газета на английском языке. Продается в 180 странах.

Анри Лабори — французский хирург (1914–1995). Ввел в лечебную практику препарат хлорпромазин (аминазин) и установил его противошоковое действие.

«Следуйте за белым кроликом...» (англ.)

Английский фут = 30,48 см.

Граффити-бомбы — одна из форм граффити — быстро сделанный рисунок, покрывающий большую поверхность.

Стрип — главная улица города, где расположено большинство отелей и туристических достопримечательностей.

Эви, поторопись, иначе мы опоздаем на работу (*исп.*).

Иду, Кармина, еще две минутки (*исп.*).

«Веселое морское путешествие» — американский телесериал.
Комедия из 249 серий.

Электро — жанр электронной музыки, возникший в США на стыке хип-хопа, фанка, электропопа (Гэри Ньюман) и стиля музыки германской группы «Kraftwerk».

Босса-нова — стиль бразильской музыки, представляющий собой смесь джаза с различными местными ритмами, среди которых в первую очередь самба.

Малибу — город в США, штат Калифорния, известен своим теплым климатом и песчаными пляжами. Место проживания голливудских звезд.

Атриум — закрытый внутренний двор древнеиталийского и древнеримского жилища, куда выходили остальные помещения. В современной архитектуре — внутренний световой дворик в здании.

Курт Кобейн (1967–1994) — американский вокалист, гитарист и лидер знаменитой группы «Нирвана». Страдал от наркотической зависимости. По одной из версий следствия, покончил жизнь самоубийством, выстрелив себе в голову из ружья.

Дэвид Роберт Джонс (1947), более известный под псевдонимом Дэвид Боуи, — британский рок-музыкант, певец, продюсер, аудиоинженер, композитор, художник, актер.

The man who sold the world (*англ*).

MTV Unplugged — телешоу на MTV (музыкальный канал).

Game over — игра закончена (*англ.*).

Otis Ray Redding (1941–1967) — классик соул-музыки. Журнал «Роллинг стоунз» в 2008 г. назвал его 8-м среди величайших певцов послевоенного времени.

Что там опять? Вы когда-нибудь прекратите надоедать мне? (*исп.*)

«Корона» — мексиканское пиво.

«Грейхаунд» — национальная автобусная компания, обслуживающая пассажирские междугородние, в том числе трансконтинентальные маршруты. Пассажирам разрешается останавливаться в любых местах по маршруту следования, пока не истек обозначенный срок действия билета (7, 15 и 30 дней).

«Теряя веру». У американской рок-группы R.E.M. есть хит с таким названием.

Delirium tremens — белая горячка.

Матюас Мальзо — французский писатель, музыкант группы «Dionysos». Автор романа «Механика сердца», права на экранизацию которого купила продюсерская компания Люка Бессона.

Сауф-Сайд — Юг или Южная сторона. В сленге хип-хоперов обозначается цифрой 13, символом неудачной жизни, отстоя.

Джеймс Браун — американский певец, «крестный отец» соул-музыки, получивший «Грэмми» в 1986 г. за сингл «Living in America».

Маджик Джонсон — выдающийся американский баскетболист. Олимпийский чемпион 1992 г. Дважды признавался лучшим игроком «Матча всех звезд» — в 1990 и 1992 гг.

Говард Зинн — американский историк-политолог, драматург, активный участник многочисленных общественных антивоенных, антирасистских движений. Родился в 1922 г. В 1980 г. была издана его книга «Народная история США», написанная в традициях критической педагогики, которая побила все рекорды популярности. В 2007 г. на ее основе вышел многосерийный документальный фильм.

Интубация — введение в гортань через рот специальной трубки для устранения нарушения дыхания при ожогах.

«Человек-слон» (*The Elephant Man*) — фильм 1980 г. американского режиссера Дэвида Линча, основанный на биографии знаменитого британца XIX в. Джозефа Мерика.

Катаболизм (от греч. καταβολή — «сбрасывание, разрушение») или энергетический обмен — процесс метаболического распада, разложения на более простые вещества (дифференциация) или окисления какого-либо вещества.

«Супер-Джумбо» — так называется гигантский самолет А-380.

Мечь — это блюдо, которое лучше подавать холодным... (*англ.*).

«*Монограмма*» — ткань, созданная в 1896 г. сыном Луи Вюиттона, основателя знаменитого торгового дома.

Louis Vuitton (фр.) — Луи Вюиттон.

Отвали! (англ.)

NYPD — New York City Police Department (*англ.*) — полицейский департамент города Нью-Йорка. Это самая большая правоохранительная организация в мире. Главной ее обязанностью является охрана правопорядка в пяти административных округах города.

Annuaire inverse — бесплатная поисковая система, позволяющая по номеру телефона узнать имя, адрес и место работы любого человека.

«Крекинг» — программа взлома паролей.

«*Повелитель приливов*» — роман американского писателя Пэта Конроя (1945 г. р.).

«Могилы светлячков» — полнометражный анимационный фильм, созданный на базе автобиографической истории Акиюки Носаки, считающейся классикой японской литературы о Второй мировой войне.

Анна-Софи Мюттер — знаменитая немецкая скрипачка, особенно известная исполнением произведений Моцарта и Бетховена (*прим. автора*).

«*Нет ничего нового под солнцем*» — высказывание из книги Экклезиаста.

«Сладкая жизнь» — название популярной песни группы «Кануа West».

Frozen Hot Chocolate — горячее мороженое (замороженный горячий шоколад).

Джон Колтрейн (1926–1967) — американский тенор и сопрано-саксофонист, лидер группы. Один из самых влиятельных джазовых музыкантов второй половины XX в.

The fresman years — годы становления (*англ.*).

Вашингтон-сквер — парк в центре острова Манхэттен.

Площадь на юге Манхэттена, украшена триумфальной аркой Вашингтона и памятником Гарибальди. Популярное место встречи студентов Нью-Йоркского университета.

The golden years — счастливая пора (*англ.*).

«*Никерс*» — нью-йоркская баскетбольная команда.

Афродизиаки — средства, повышающие жизненные силы организма, в том числе усиливающие половую способность.

Гварнери — фамилия известной семьи скрипичных мастеров из Кремоны, которые в XVII и XVIII вв. создавали великолепные инструменты, по качеству сравнимые со Страдивари. (Прим. автора).

The family man — семейный человек (*англ.*).

American life — по-американски (*англ.*).

Марвин Грей (1939–1984) — американский певец, музыкант, автор песен. Его имя увековечено в Зале славы рок-н-рола.

Леонард Коэн (1934) — канадский писатель, поэт, автор песен. Песни и поэзия Коэна оказали большое влияние на многих поэтов-песенников и музыкантов.

Джон Кэш (1932–2003) — легендарный американский певец. Один из самых влиятельных кантри-музыкантов послевоенного времени.

Château cheval blanc — французское красное сухое вино. Шато Шеваль Блан — винодельческое хозяйство, расположенное в коммуне Сен-Эмильон, региона Бордо, входит в список лучших производителей бордо.

Одежда вина — цвет вина и его внешний вид.

Обширный класс вещества, содержащегося в растениях. Танины винограда усиливают окраску красных вин.

The darkness years — темные времена (*англ.*).

Мусклор — герой компьютерной игры «Хозяева Вселенной», наделенный необычной силой.

Слова Томаса Борхе, последнего из живущих основателей Сандинистского фронта национального освобождения Никарагуа.

MSNBS — сайт электронного медиаформата в западном Интернете.

«Магнолия» — фильм американского режиссера Пола Томаса Андерсена, получивший множество наград.

«Дерево Иисуса» — юкка коротколистная гигантская. Она произрастает только в пустыне Мохаве, в Калифорнии. Новые побеги на дереве вырастают под прямым углом. Существует поверье, что первые пришедшие в Мохаве мормоны, увидев эти воздетые к небу «руки», вспомнили Иисуса Навина.

Андре Мальро (1901–1976) — французский писатель, культуролог, герой Французского Сопротивления, идеолог Пятой республики, министр культуры в правительстве де Голля.

«It's a wonderful life», «Miracle on 34th Street» — «Чудесная жизнь»,
«Чудо на 34-й улице» (*англ.*).

Анксиолитические средства — психотропные средства, избирательно подавляющие чувство эмоционального напряжения, беспокойства, тревоги, страха; применяются в основном при невротических состояниях.

Виллидж (англ.) — административно-территориальная единица с собственным уставом, принятая в нескольких штатах. Населенные пункты с таким статусом и населением свыше 25 тыс. человек есть в штатах Иллинойс и Нью-Йорк.

Ground Zero — эпицентр взрыва (*англ.*). Так журналисты называли часть Манхэттена в Нью-Йорке, где 11 сентября 2001 г. в результате теракта были разрушены башни Всемирного торгового центра и соседние здания.

«Легко жить с закрытыми глазами» (*англ.*).

Эллис — небольшой остров близ Нью-Йорка. В 1892–1943 гг. — главный центр по приему иммигрантов в США. С 1965 г. стал частью Национального парка «Статуя Свободы». В 1990 г. здесь открылся музей иммиграции «Остров Эллис».

Борис Цирюльник — известный французский психиатр, этолог, основатель направления исследований этологии поведения человека.

Каталепсия — симптом двигательных расстройств, характеризующийся застыванием больного в принятой им позе.

Лхасса в переводе с тибетского языка означает «страна небожителей». Это главный город Тибета, расположенный на высоте 3630 м над уровнем моря.

Best Doctor in America — лучший доктор Америки (*англ.*).

Нейромедиаторы — биологически активные вещества, посредством которых осуществляется передача электрического импульса с нервной клетки.

Сегодня Гийом Мюссо автор более десяти книг, переведенных на разные языки мира (*Прим. ред.*).

Арт Шпигельман — американский художник и писатель, автор романов-комиксов.